

география/этнография

Самые богатые люди Древнего мира

Геннадий Левицкий

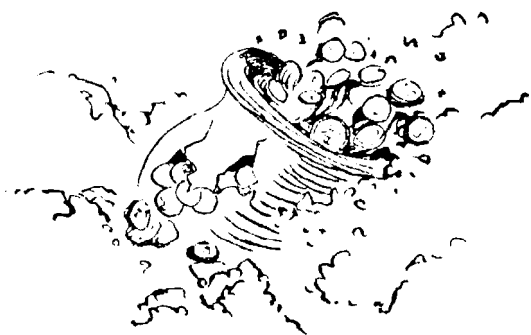
Самые богатые люди Древнего мира

Геннадий Левицкий

Ломоносовъ
издательство

Геннадий Левицкий

Самые богатые люди
Древнего мира

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2011

УДК 930.85
ББК 63.3(0)3
Л37

Иллюстрации И. Гришиной

Scan by Greego

ISBN 978-5-91678-110-6

© Г. Левицкий, 2011

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2011

Предисловие

Жагда накопительства преследовала человечество во все времена. Деньги, золото, а с ними еще один сопутствующий соблазн — власть — делали выдающиеся личности рабами собственных пороков. Увы! За многие тысячи лет люди не изменились, у них все те же вождения и мечты, все то же нежелание отказываться от самоубийственных страстей, все то же пренебрежение к опыту прежних поколений. Менялись люди, их образ жизни и цели, возникали и пропадали в несбытие города и народы, но оставалась вечной бешеная погоня за золотом и властью.

В седой древности мы находим людей, чьи имена стали символами богатства, их состояния вызывают зависть даже у современных миллиардеров. Но для чего копил каждый из героев книги и принесло ли им богатство желанное счастье? «Деньги бывают царем иль рабом для того, кто скопил их», — справедливо писал римский поэт Квинт Гораций Флакк.

Золото, добытое из земли с помощью примитивных технологий, с колоссальными затратами труда, сделав черное дело, вновь уходило в землю: в пожарах сжигаемых городов оно — смешиваясь с железом,

медью и, конечно же, человеческой кровью — теряло свою ценность. В страхе перед врагами его закапывали обратно в недра, топили на дне морском... Лишь малая доля античных богатств дошла до наших дней, но и эти ничтожные крохи оплачены кровью многих поколений кладоискателей...

Золото не исчезает, оно продолжает жить среди нас и манит к себе все так же сильно, желание обладать им не стало меньше за многие тысячелетия. Золото — в силу своей мягкости — никчемный и самый бесполезный металл для человека, но его дьявольская сила сотрясает планету и приносит неисчислимые бедствия.

Тутанхамон (ок. 1400–1382 до н.э.) — самый известный египетский фараон, а богатейшим человеком он стал по праву рождения. Он не совершил ничего значимого в жизни. Не смог. Не успел. Благополучно забытый в глубокой древности, властитель прославился сравнительно недавно, и лишь тем, что был обнаружен в гробнице, наполненной золотом. Ему страшно повезло в загробном мире — молодой фараон покоился среди милых сокровищ более трех тысяч лет, тогда как все до единой гробницы вокруг подверглись разграблению. Многочисленные кладоискатели так и не обнаружили заветный ход в погребальную камеру, и лишь вездесущий англичанин Говард Картер сумел добраться до мумии властителя Египта и отнять сокровища, но взамен фараон получил всемирную славу. Все добивались ее при жизни, Тутанхамон купил ее после смерти.

Соломон правил Израильско-Иудейским царством с 965 по 928 г. до н.э. Он сделал страну настолько богатой, что серебро утратило свою цену. Упиваясь могуществом, Соломон позабыл Божьи заповеди; и построенное им детище рухнуло, рассыпалось на куски.

Навуходоносор — царь из Нововавилонской (халдейской) династии; в его правление (605–562 гг. до н.э.) Нововавилонское царство достигло небывалого расцвета. Он ограбил всю Азию и такой ценой превратил Вавилон в прекраснейший город планеты. Красота, построенная на крови, недолго радовала потомков Навуходоносора; скоро в знаменитых тысячах садах будут отдыхать чужеземные завоеватели.

Крез (595 — после 546 до н.э.) — легендарный царь Лидии. «Богат как Крез!» — так на протяжении двух тысячелетий

отзываются о людях, обладающих несметными сокровищами. Крез считал себя счастливым, будучи баснословно богатым и управляя сильным государством. Лишившись всего, он принял самые жестокие удары злого рока и стал еще богаче — не деньгами, но мудростью.

Кир (ок. 590—530 до н.э) присоединил золото Креза и Навуходоносора к прочим богатствам покоренных стран, но неожиданно вернул иудеям наследие Соломона. Он заставил работать золото и приносить дивиденды в виде новых территорий, новых подданных. Кир был не беднее Тутанхамона, но в мировую историю попал за совершенные дела, а не за состояние, дающее право оспаривать первое место среди богатейших людей земли. Могущественный царь не пожелал, чтобы сокровища присутствовали в его могиле. Кир единственный завоеватель, о котором в Библии можно прочесть добрые слова.

Луций Лициний Лукулл (ок. 117 — ок. 56 до н.э.) — один феномен времен сурового республиканского Рима. В роскоши с ним сравниться не мог никто. Многие слышали выражение «лукуллов пир», но мало кто знает, что любитель изысканных обедов был одним из самых блестящих полководцев древности. Его невероятные победы в Азии можно сравнить с победами Александра Македонского, и еще не известно, в чью пользу будет сравнение.

Марк Лициний Красс (ок. 115—53 до н.э.) не был царем или фараоном, не получил богатого наследства. В начале жизненного пути он лишился отцовского дома, имущества и превратился в беглеца. Он воспитывался в патриархальной римской семье, где презиралось богатство. И тем не менее мир знает Красса как самого богатого римлянина, на личные средства содержавшего армии и угощавшего граждан на десятках тысяч столов. Самое удивительное: он сколотил состояние не в традиционных захватнических войнах — он его заработал... Античные писатели единодушно упрекают Красса в жадности и тут же приводят примеры его неслышанной щедрости. Появившийся не в свое время — он оказался не понятым современниками, но принять себя и считаться с собой Марк Красс их заставил.

Популярность через 3300 лет

Тутанхамон — так звали фараона эпохи Нового царства, родившегося около 1400 г. до н.э. и прожившего всего восемнадцать лет. Царственного юношу окружали популярнейшие личности, причем их слава не померкла до сих пор. Достаточно сказать, что его тещей была Нефертити, считавшаяся необыкновенно красивой женщиной. В наше время проводятся конкурсы «мисс Вселенная» с годичным правом обладания короны, так вот Нефертити, кажется, победила в конкурсе «мисс Древний мир».

Тесть Тутанхамона — Эхнатон знаменит как религиозный реформатор. Этот фараон пытался уничтожить всю религиозную систему Египта. Вместо бога Амона и множества прочих богов он провозгласил культ Атона. Эхнатон первым в истории человечества пытался ввести единобожие — в конце концов к этому и пришли основные религии мира. Попутно Эхнатон желал сломить могущество старой знати, и, естественно, не у дел осталось многочисленное жречество, кормившееся со старых культов. Реформы не добавили спокойствия в стране, а тем временем Сирия и Палестина при поддержке хеттов пытались отколоться от Египта; еврейские племена также не гнушались грабить Египет, окунувшийся

в междоусобные распри. Обстоятельства смерти Эхнатона неизвестны, но едва ли известный реформатор умер в постели от старости либо от простуды.

В связи с этими событиями и упоминается один-единственный раз имя Тутанхамона: найдена стела, информирующая о том, что Тутанхамон отменяет чужого бога Атона, возвращает привычного египтянам Амона и все отнятое у жрецов. Едва ли мальчик, вступивший на престол в одиннадцатилетнем возрасте, сам решился на такой шаг. Так что и на стеле его имя появилось благодаря стараниям безработных жрецов и пострадавшей от реформ старой знати.

Да! Еще его имя было найдено на кое-какой домашней утвари и на нескольких амулетах рядом с изображением жука-скарабея. Этот маленький навозный жук был одним из символов Древнего Египта. В качестве талисмана его имел каждый египтянин; изображения трудолюбивого жука производили миллионами экземпляров: из золота, дерева, зеленого базальта, зеленого гранита, известняка, зеленого мрамора, голубой глины, фаянса, покрытого пурпурной, голубой, зеленой глазурью...

Умер Тутанхамон молодым, но, похоже, без посторонней помощи. После исследования его мумии ученые назовут предположительную причину смерти: гангрена, развившаяся после перелома ноги. По веночку из васильков определили, что погребение произошло между серединой марта и началом апреля — именно в это время цветут в Египте васильки.

Поскольку считается, что процесс мумификации длится семьдесят дней, то умер Тутанхамон, скорее всего, в декабре — январе. В Египте это разгар охотничьего сезона, и некоторые исследователи предположили, что фараон получил перелом ноги при падении с колесницы во время охоты. С тем же успехом он мог неудачно упасть на войне, а мог и оступиться на лестнице своего дворца или поскользнуться при осмотре строящейся для него гробницы. Ибо о гробнице фараоны начинали заботиться, едва заняв трон.

Впрочем, срок мумификации в семьдесят дней, определенный учеными, — тоже весьма условный; в гробнице одной царицы есть свидетельство, что между ее смертью и погребением прошло 272 дня.

Вот и все, что мы можем сказать о личности Тутанхамона. Как окажется в 1922 г. — уже нашей эры, — главная заслуга Тутанхамона в том, что он родился.

Разумная случайность

Открытие единственной почти не разграбленной гробницы фараона сопровождала полоса случайностей, повернись удача немного другой стороной — и мир не увидел бы тысячи произведений искусства древних египтян; насколько беднее было бы тогда наше представление об эпохе фараонов. Впрочем, случай помогает тем, кто заслужил его своим упорством.

Нашел гробницу Тутанхамона английский археолог Говард Картер, и он благодаря своей находке стал самым известным археологом XX в. Финансировал проект лорд Джордж Карнарвон.

Раскопки в Долине царей англичане вели с 1914 г. На некоторое время они прерывались из-за войны, но после нее тотчас возобновились. До 1922 г. достижения Картера можно назвать более чем скромными. Ничего существенного не было обнаружено, кроме опустошенных грабителями могил фараона Аменхотепа и захоронений нескольких цариц, и Карнарвон решил свернуть убыточный проект. Сомнения лорда понятны; большинство гробниц было разграблено самими же египтянами, а затем по бывшим владениям фараонов прошла масса народов, у которых не было почтения к обожествленным владыкам Египта: персы, македоняне, римляне, арабы... Еще меньше пугали священные места современных кладоискателей. Однако Картер верил, что грандиозное открытие близко, он уже чувствовал запах венка, сплетенного из свежего лавра, слышал барабанную дробь победы в свою честь. Лорду археолог ответил, что будет продолжать раскопки за свой счет, даже если ему придется голодать.

Картер знал, что искал: его интересовала неразграбленная могила фараона по имени Тутанхамон, хотя шан-

сы найти что-нибудь стоящее в перекопанной, казалось бы, до последнего сантиметра Долине царей представлялись минимальными. Еще Диодор Сицилийский, посетивший гробницы фараонов в I в. до н.э., нашел их пустыми. Не верил в удачу Картера и крупнейший знаток истории фараонов Гастон Масперо, директор Службы древностей Египта.

На чем же основывалась маниакальная уверенность Картера в успехе предприятия? На самых косвенных фактах. В 1881 г. был случайно обнаружен тайник, заполненный мумиями. Оказалось, что в конце X в. до н.э. жрецы собрали сюда мумии многих фараонов XVIII и XIX династий, а также их ближайших родственников. Дело в том, что повсеместно начались грабежи пирамид и жрецы надеялись спасти если не сокровища, то хотя бы останки владык Египта (всего 36 мумий). В 1898 г. был найден второй склад царственных мумий в ограбленной гробнице Аменхотепа II (еще 13 мумий). Среди множества забальзамированных останков фараонов XVIII династии не хватало только Тутанхамона. Конечно, грабители, могли уничтожить его мумию еще в древности... Многие сомневались: существовал ли вообще фараон с таким именем?

В самых подробных книгах по истории Египта Тутанхамону посвящалось всего лишь пара строк. Но в XX в. он решил вернуться к людям и периодически заявлял о себе. В 1902–1912 гг. раскопки в Долине царей проводил американский меценат Т. Дэвис. Итоги этой грандиозной экспедиции были незначительными, но в самом конце работ в тайнике под скалой был обнаружен фаянсовый кубок с именем Тутанхамона. В другом тайнике обнаружили ларец, в котором находился обломок золотой пластины с именами и изображениями Тутанхамона, а также его жены с труднопроизносимым для нас именем — Анхесенпаамон. Видимо, грабители, побывавшие в гробнице фараона, разделили утащенные вещи, но кто-то не смог воспользоваться своей долей.

Другой американский археолог, разбирая находки экспедиции Дэвиса, заинтересовался глиняными сосудами. Первоначально они не привлекли внимания, так как содержали

ненужный хлам, обычно валяющийся на деревенских чердаках. Однако среди черепков, обрывков льняной ткани, венков нашлись глиняные печати с именем Тутанхамона. Вероятно, этими вещами пользовались во время погребального обряда, а затем закопали. Картер предположил, что неподалеку от места находки сосудов с погребальными принадлежностями должна быть и гробница.

Заразившись одержимостью Картера, Карнарвон согласился финансировать раскопки еще один сезон — зиму 1922—1923 гг., согласился, несмотря на то что оба неудачника-энтузиаста уже стали посмешищем в глазах ученого мира. Но смеялись, как выяснилось, зря...

«Золото — всюду мерцало золото...»

---

1 ноября 1922 г. экспедиция приступила к расчистке от щебня и мусора пространства близ гробницы Рамсеса. Ими оказался засыпан древний поселок строителей царских гробниц. Все это было бы интересно туристам, но не археологу, поставившему себе цель открыть нетронутую гробницу фараона. Но вот под одной из хижин 4 ноября обнаружилась высеченная в твердой породе ступенька, ведущая вниз. За ней нашли еще двенадцать ступенек, приведших археологов к замурованному входу, на котором значились печати Тутанхамона. Дверь открыли 26 ноября — его Картер назовет самым замечательным днем в своей жизни.

Картер пробил отверстие в замурованной двери и просунул в него руку со свечой. «Когда глаза освоились с полумраком, детали комнаты начали медленно выплывать из темноты, — описывает археолог в дневнике первые впечатления. — Здесь были странные фигуры зверей, статуи и золото — всюду мерцало золото. На какой-то миг — этот миг показался, наверное, вечностью тому, кто стоял позади меня, — я буквально онемел от изумления...»

Первая же открывшаяся комната была переполнена множеством уникальных предметов, представляющих собой редчайшие образцы древнеегипетского искусства, — и золото не

было самой дорогой их составляющей для истинного ценителя.

Целых десять лет работали археологи в гробнице Тутанхамона. Гроб самого фараона вскрыли лишь через три года после обнаружения гробницы. Впрочем, гробов было много, и трудностей с ними соответственно. Когда вскрыли массивный каменный саркофаг, то увидели деревянный позолоченный гроб — размеров более чем приличных для высушенных останков фараона.

Оказалось, что матрешку придумали совсем не русские (по крайней мере, сам принцип): в деревянном гробу лежал еще один гроб — практически такой же, как и первый, но меньше размерами. Открыв его, археологи обнаружили третий гроб — не позолоченный, как предыдущие, а сделанный из чистейшего золота. Его вес — 110 килограммов, длина 1,85 метра, толщина стенок — 2,5–3,5 миллиметра. Гроб был инкрустирован бирюзой, сердоликом и лазуритом.

В золотом гробу и покоился Тутанхамон. Массивная посмертная маска из кованого золота (вес — 9 килограммов) закрывала лицо и плечи фараона. Она была инкрустирована лазуритом, сердоликом и цветным стеклом. Пожалуй, ныне маска — самый известный экспонат из гробницы, ее изображение можно найти в рекламном проспекте любой туристической фирмы, предлагающей туры в Египет.

Только в гробу нашли 143 различных предмета: кинжалы, амулеты, браслеты... — многие вещи из золота. Среди множества сокровищ сиротливо выглядит кинжал из обычного железа. Да, было время, когда этот металл ценился не дешевле золота, и клинок из гроба Тутанхамона является одним из древнейших изделий из железа, найденных на территории Египта.

Еще одна ценность — не из дешевых — присутствовала в гробу Тутанхамона в огромных количествах; она принесла археологам много проблем — и, пожалуй, ничего более. Во время погребения в гроб влили столько различных благовоний, что мумия со всеми окружающими предметами буквально плавала в них. Со временем изысканная парфюмерия превратилась в смолистую массу, которая склеила два последних гроба между собой и, что еще хуже, приклеила

посмертную маску к лицевой части мумии. Одно неверное движение — и облик фараона мог быть безвозвратно испорчен. Вещества, входившие в состав благовоний, окислились, обуглили бинты, в которые была завернута мумия, и даже повредили кости. Пришлось с помощью парафиновых ламп растапливать затвердевшую массу. В холодном состоянии она не имела запаха, но при нагревании почувствовался сильный аромат, хранившийся в гробах более трех тысячелетий.

В последний путь фараону оставили запечатанный кувшин с вином. Но никому не довелось попробовать напитка с выдержкой в три тысячи лет, вино в кувшине оказалось на стадии брожения, оно разорвало посуду и вылилось наружу.

Наконец сняли все шестнадцать слоев полотняных пеленок, и фараон предстал все в том же золоте. Он был обут в золотые сандалии, а на пальцы рук и ног надеты изысканные золотые футляры. Это не просто украшение, а необходимость. Во время мумификации мягкие ткани усыхают, а ногти нет; в результате последние покидают тело. Иногда бальзамировщики делали надрез вокруг ногтя и заворачивали кожу. Получался натуральный наперсток; и так поступали с каждым пальцем на руке и ноге.

С Тутанхамоном решили не экономить: каждый палец руки предварительно обернули полоской полотна и вставили в золотой футляр.

Рядом с погребальной камерой располагалась сокровищница. В центре комнаты находился позолоченный ковчег, где хранились внутренние органы фараона, извлеченные при бальзамировании. Охраняла сердце и печень фараона статуя бога Анубиса в виде шакала. Глаза его, инкрустированные золотом и обсидианом, блестели под лучами падающего света, как живые.

Многочисленные ящики, ларцы, сундуки были наполнены необходимыми в загробной жизни предметами. Вместительные сокровища сами по себе были уникальными артефактами — изучение одного ларца, инкрустированного слоновой костью и эбеновым деревом, показало, что на его изготовление пошло около сорока пяти тысяч деталей!

Тысячи и тысячи бесценных реликвий... Для предметов из гробницы Тутанхамона Каирский музей отвел целых тринадцать залов. Как оказалось, найденное Картером — далеко не все сокровища, положенные в гробницу древними египтянами. Захоронение дважды посещали грабители; согласно предположению Картера, они унесли около шестидесяти процентов хранившихся в сокровищнице ценностей.

Древние джентльмены удачи

Египтяне больше надежд связывали не с реальной жизнью, а с загробной и потому уделяли огромное внимание местам собственных захоронений. Такой вывод подтверждается рассказом Диодора Сицилийского: «В самом деле, жители очень низко ценят временную жизнь; напротив, память о добродетелях, сохраняющаяся после смерти, ставят превыше всего. Жилища живых они называют гостиницами, так как мы живем недолгое время, гробницы же мертвых они называют вечными домами, ибо в Аиде мы проводим нескончаемый век. Вот почему они мало заботятся о постройке домов, но зато не перестают трудиться с величайшим рвением над отделкой гробниц».

Богатства гробницы Тутанхамона нам кажутся фантастическими. Однако они довольно скромны по древнеегипетским меркам; фараон скоропостижно умер в юном возрасте и не успел достойно подготовиться к загробной жизни. Его гробница состояла всего из четырех комнат, тогда как прочие усыпальницы фараонов насчитывали несколько десятков помещений, множество коридоров, этажей.

Естественно, возникает вопрос: какие же богатства хранились в этих грандиозных сооружениях!? Желающих выяснить это находилось великое множество.

Устроители пирамид использовали множество хитростей против воров: ложные ходы, ведущие в тупик, системы ловушек... Чтобы запутать кладоискателей, некоторым фараонам пришлось отказаться от обязательного заупокойного храма

подле гробницы; возводились фальшивые усыпальницы, не уступающие по масштабам настоящим.

Более всех, пожалуй, изощрялся в борьбе с будущими грабителями фараон Аменемхет. Как и положено благочестивому сыну, он построил себе пирамиду подле гробницы своего отца. Но одновременно возводилась еще одна, в совершенно другом месте. Она не имела ни подъездной дороги, ни положенного традицией храма и больше походила на памятник правителю. Однако именно в ней и был погребен Аменемхет.

На этом антиграбительские меры фараона не закончились. Как и полагалось, в пирамиду вел центральный ход, замурованный блоками. Воры благополучно разбили блоки и оказались в коридоре. Он привел их в тупик. Однако они знали, что если хорошо поискать, то можно обнаружить: плита потолка в одном месте сдвигается. Этот лаз был обнаружен, и вот, наконец, желанная погребальная камера! Но она оказывается пуста, строители гробницы хотели сказать, что пирамида либо уже ограблена, либо захоронения в ней нет. Но грабители не поверили и продолжили поиски. И вот найден еще один коридор. Здесь предстояло разгадать много загадок: сдвигающаяся стена, секретный люк; попутно нужно было разбить тонны каменных блоков. Но в конце пути снова оказалась ложная погребальная камера. Не известно, сколько столетий черные копатели мучились с гробницей Аменемхета, но все же боковой коридор был найден. Правда, счастливым и тут пришлось немало повозиться. Ведь погребальная камера фараона была вырублена из цельного камня весом примерно в 110 тонн. Сверху ее накрывала каменная плита весом более 45 тонн. Но в конце концов пробили ход и через плиту — возможно, даже не очень надеясь на удачу. Но грабителям повезло: желанное золото оказалось в камере. Они жестоко отомстили фараону за подобные шутки: его мумию и все, что не признали ценным, сожгли.

Охраняла гробницы целая каста жрецов. Фараоны отписывали им огромные территории на вечные времена, в их поместьях работало множество народа. При каждой пирамиде жил целый небольшой мирок. Обслуживание культа фараона осуществлялось непрерывно столетиями. Жрецы благополучно пережили падение власти фараонов, нашеств-

вие персидского царя Камбиса, перед их глазами прошло войско Александра Македонского, а они продолжали свою службу.

Впрочем, ни одну из гробниц не удалось сберечь от вездесущих грабителей. Уже во времена Рамзеса IX (1127—1109 до н.э.) грабеж усыпальниц стал чем-то вроде национального египетского промысла. Найдено большое количество папирусов, которые так или иначе свидетельствуют о том, что недостойным делом занимались все слои населения. Из протоколов проверки состояния гробниц, составленных во время правления Рамзеса IX, следует, что грабители пытались проникнуть почти в каждую гробницу некрополя Фив. Однако на то время из десяти царских усыпальниц вскрыть удалось лишь одну. В остальных обнаружены лишь следы «трудовой деятельности»: разрушенные входы, подкопы... Гробницы фараонов не поддавались дилетантам, но совсем другое дело, когда в доле оказывались те, кто знал секреты фараонов, кто должен был, наоборот, следить за сохранностью захоронений.

Интересные сведения содержат протоколы допроса обвиняемых в ограблении царских гробниц. В них приводятся сведения о банде из восьми человек, грабивших захоронения на протяжении нескольких лет. Состав артели «старателей» весьма пестрый: каменотес, сын служащего храма Амона, жрец этого храма, плотник, ювелир, водонос. В общем, подобрались люди нужных профессий: умеющие работать с камнем и деревом, могущие при необходимости откачать воду, добыть планы погребений, а в случае удачи ювелир видоизменял добытые ценности до неузнаваемости. Банда грабила могилы знатных египтян, а венцом их деятельности стало «взятие» пирамиды фараона Себекемсафа. На ней грабители и погорели; теперь они дружно каялись в содеянном, давали признательные показания, при этом с огромным уважением отзывались об оскверненном ими фараоне. Рассказывает папирус:

«Мы взяли наши медные инструменты и прорыли пирамиду указанного царя сквозь его отдаленнейшую комнату. Мы нашли его подземную комнату, мы взяли зажженные светильники в наши руки и спустились вниз. Мы прорыли шебенку, которую нашли у входа в его нишу (речь идет

о маскировке, которая грабителями была успешно разгадана. — Г.Л.) и нашли этого бога лежащим в конце его погребального помещения. Мы нашли также погребальное помещение царской супруги Небхаас, его царственной супруги, в помещении подле него. Оно было укреплено и защищено штукатуркой и покрыто щебенкой. Мы его также прорыли и нашли ее (то есть царскую супругу. — Г.Л.), покоящейся подобным же образом. Мы открыли саркофаги и гробы, в которых они (то есть фараон. — Г.Л.) находились, и нашли почтенную мумию царя, вооруженную оружием; на его шее было большое количество амулетов и драгоценностей из золота, а его золотая маска была на нем. Почтенная мумия царя была целиком обложена золотом, и его гробы были внутри и снаружи украшены золотом и серебром, которое мы нашли на почтенной мумии этого бога, вместе с его амулетами и драгоценностями, которые были на его шее и его гробах, в которых он покоился. И мы нашли царскую супругу в таком же точно виде. И мы также собрали все найденное на ней. Мы сожгли их гробы, мы ограбили их убранство, которое мы нашли с ними, вещи из золота, серебра и бронзы, и мы разделили их между собой».

Далее следует пример неслыханной коррупции в египетских органах власти. Оказалось, что главарь банды уже задерживался за грабеж пирамиды и содержался в тюрьме. Но писец за взятку в 20 дебенов золота (1,82 килограмма) отпустил преступника. Сообщники возместили ему эти деньги из своей доли, и артель золотоискателей продолжила «по обыкновению грабить гробницы знатных».

В уголовном деле о грабеже могилы «Чанефера, который был третьим жрецом Амона» снова присутствует писец. Ему один из арестованных опять дает взятку награбленным золотом.

Сохранился еще один интересный документ: «Показания грабителей относительно лиц, которым они отдали часть награбленного». В пространном перечне наиболее часто упоминаются писцы: «писец двора», «писец верховного жреца Амона», «храмовый писец», «писец дома Амона».

И наконец, форменное кощунство — свою долю с разоренных гробниц получали жрецы: «жрец-уаб храма царя»

(фараона Тутмеса I), «супруга четвертого жреца Амона», «жрец-уаб из дома Монту».

Показателен состав еще одной воровской банды, которую возглавлял пастух Бухаэф: «ремесленник отряда Паурихетедф, сын Гармина; писец божественных документов Несиамон; возжигатель ладана Несиамон, прозываемый Чаибаи; Амонхау, сын певца жертвенного стола Гори; возжигатель ладана Анхехенхонсу; молодой раб Амонхау, сын Мутемхеба». То есть на дело вышли служащие храма при некрополе. Писец уже не довольствуется получением мзды за информацию, он меняет папирус и палочки для письма на лом и кайло.

Вряд ли стоит удивляться, что пирамиды, все до единой, были ограблены в глубокой древности и что все гениальные ловушки, тупиковые коридоры и прочие хитрости оказались бессмысленными. Не случайно в каждой воровской группе зримо или незримо присутствует писец. Он знает все тайны пирамид, систему охраны, он имеет доступ к архиву по долгу службы. В случае неудачи предприятия именно писец прикрывает своих поделщиков и опять же за золото возвращает им свободу.

Активно участвуют в разорении гробниц и те, кому поручено их обслуживать. Не последнее место в списке профессиональных воров занимают жрецы.

Практически все, участвовавшие в грабеже некрополей, жили в храмовом комплексе, призванном ухаживать за могилами. Работа в две смены: днем возжигаем ладан и молимся за усопших, ночью их грабим и сжигаем мумии! Более прибыльная работа, конечно же, ночная. Что касается награбленного, оно, как правило, не выходило за границы храмового комплекса. Вот, к примеру, показания грабителя Пентаура относительно лиц, которым он отдал часть награбленного:

«Мерире, писцу верховного жреца Амона, — бронзовый сосуд, составляет меди 5;

Иуфенамону, главе судна этого храма, находящемуся под началом верховного жреца Амона, — 10 дебен;

Панеферу, плотнику дома верховной жрицы Амона, — 10;

Хонсумесу, сыну Таунеджема, ткачу дома Амона, — 10;

Пахеси, ткачу дома Амона, — 10;

Таунеджему, ткачу дома Амона, — 10;
 Седи, стражнику закромов фараона, — 10;
 Иаиамонемиму, ткачу дома Амона, — 10;
 Кенамону, пастуху «дома верховной жрицы Амона», — 10;
 Сеннеферу, возжигателю дома Собка, владыки Хапите-
 ру, — 10;
 Нахтамонуасу, рыбаку, — 5;
 Седи, жрецу-уабу молельни царя Небмаатра, находяще-
 муся под началом жреца-сем Гори, — 5».

Итак, гробницы разграблены, но золото не ушло от них далеко. Как грабители могли распорядиться добычей? Основную ее часть необходимо было спрятать, и спрятать хорошо, поскольку за грабеж грозили пытки с последующей смертной казнью. В те времена не существовало банковских ячеек, самым надежным сейфом являлась земля, и можно предположить, что мир, возможно, еще увидит сказочные сокровища фараонов, извлеченные из кладов там, где когда-то стояли дворцы жрецов и невзрачные хижинки ремесленников.

Источники сокровищ

Пирамиды будут поражать своими масштабами столько, сколько будет стоять мир. Наполеон на досуге подсчитал (и, может быть, даже не ошибся), что на пирамиду Хеопса и соседние с ней израсходовали столько камня, что его хватило бы обнести всю Францию стеной в три метра высотой и один метр толщиной.

За две тысячи лет до Наполеона пирамидой Хеопса восхищался Геродот. Он приводит интересные факты, касающиеся постройки самого гигантского сооружения на планете. Материал для пирамиды добывался в каменоломнях Аравийских гор. Огромные глыбы перетаскивались к Нилу, а затем на кораблях переправлялись через него. «Сто тысяч людей выполняло эту работу непрерывно, сменяясь каждые три месяца. Десять лет пришлось измученному народу строить дорогу, по которой тащили эти каменные глы-

бы, — работа, по-моему, едва ли не столь же огромная, как и постройка самой пирамиды». Путь к последнему приюту фараона соответствовал основному сооружению: он был из тщательно отшлифованных и уложенных блоков, по сторонам обставлялся скульптурами. Сооружение же самой пирамиды продолжалось 20 лет.

Грандиозное строительство требовало огромных капиталовложений. Хеопс стал испытывать финансовые трудности, но возведение заупокойного дома не прекратил. В связи с этим Геродот рассказывает пикантную историю: «Хеопс в конце концов дошел до такого нечестия, по рассказам жрецов, что, нуждаясь в деньгах, отправил собственную дочь в публичный дом и приказал ей добыть некоторое количество денег. Дочь же выполнила отцовское повеление, но задумала и самой себе оставить памятник: у каждого своего посетителя она просила подарить ей по крайней мере один камень для сооружения гробницы. Из этих-то камней, по словам жрецов, и построена средняя из трех пирамид, что стоят перед великой пирамидой».

Не каждый фараон желал видеть на панели собственную дочь, а потому предпочитали добывать деньги иными способами. Судя по остаткам древних сооружений, золота требовалось неимоверное количество; и его находили.

Едва ли в Древнем мире найдется государство, превосходящее Египет по масштабам добычи золота. Это был второй после меди металл, с которым познакомились египтяне. Познакомились и крепко полюбили.

В природе золото встречается в двух состояниях:

1. В аллювиальных песках и гравиях, принесенных рекой вследствие размывания горных золотосодержащих пород. Оно может быть как в пересохших руслах рек, так и в «действующих».

2. В виде золотоносных жил в кварцевой породе.

Получать золото из песка гораздо легче, чем отделять его от твердой породы. Песок промывался проточной водой: легкие составляющие смывались первыми, а золото вследствие своей тяжести оставалось в посуде. На ранней стадии своего развития народы и пользовались этим простейшим способом добычи. Тот же самый процесс мы видим в филь-

мах о кладоискателях Аляски по мотивам Джека Лондона; пользуются этим способом и поныне.

Египтяне никогда не довольствовались примитивизмом; им было недостаточно «как все», неинтересно, да и золота хотелось побольше. Трудолюбивый изобретательный народ освоил технологию добычи благородного металла из всего, в чем он находился. Египетские золотые разработки поражают размерами точно так же, как пирамиды. Современный исследователь пишет по поводу рассыпного золота, что «в одном из районов восточной пустыни имеются прииски огромной протяженности. Местность выглядит как бы перепаханной. На площади в сто квадратных миль земля взрыта в среднем на глубину 2 метра».

«В общей сложности в Египте насчитывается не менее ста мест древних разработок золота в кварцевой породе, — утверждает египтолог А. Лукас. — Некоторые копи достигали глубины около 90 метров. Сохранившиеся отвалы крайне бедны золотом; на этом основании можно сделать вывод, что древние методы извлечения металла при всей примитивности были весьма эффективны.

Касалось ли дело аллювиальных россыпей или золотосных кварцевых жил, древние египтяне были прекрасными старателями, и до сих пор не удалось открыть ни одного сколь-нибудь значительного месторождения, которое они пропустили».

Главным Клондайком Египта была Нубия — древняя страна южнее Египта, начинающаяся за первым нильским порогом. Теперь это территория Судана. Что такое нынешний Судан? На севере — безжизненные Нубийская и Ливийская пустыни занимают 30 процентов территории, и пески продолжают завоевывать новые и новые земли; на востоке и западе горы; в центре — полузасушливые степи; на юге обширные болота и джунгли. И лишь, как в древности, на берегах Нила благодатный край. Этнический состав Судана чрезвычайно пестрый (что является основной причиной частых гражданских войн, и, как следствие, экономика страны находится в состоянии упадка), но 8 процентов населения считают себя нубийцами — потомками одной из древнейших цивилизаций на земле. Как и много тысячелетий

назад, они населяют долину Нила; как прежде, так и сейчас нубийцам приходится с оружием в руках отстаивать свое право жить подле великой реки.

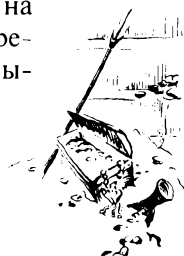
В древности Нубия была высокоразвитым районом, снабжавшим соседний Египет всем необходимым: для жизни и для роскоши. Из Нубии везли камень и черное дерево, слоновую кость и шкуры леопардов, драгоценные и полудрагоценные камни, медь и благовония, рабов и скот. Богатство страны было и ее проклятием, ибо редкий фараон не стремился совершить поход за добычей в Нубию. Надписи на стенах храма эпохи Древнего царства перечисляют добычу, захваченную фараоном Сахура в Нубии: быков — более 100 тысяч голов, ослов — более 220 тысяч, коз — более 230 тысяч, баранов — более 240 тысяч.

Особенно вырос интерес к Нубии в связи с открытием крупнейших месторождений золота между Нилом и Красным морем. Нубия в египетских документах именуется «Золотой страной Амона». Это и решило судьбу южной соседки Египта; в эпоху Среднего царства фараоны превратили Нубию в свою колонию.

Путь к заветному золоту был необычайно трудным; достаточно сказать, что персидский царь Камбис при попытке достичь Нубии погубил в песках все войско. Сохранилась так называемая Кубанская Стела, рассказывающая о приказе фараона Рамзеса II прорыть колодец на пути к золотым рудникам:

«Считал он страны, из которых приносят золото, обдумывая планы о рытье источников на путях, бедных водой, после того, как выслушал о том, что много золота в стране Икаита, но путь туда весьма беден водой. Если послать туда немного караванщиков, промывающих золото, только половина их достигнет ее, так как умрут они от жажды на пути вместе с ослами, идущими с ними. Не найдут они необходимого питья при подъеме и спуске. Следовательно, не будет принесено золото из этой страны из-за недостатка воды».

Колодец в пустыне — это мелочь; египтянам пришлось развернуть грандиозную строительную деятельность на захваченной территории. Для того чтобы корабли беспрепятственно плавали по Нилу, у порогов египтяне проры-

ли обводные каналы. Для охраны водного пути возводились крепости либо на островах, либо по обоим берегам Нила (толщина их стен достигала шести — восьми метров, а высота — восьми метров). Захваченная страна покрывалась сетью укрепленных форпостов, в которых несли службу египетские гарнизоны.

Только фараон Сенусерт III восстановил или построил двенадцать крепостей в Нубии, из них две самые мощные — Семне и Кумме — за вторым нильским порогом. Семне носила под стать своей мощи и название — «Могущество Хакаура». Сенусерту III удалось сломить сопротивление нубийцев и раздвинуть границы Египта до третьего порога. И наконец, в XV в. до н.э. фараон Тутмес III гордо написал:

«Нубийцы — подданные моего величества. Они работают для меня, как один, обложенные податями в виде бесчисленных многообразных вещей отрогов земли и бессчетным количеством золота из страны Вават».

В гробнице Тутанхамона среди прочих росписей имеется и сюжет доставки дани из Нубии. Три ряда движутся нубийцы мимо трона фараона и складывают у его подножья чаши, полные золота, драгоценных камней, а также слоновью кость, оружие. Погонщики гонят скот, везут любимые египтянами колесницы.

Египтяне выжимали из Нубии все, что возможно. Ремесленные и ювелирные изделия, принесенные к подножью трона, свидетельствует о том, что в Нубии было организовано производство. Но прежде всего колония являлась сырьевым придатком Египта. Там были многочисленные диоритовые каменоломни, медеплавильные мастерские, аметистовые копи и, конечно же, необычайно богатые золотом прииски. Диодор Сицилийский подробно описывает процесс получения золота на руднике Нубии:

«В конце Египта, на границе Аравии и Эфиопии находится страна, изобилующая золотыми рудниками, откуда с большими издержками и тяжелым трудом добывают этот металл. Земля черного цвета, наполнена прожилками и жилами мрамора поразительной белизны, осколки которого превосходят своим блеском все естественные продукты. Именно в этой земле надсмотрщики над рудничными

работами с помощью большого количества рабочих добывают золото. Этими рабочими по преимуществу являются осужденные преступники, военнопленные... Вот таковы были способы, употреблявшиеся, чтобы использовать рудники. Подвергали сильному огню наиболее твердую часть земли, содержащую золото, ее при этом растрескивало, и ее затем обрабатывали руками. Скала размягчалась таким же способом, и, когда она была приведена в состояние, уступавшее умеренному усилию, ломали ее с помощью тех же железных инструментов, которые обычно употреблялись при резке камня...

Дети проникали через галереи в выемке и скале, собирали отбитые с трудом осколки камня и выносили их из галереи. Другие, возрастом старше 30 лет, брали некоторое количество этих осколков и дробили их в каменных ступках железными пестами до тех пор, пока они не достигали величины горошины. Около них находились женщины и старики, которые, получая эти маленькие камни, бросали их под жернова, последовательно расположенные, и трое или двое из них, помещаясь у рукоятки каждого жернова, поворачивали его до тех пор, пока они таким помолотом не превратят количество камней, которое им было дано, в пыль, тонкую, наподобие пшеничной муки...

Наконец, люди, искусные в добывании металла, брали истолченный камень и заканчивали работу: сперва на широкой и слегка наклонной доске они раскладывали этот растертый в порошок камень, а затем размешивали, поливая водой. Затем его часть, содержащая землю, размытая посредством воды, течет по наклонной доске вниз, а золото вследствие тяжести остается на доске. Они повторяли эту операцию несколько раз, причем слегка растирали вещество руками; затем, слегка выжимая пористыми губками, они сносили понемногу часть, содержащую разрыхленную землю, до тех пор, пока на доске не оставались только крупинки золота. Другие получали определенное количество этих крупинок, которые им выдавались по весу, бросали их в сосуды из пористой глины и смешивали их с кусками свинца весом, пропорциональным количеству крупинок золота, (добавляя еще крупницу соли, еще немного олова и ячменных отрубей.

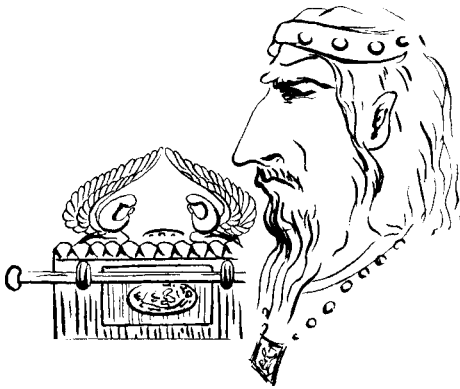

После этого сосуды замазывались глиной и ставились в печь на пять дней и пять ночей без перерыва. Затем сосуды вытаскивали из огня, оставляли охладиться и, после того как их открывали, в них находили совершенно чистое золото, которое мало потеряло в весе, все остальные вещества исчезали. Таким образом добывают золото в рудниках, расположенных на краю Египта; видно, каких огромных усилий стоит добыча этого металла...»

Неохотно нубийская земля расставалась с золотом, каждая добытая унция оплачивалась человеческими жизнями. Попасть на золотые рудники было страшнейшим наказанием даже для преступников. Множество умирало в дороге — из тех, кто отправлялся за золотом в раскаленную пустыню. На одной древнеегипетской стеле перечисляются участники экспедиции, которая отправилась в Нубию за золотом. Всего 8364 человека, из них в пути умерло 900 человек.

Но крови не видно на изделиях древнеегипетских ювелиров — они вызывают только величайшее восхищение. Далекие мастера освоили все способы обработки золота: ковку и литье, сплавы с другими металлами, изготовление проволоки и фольги, украшение резьбой и рельефами... «В сущности говоря, нельзя назвать почти ни одного современного способа обработки золота, который не был бы известен древнеегипетским мастерам, причем многие из этих способов применялись в очень раннюю эпоху», — приходит к выводу А. Лукас.

Нынешние золотых дел мастера копируют древнеегипетские сюжеты для своих изделий, и они пользуются неизменным спросом.

Родители

История жизни следующего героя изложена в Библии. Скептики и атеисты могут выразить сомнение насчет качества информации, и напрасно. Даже в пору воинствующего атеизма советские историки черпали из полузапрещенной книги факты для научных работ, школьных и вузовских учебников. Так, невольно, изучали Библию даже те, кто взрывал церкви. И открытия археологов подтверждают сведения из вечного документа, дарованного человечеству.

В 1947 г. в пещере на берегу Мертвого моря пастух обнаружил множество древних свитков, покрытых письменами. Открытие было настолько потрясающим, что в течение нескольких лет ученые обследовали весь малопригодный для жизни район; было проверено более трехсот больших и малых пещер — еще в десяти из них обнаружили свитки. Тексты были написаны на пергаменте, выделанном из овечьей или козьей кожи, некоторые на папирусе и даже на металле; создавались они на протяжении нескольких столетий. С помощью радиоуглеродного анализа и некоторых признаков манускрипты датировали периодом 250 г. до н.э. — 68 г. н.э. Библиотека принадлежала кумранской общине и была спрятана во время антиримского восстания

в Иудее в 68–70 гг. Восстание римляне жестоко подавили, видимо, община полностью погибла, и потому за рукописями никто не пришел. Одна из пещер оказалась заполненной десятками человеческих скелетов — преимущественно женских и детских.

Сама по себе находка уникальна как источник информации о жизни на Ближнем Востоке. Нам интереснее другое: среди свитков было найдено много библейских текстов. Прочсть их было сложно, так как окружающая среда не способствовала сохранности библиотеки: пергамент ломался при малейшем прикосновении, химически активная среда разъела металл, огромный ущерб нанесли грызуны. Тексты на древнееврейском, арамейском, набатейском, греческом, латинском, сирийско-палестинском и арабском языках составляли из десятков тысяч клочков пергамента, бережно собранных на полу пещер, обнаруженных под землей и в крысиных норах. Свернутый рулон меди с выгравированными письменами пришлось распиливать в Манчестерском технологическом институте на узкие полоски и затем собирать воедино. Наконец целая армия лингвистов, историков, филологов занялась чтением документов. Оказалось, что многие тексты совпадают с текстом Библии. Уже только это позволяет считать Библию ценнейшим историческим источником.

Отцом Соломона был воинственный царь Давид. Его провозгласили царем Иудеи в конце XI в. до н.э.; после этого Давид присоединил к своей территории Израиль, захватил легендарный Иерусалим и сделал этот город столицей государства. Побед в его долгое царствование было множество, но немало и неприятностей. Причем больше всего головной боли царю доставляли собственные сыновья. В том есть вина любвеобильного Давида. Он содержал огромный гарем жен и наложниц, от которых родились непохожие друг на друга дети — им не доставало мудрости отца, но в избытке имелось желание властвовать.

Вирсавия — мать Соломона — оказалась в гареме Давида случайно; ей надлежало рожать детей совсем от другого мужчины.

«Однажды под вечер Давид, встав с постели, прогуливался на кровле царского дома, — гласит библейская история, — и увидел с кровли купающуюся женщину; а та женщина была очень красива»*.

Царь послал узнать: кто она? Ему вскоре доложили, что понравившаяся красавица доводится женой Урию Хеттеянину. Давид не был самодуром и безвольным рабом своих прихотей. Иосиф Флавий отзываясь о нем как о «человеке от природы праведном, благочестивом и свято чтившем установленные законы».

Но на сей раз искушение было слишком велико, и особенно трудно ему противостоять, когда ты царь и всегда привык получать желаемое. Человек проверяется соблазнами — и каждый когда-нибудь совершает падение. Пришла пора и Давида.

«Давид послал слуг взять ее; и она пришла к нему, и он спал с нею»**, — читаем в Библии.

Царь вдоволь наслаждался красотой Вирсавии и отправил обратно в дом мужа. Увлеченный государственными заботами, Давид начал забывать о мимолетном приключении, и тут напомнила о себе Вирсавия. Женщина сообщила, что беременна, и просила царя найти какое-нибудь средство скрыть ее грех, ибо в противном случае сй, согласно закону, грозила смерть. Отнести беременность на счет мужа не представлялось возможным: храбрый воин Урия находился в походе.

Для Давида не существовало неразрешимых ситуаций, надеялся он благополучно избавиться и от этой проблемы. Царь срочно вызвал Урию в столицу, якобы для того, чтобы тот доложил о ходе боевых действий. Какой солдат проедет мимо дома, где томится в ожидании красавица жена? Нашелся такой лишь один, и это был бедняга Урия. Он отправился прямо во дворец и добросовестно описал ситуацию на войне, которую Давид прекрасно знал и без него.

«И сказал Давид Урии: иди домой и омой ноги свои»***.

---

* 2 Цар., XI, 2.

** 2 Цар., XI, 4.

*** 2 Цар., XI, 8.

Перед уходом Давид велел хорошо угостить гостя с его собственного стола, царь надеялся, что Урия, разгоряченный вином, уж точно поспешит к жене. «Урия, однако, не сделал этого, но спал в ту ночь перед дверьми царя в обществе прочих его оруженосцев, — описывает ситуацию Иосиф Флавий. — Когда царь узнал об этом, то спросил Урию, почему он накануне не вернулся к себе домой и не провел ночи в объятиях своей жены, как это обыкновенно делают все те, которые были в отсутствии продолжительное время и возвращаются к себе. Но воин ответил, что было бы несправедливым отдыхать и наслаждаться с женой, пока его сослуживцы и сам военачальник валяются на голой земле лагеря, в неприятельской стране. Получив такое объяснение, Давид приказал Урии остаться еще этот день у него, так как собирается отпустить его к главнокомандующему на следующий день. Затем он опять пригласил его к себе обедать и так угостил вином, что тот дошел до полного опьянения. Тем не менее Урия опять переночевал у порога царя, не подумав даже о возможности радостного свидания с женой».

Поведение преданного солдата очень огорчило царя; он понял, что спасти женщину от позора и смерти избранным путем не удастся. Тогда Давид написал своему военачальнику, что Урия очень перед ним провинился и его следует наказать. При этом царь придумал такой вид наказания, чтобы самому остаться непричастным. Он приказал командиру поставить Урию во время боя на самый опасный участок, где бы его настигла неминуемая смерть. Письмо, являвшееся смертным приговором храброму воину, Давид запечатал собственной печатью и ему же приказал доставить.

Урию с отрядом послали штурмовать городскую стену. Мероприятие было совершенно безнадежным, и скоро всех солдат вернули назад. «Урия же, считая позорным обратиться в бегство и покинуть занимаемое место, стал выжидать натиска врагов. Когда последние бросились на него, ему удалось перебить немалое их количество, но затем он был окружен со всех сторон и пал под их ударами. Вместе с ним пало также несколько его товарищей».

Царю послали сообщение, что штурм города окончился неудачей и в числе погибших был и храбрец Урия. Давид ска-

зал, что военачальники сделали оплошность: город следовало брать при помощи осадных орудий и таранов. Впрочем, гнев царя скоро смягчился: он велел передать командующему, «что такая случайность может выпасть на долю всякому человеку и что такова уже участь военных действий: удача клонится то в одну, то в другую сторону». И вдобавок приказал: после взятия города перебить всех его жителей.

Вирсавия, «узнав о гибели мужа, облеклась на несколько дней в траур по нем. После того как ее печаль и слезы по Урии поутихли, царь ее немедленно взял к себе в жены, и у него родилось от нее дитя мужского пола».

Безоблачного счастья Давиду Бог не мог дать, так как жил царь с женой воина, им преданного и отданного врагам на убийство. Но за грехи родителей платят дети; родившийся младенец заболел, и с каждым днем ему становилось хуже и хуже.

Давид успел полюбить только что родившегося сына и страшно опечалился его болезни. Вот как страдания царя описывает Библия:

«И молился Давид Богу о младенце, и постился Давид, и, уединившись, провел ночь, лежа на земле.

И вошли к нему старейшины дома его, чтобы поднять его с земли; но он не хотел и не ел с ними хлеба»*.

На седьмой день ребенок умер. Слуги Давида, видя, как он страдал во время болезни сына, долго боялись сообщить ему черную весть. Однако поведение царя, когда он узнал о случившемся, озадачило весь двор.

«Тогда Давид встал с земли, и умылся, и помазался, и переменял одежды свои, и пошел в дом Господень, и молился. Возвратившись домой, потребовал, чтобы подали ему хлеба, и он ел.

И сказали ему слуги его: что значит, что ты так поступаешь: когда дитя было еще живо, ты постился и плакал; а когда дитя умерло, ты встал и ел хлеб?

И сказал Давид: доколе дитя было живо, я постился и плакал, ибо думал: кто знает, не помилует ли меня Господь и дитя останется живо?»

* 2 Цар., XII, 16–17.

А теперь оно умерло; зачем же мне поститься? Разве я могу возвратить его? Я пойду к нему, а оно не возвратится ко мне»*.

Младенец своей смертью искупил тяжкий грех Давида. Спустя некоторое время у них с Вирсавией снова родился сын: его нарекли Соломоном. «И Господь возлюбил его»**.

«..Будь тверд и будь мужественен»

Соломон прославился как мудрейший из царей. Он получил трон еврейского государства в обход старших братьев в возрасте примерно двадцати лет, но не потому, что его братья были неспособны к управлению царством, а сам он блистал глубиной мысли.

«Когда царь (Давид) заметил, — рассказывает Иосиф Флавий, — что дела его начинают с каждым почти днем идти все лучше и лучше... то счел за грех в то время, как он сам живет в великолепнейшем, высоком и с чудной обстановкой дворце из кедрового дерева», Богу почести отдаются в простом шатре. Давид решил возвести в Иерусалиме храм. Но в ближайшую ночь Бог явился во сне к пророку Нафану «и повелел передать Давиду, что Его очень радует благое и столь сильное желание царя построить храм, тем более что никто раньше его не возымел мысли сделать это, но что Он вместе с тем не может позволить Давиду приступить к сооружению святилища, так как он вел множество войн и обагрив руки свои кровью убитых врагов. Вместе с тем Господь сказал, что после смерти Давида, которая постигнет последнего в преклонном возрасте, храм этот будет сооружен тем его сыном, к которому впоследствии перейдет царская власть, а именно Соломоном. При этом Предвечный поручил передать Давиду, что Он будет охранять Соломона и заботиться о нем, как отец о сыне, а также сохранит и передаст царство его потомкам, а самого Соломона, в случае каких-нибудь с его стороны прегрешений, накажет лишь болезнью и неурожаем».

---

* 2 Цар., XII, 20–23.

** 2 Цар., XII, 24.

Давид действительно прожил долгую жизнь. В конце ее царю пришлось завести еще одну наложницу, так как весь гарем состарился. Наложница понадобилась, однако, не для телесного наслаждения:

«Когда царь Давид состарился, войдя в преклонные лета, то покрывали его одеждами, но не мог он согреться.

И сказали ему слуги его: пусть поищут для господина нашего, царя, молодую девицу, чтоб она предстояла царю, и ходила за ним, и лежала с ним, — и будет тепло господину нашему, царю.

И искали красивой девицы во всех пределах Израильских, и нашли Ависагу Сунамитянку, и привели ее к царю.

Девица была очень красива, и ходила она за царем, и прислуживала ему; но царь не познал ее»*.

Верный пророчеству, Давид назначил своим преемником Соломона. Это не понравилось старшим сыновьям; один из них — властолюбивый Адония — еще при жизни Давида стал вести себя как царь, не считаясь с мнением отца и тем более не рассматривая юного Соломона в качестве главного наследника. Адония «завел себе колесницы и всадников и пятьдесят человек скороходов».

Однажды Адония устроил большой пир, на котором присутствовала почти вся израильская знать; здесь были и первосвященник, и главный военачальник, и сыновья Давида (за исключением Соломона). Адония видел, что отец стар и слаб, и решил сменить его на троне. Во время пира разогретые вином сообщники принялись кричать: «Да живет царь Адония!»**

Давид — слабый телом, но сильный мудростью — сделал ответный ход. Он призвал священника и приказал помазать на царство Соломона, затем затрубить в трубу и провозгласить: «Да живет царь Соломон!»***

Соломона торжественно повезли от священного источника через весь Иерусалим, затем провели в царский дворец и посадили на трон. «Весь народ тотчас же стал бурно выра-

---

* 3 Цар., I, 1—4.

** 3 Цар., I, 25.

*** 3 Цар., I, 34.

жать свою радость и устроил блестящее празднество с плясками и музыкой на таком количестве инструментов, что от звуков их содрогалась земля, и стон стоял в воздухе», — рассказывает Иосиф Флавий. Так Соломон стал царем.

Народное ликование испугало сторонников Адонии, они покинули пир и разбежались: кто домой, кто выразить почтение Соломону. Старший сын Давида, боясь мести, искал спасения у жертвенника.

Юный царь не был кровожадным, еще меньше ему хотелось начинать правление с братоубийства:

«И сказал Соломон: если он будет человеком честным, то ни один волос его не упадет на землю; если же найдется в нем лукавство, то умрет.

И послал царь Соломон, и привели его от жертвенника. И он пришел, и поклонился царю Соломону; и сказал ему Соломон: иди в дом свой»*.

Спустя некоторое время Давид почувствовал, что пришло время покинуть земной мир. Перед этим он дал несколько наставлений Соломону. Первым пожеланием царя было следующее:

«Вот отхожу в путь всей земли, ты же будь тверд и будь мужествен»**.

И затем Давид наставляет сына:

«И храни завет Господа, Бога твоего, ходя путями Его и соблюдая уставы Его, и заповеди Его, и определения Его, и постановления Его, как написано в законе Моисеевом, чтобы быть тебе благоразумным во всем, что ни будешь делать, и везде, куда ни обратишься»***.

Соломон был послушным сыном: очень скоро он покажет свою твердость и мужество. Со вторым заветом сложнее: Соломон старался его исполнять всю жизнь, но трудно удержаться от греха, когда вокруг столько соблазнов, — даже мудрейшему из мудрейших.

---

* 3 Цар., I, 52–53.

** 3 Цар., II, 2.

*** 3 Цар., II, 3.

В погребении Давида видимо использовался опыт египетских фараонов: еврейское государство стало сильным и богатым.

«Сын Давида, Соломон, — повествует Иосиф Флавий, — блестящим образом похоронил отца в Иерусалиме и не только устроил ему обычные царские похороны со всею подобающею торжественностью, но и опустил в могилу несметное количество драгоценностей, об обилии которых можно себе составить некоторое представление по следующему: когда тысячу триста лет спустя первосвященник Гиркан, подвергаясь осаде со стороны Димитрия, Антиоха, прозванного благочестивым, хотел откупиться от осады деньгами и нигде не мог найти требуемой суммы, то он открыл часть склепа Давида и вынул оттуда три тысячи талантов, которые и вручил Антиоху, чем освободился от осады. По прошествии опять-таки многих лет царь Ирод в свою очередь вскрыл гробницу Давида и также извлек из нее массу денег. Впрочем, ни Гиркан, ни Ирод не добрались до самых гробов царей, так как эти гробы были так искусно зарыты в землю, что при входе в мавзолей нельзя было догадаться, где они находятся».

Наложница не станет женой

Однажды Адония явился к Вирсавии — матери Соломона — с необычной просьбой. Он признался, что любил Ависагу, наложницу из гарема своего отца, — ту самую, что согревала своим теплом Давида в его последние дни. Адония просил, чтобы Вирсавия убедила царя отдать ему в жены наложницу, которая покойному вроде бы и ни к чему и Соломону также без надобности.

Мать Соломона не нашла ничего коварного в этой просьбе, наоборот, она решила, что исполнение ее поспособствует сближению братьев. Желание матери ужасно разозлило Соломона. «А зачем ты просишь Ависагу Сунамитянку для Адония? Проси ему также и царство!»* — воскликнул он. Дело в том, что гарем царя после его смерти переходил

* 3 Цар., II, 22.

дит к наследнику. Соломон расценил попытку жениться на наложнице как посягательство на свою царскую власть и поспешил избавиться от возможного конкурента: к Адонии был послан начальник телохранителей с приказом немедленно его умертвить.

Молодой царь и после убийства брата продолжал являть завещанную отцом твердость. Он приказал убить еще несколько человек из тех, кто поддержал Адонию в притязаниях на царство. Военачальник Иоав пытался найти спасение в скинии Господней — священном шатре израильтян, в котором во время их странствий по пустыне находился ковчег Завета. Посланные Соломоном воины остановились в нерешительности: нельзя проливать кровь в священном месте.

«И донесли царю Соломону, что Иоав убежал в скинию Господню и что он у жертвенника. И послал Соломон Ванею, сына Иодаева, говоря: пойди, умертви его.

И пришел Ванея в скинию Господню, и сказал ему: так сказал царь: выходи. И сказал тот: нет, я хочу умереть здесь. Ванея передал это царю, говоря: так сказал Иоав, и так отвечал мне.

Царь сказал ему: сделай, как он сказал, и умертви его, и похорони его...»*

Жестоко. Но с того момента воцарилось спокойствие на всем пространстве от Египта до Сирии.

Соломону удалось положить конец вражде с сильным соседом — Египтом; он взял в жены дочь фараона. В приданое юный царь получил город Гезер. Крепкая дружба завязалась у Соломона и с другим соседом — царем Тира Хирамом.

Что просить у Бога?

В благодарность за успешное начало правления Соломон принес обильную жертву Богу, но царю необходимо думать о будущем. Вот какой сон ему приснился:

---

* 3 Цар., II, 29–31.

«...явился Господь Соломону во сне ночью, и сказал Бог: проси, что дать тебе.

И сказал Соломон: Ты сделал рабу Твоему Давиду, отцу моему, великую милость; и за то, что он ходил пред Тобою в истине и в правде и с искренним сердцем пред Тобою, Ты сохранил ему эту великую милость и даровал ему сына, который сидел бы на престоле его, как это и есть ныне;

И ныне, Господи, Боже мой, ты поставил раба Твоего царем вместо Давида, отца моего; но я, отрок малый, не знаю ни моего выхода, ни входа;

И раб Твой — среди народа Твоего, который избрал Ты, народа столь многочисленного, что по множеству его нельзя ни исчислить его, ни обозреть;

Даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло; ибо кто может управлять этим многочисленным народом Твоим?

И благоугодно было Господу, что Соломон просил этого.

И сказал ему Бог: за то, что ты просил этого и не просил себе долгой жизни, не просил себе богатства, не просил себе душ врагов твоих, но просил себе разума, чтоб уметь судить, —

Вот, Я сделаю по слову твоему: вот, Я даю тебе сердце мудрое и разумное, так что подобного тебе не было прежде тебя, и после тебя не восстанет подобный тебе;

И то, чего ты не просил, Я даю тебе: и богатство, и славу, — так что не будет подобного тебе между царями во все дни твои;

И если будешь ходить путем Моим, сохраняя уставы Мои и заповеди Мои, как ходил отец твой Давид, Я продолжу и дни твои»*.

И тут Соломон проснулся и понял, что это было сновидение. Тем не менее он снова направился к священному ковчегу и снова принес жертвы в благодарность за великолепный сон. Потом царь устроил для слуг своих большой пир.

Одна из обязанностей царя была вершить суд, и случай не замедлил вскоре представиться:

---

* 3 Цар., III, 5–14.

«Тогда пришли две женщины блудницы к царю и стали пред ним.

И сказала одна женщина: о, господин мой! Я и эта женщина живем в одном доме; и я родила при ней в этом доме;

На третий день после того, как я родила, родила и эта женщина; и были мы вместе, и в доме никого постороннего с нами не было; только мы две были в доме;

И умер сын этой женщины ночью, ибо она заспала его;

И встала она ночью, и взяла сына моего от меня, когда я, раба твоя, спала, и положила его к своей груди, а своего мертвого сына положила к моей груди;

Утром я встала, чтобы покормить сына моего, и вот, он был мертвый; а когда я всмотрелась в него утром, то это был не мой сын, которого я родила.

И сказала другая женщина: нет, мой сын живой, а твой сын мертвый. А та говорила ей: нет, твой сын мертвый, а мой живой. И говорили они так пред царем.

И сказал царь: эта говорит: “мой сын живой, а твой сын мертвый”, а та говорит: “нет, твой сын мертвый, а мой сын живой”.

И сказал царь: подайте мне меч. И принесли меч к царю.

И сказал царь: рассеките живое дитя надвое и отдайте половину одной и половину другой.

И отвечала та женщина, которой сын был живой, царю, ибо взволновалась вся внутренность ее от жалости к сыну своему: о, господин мой! Отдайте ей этого ребенка живого и не умерщвляйте его. А другая говорила: пусть же не будет ни мне, ни тебе, рубите.

И отвечал царь, и сказал: отдайте этой живое дитя, и не умерщвляйте его: она — его мать.

И услышал весь Израиль о суде, как рассудил царь; и стали бояться царя, ибо увидели, что мудрость Божия в нем, чтобы производить суд*.

Соломон просил Всевышнего, по словам Иосифа Флавия, «даровать ему лучшее и высшее, что и Господу Богу будет приятнее всего дать, и человеку полезнее всего получить; а именно: он не стал просить, как бы сделал всякий другой

---

* 3 Цар., III, 16–28.

человек на его месте, да притом еще юноша, ни золота, ни серебра, ни прочих богатств (что в глазах большинства людей одно только и считается единственно желательным даром от Господа Бога)».

Строительство храма

Отныне царство Соломона процветало. «И жили Иуда и Израиль спокойно, каждый под виноградником и под смоковницею своею»*.

Двор царя блистал пышностью и многоликостью. По свидетельству Иосифа Флавия, только наместники нееврейских областей «должны были ежедневно представлять к обеденному столу царя тридцать коров** пшеничной муки, шестьдесят откормленных волов, двадцать штук крупного рогатого скота с пастбищ и сотню откормленных баранов. Все это продовольствие, не считая дичи, оленей, буйволов, птицы и рыбы, ежедневно доставлялось царю чужеземными его подданными».

Соломон собирал огромные налоги, но никто не роптал; не потому, что всем хотелось платить деньги мудрому царю, а потому, что не платить не было ни единого шанса. У Соломона было организовано управление так, что позавидовал бы и нынешний налоговый аппарат. Огромнейшее войско исключало как малейшую возможность бунта, так и посягательства со стороны соседей:

«И было у Соломона сорок тысяч стойл для коней колесничных и двенадцать тысяч для конницы»***.

Наконец Соломон решил, что настала пора воздвигнуть храм. Замысел царя поражает воображение, не даром его первая жена была из Страны пирамид, где подобные сооружения стали обыденностью.

* 3 Цар., IV, 25.

** Кор — древнееврейская мера сыпучих тел, равен приблизительно 389 литрам.

*** 3 Цар., IV, 26.

Для храма было нужно дерево: ливанский кедр и кипарис. Соломон заключил договор о поставках этих пород с царем Тира Хирамом, но требовались такие объемы, что тирцы не могли справиться с заготовкой.

«И обложил царь Соломон повинностью весь Израиль; повинность же состояла в тридцати тысячах человек.

И посылал их на Ливан, по десяти тысяч на месяц, попеременно; месяц они были на Ливане, а два месяца в доме своем...

Еще у Соломона было семьдесят тысяч носящих тяжести и восемьдесят тысяч каменосеков в горах»*.

Камень доставлялся в Иерусалим в виде отесанных плит: «ни молота, ни тесла, ни всякого другого железного орудия не было слышно в храме при строении его»**.

Каменную основу храма обшили снаружи и внутри кедровыми досками, а пол покрыли кипарисовыми досками. Внутри храма золото в своей массе соперничало с камнем и деревом. Особенно много его пошло на давир — святая святых, внутреннее помещение иерусалимского Храма, где находился ковчег Завета.

«И давир был длиною в двадцать локтей, шириною в двадцать локтей и вышиною в двадцать локтей; он обложил его чистым золотом; обложил также и кедровый жертвенник.

И обложил Соломон храм внутри чистым золотом, и протянул золотые цепи пред давиром, и обложил золотом»***.

Утвари для храма было изготовлено без всякой меры — все из драгоценных металлов. «Ко всему этому царь велел сделать еще восемьдесят тысяч золотых кувшинов для вина и сто тысяч золотых же чаш и двойное количество таких же сосудов из серебра, — перечисляет пожертвования для храма Иосиф Флавий, — равным образом восемьдесят тысяч золотых подносов для принесения к алтарю приготовленной муки и двойное количество таких же серебряных подносов;

---

* 3 Цар., V, 13–15.

** 3 Цар., VI, 7.

*** 3 Цар., VI, 20–21.

наконец, шестьдесят тысяч золотых и вдвое более серебряных сосудов, в которых мешали муку с оливковым маслом; к этому было присоединено также двадцать тысяч золотых и вдвое более серебряных мер... далее, двадцать тысяч золотых сосудов для принесения (и сохранения) в них благовонных курений для храма...»

Обилие золота тем более удивительно, что золотых россыпей, подобных египетским, в царстве Соломона не было и в помине.

Строил храм Соломон семь лет. Он простоял менее четырех столетий и был разрушен в 586 г. до н.э. вавилонским царем Навуходоносором II.

И еще одну грандиозную стройку затеял Соломон — царь решил возвести для себя новое жилище. Причем строил он его дольше храма — тринадцать лет и потратился едва ли меньше, чем на храм. Возвел Соломон и дом для своей первой жены — дочери фараона — не малый и не бедный. «Все это сделано было из дорогих камней»*, и обшито все тем же ливанским кедром. Видимо, с этого и началось падение Соломона: настолько все складывалось у него отлично, что царь, еще сам того не сознавая, решил сравняться с Богом, по крайней мере, жилищем.

Он так увлекся строительством, что опустошил свою, казалось, бездонную казну и был вынужден за материалы и услуги отдать царю Хираму двадцать городов в земле Галилейской. Впрочем, «...вышел Хирам из Тира посмотреть города, которые дал ему Соломон, и они не понравились ему»**.

Серебро считалось ни за что

Финансовую брешь, пробитую строительством храма и дворца, Соломон заделал довольно скоро — недаром в мировой истории его считают мудрейшим из мудрейших

* 3 Цар., VII, 9.

** 3 Цар., IX, 12.

царей. Израильский царь извлекал выгоду из положения своей страны, лежавшей на пересечении важнейших торговых путей: из Египта в Месопотамию, Финикию, Малую Азию; через Израиль шел путь в Аравию. Посредническая торговля приносила баснословные прибыли:

«В золоте, которое приходило Соломону в каждый год, весу было шестьсот шестьдесят шесть талантов золотых.

Сверх того, что получаемо было от разносчиков товара, и от торговли купцов, и от всех царей Аравийских, и от областных начальников»*.

Владения Соломона производили огромное количество сельскохозяйственной продукции. Только в Тир он ежегодно поставлял двадцать тысяч мер пшеницы и двадцать тысяч мер оливкового масла.

С помощью тирского царя Хирама Соломон освоил морскую торговлю. В Библии рассказывается о совместном плавании израильтян и финикийцев в страну Офир: «...и взяли оттуда золота чetyреста двадцать талантов и привезли царю Соломону»**. «И корабль Хирамов, который привозил золото из Офира, привез из Офира великое множество красного дерева и драгоценных камней»***.

Где же находилась эта легендарная страна? Ученые спорят до сих пор, размещая Офир, то в Индии, то на Мадагаскаре, то на Аравийском полуострове; возможно, она располагалась на территории современных Сомали и Эфиопии.

Соломон накопил столько золота в своем доме, что буквально ел на золоте, пил из золота, ходил по нему, сидел и спал на нем. Он не знал, куда деть этот металл, и производил из него вещи без всякой пользы.

«И сделал царь Соломон двести больших щитов из кованого золота, по шестисот сиклей пошло на каждый щит;

И триста меньших щитов из кованого золота, по три мины золота пошло на каждый щит; и поставил их царь в доме из Ливанского дерева.

---

* 3 Цар., X, 14–15.

** 3 Цар., IX, 28.

*** 3 Цар., X, 11.

И сделал царь большой престол из слоновой кости, и обложил его чистым золотом;

К престолу было шесть ступеней; верх сзади у престола был круглый, и были с обеих сторон у места сиденья локотники, и два льва стояли у локотников;

И еще двенадцать львов стояли там на шести ступенях по обе стороны. Подобного сему не бывало ни в одном царстве.

И все сосуды для питья у царя Соломона были золотые, и все сосуды в доме из Ливанского дерева были из чистого золота; и из серебра ничего не было, потому что серебро во дни Соломоновы считалось ни за что;

Ибо у царя был на море Фарсисский корабль с кораблем Хирамовым; в три года раз приходил Фарсисский корабль, привозивший золото, и серебро, и слоновую кость, и обезьян, и павлинов»*.

Итак, опять возникает корабль, привозивший драгоценные металлы из очень далекой страны. Существует и такая версия, что загадочная страна Офир находилась в Америке. В пользу ее свидетельствуют кое-какие археологические находки.

В июле 1979 г. группа подводных археологов под руководством американца Роберта Франка обследовала дно Гуанабарского залива вблизи Рио-де-Жанейро. Неожиданно прожектор подводной лодки выхватил верхнюю часть античных амфор, выступавших из ила. Сосуды, датируемые II в. до н.э., принадлежали римлянам; обычно в таких хранился запас вина и воды, которые были необходимы мореходам, отправлявшимся в длительное плавание. Через несколько недель эта же экспедиция нашла на дне соседней бухты финикийское блюдо.

В 1983 г. бразильские рыбаки нашли в своих сетях еще две античные амфоры. По предположениям ученых, эти сосуды изготовили в Карфагене. Археолог Роберт Маркс заинтересовался находкой и принялся обследовать дно в этом районе. Удача не заставила себя ждать: близ Рио-де-Жанейро обна-

---

* 3 Цар., X, 16–22.

ружили засыпанные песком, затянутые илом останки римского корабля. Здесь же нашли еще несколько амфор.

«Царь Соломон превосходил всех царей земли богатством и мудростью, — продолжает свой рассказ Библия. — И все цари на земле искали видеть Соломона, чтобы послушать мудрости его, которую вложил Бог в сердце его. И они подносили ему, каждый от себя, в дар сосуды серебряные, и сосуды золотые, и одежды, и оружие, и благовония, коней и мулов каждый год»*.

Не только восхищение мудростью Соломона заставляло соседей делать подарки. У царя была превосходнейшая, очень маневренная армия. Библия, казалось бы, не к месту, но вполне логично прерывает описание богатств Соломона и вновь обращается к его военным силам, чтобы затем подвести итог накоплениям царя:

«И набрал Соломон колесниц и всадников; у него было тысяча четыреста колесниц и двенадцать тысяч всадников; и разместил он их по колесничным городам и при царе в Иерусалиме.

И сделал царь серебро в Иерусалиме равноценным с простыми камнями, а кедры, по их множеству, сделал равноценными с сикоморами, растущими на низких местах»**.

Соломон копил сокровища не ради простого накопительства, и не ради честолюбия; он по-прежнему тратил много и с пользой. После возведения храма и дворца грандиозное строительство развернулось по всему царству. Иерусалим Соломон обнес мощной стеной; отстроил город Гезер, полученный в качестве приданого в разрушенном виде; в Библии перечисляются построенные «нижний Бефорон, и Ваалаф и Фадмор в пустыне»***. До наших дней сохранились остатки мощных городских стен, сооруженных во времена библейского царя в Хацоре, Мегиддо, Бет-Шемеше, Телль-Бет-Мирсиме, четырехколонные ворота в Хацоре, Мегиддо и Гезере.

---

* 3 Цар., X, 23–25.

** 3 Цар., X, 26–27.

*** 3 Цар., IX, 17–18.

Некоторые населенные пункты возводились из стратегических соображений: «...города для запасов, которые были у Соломона, и города для колесниц, и города для конницы»*.

Царица Савская

Образ царицы Савской вдохновлял композиторов, художников и литераторов. В XX в. снято несколько кинолент о свидании царицы Савской с Соломоном; в одном из фильмов главную роль играет Джина Лоллобриджида. Однако Библия довольно кратко описывает встречу двух властителей:

«Царица Савская, услышав о славе Соломона во имя Господа, пришла испытать его загадками.

И пришла она в Иерусалим с весьма большим богатством: верблюды навьючены были благовониями и великим множеством золота и драгоценными камнями; и пришла к Соломону, и беседовала с ним обо всем, что было у нее на сердце.

И объяснил ей Соломон все слова ее, и не было ничего незнакомого царю, чего бы он не изъяснил ей.

И увидела царица Савская всю мудрость Соломона, и дом, который он построил.

И пищу за столом его, и жилище рабов его, и стройность слуг его, и одежду их, и виночерпиев его, и всесождения его, которые он приносил в храм Господнем. И не могла она более удержаться.

И сказала царю: верно то, что я слышала в земле своей, о делах твоих и о мудрости твоей;

Но я не верила словам, доколе не пришла и не увидела глаза мои: и вот, мне и вполовину не сказано; мудрости и богатства у тебя больше, нежели как я слышала.

Блаженны люди твои, и блаженны сии слуги твои, которые всегда предстоят пред тобою и слышат мудрость твою!

Да будет благословен Господь, Бог твой, Который благоволил посадить тебя на престол Израилев! Господь, по веч-

* 3 Цар., IX, 19.

ной любви Своей к Израилю, поставил тебя царем, творить суд и правду.

И подарила она царю сто двадцать талантов золота, и великое множество благовоний, и драгоценные камни; никогда еще не приходило такого множества благовоний, какое поларила царица Савская царю Соломону...

И царь Соломон дал царице Савской все, чего она желала и чего просила, сверх того, что подарил ей царь Соломон своими руками. И отправилась она обратно в свою землю, она и все слуги ее»*.

Библия не сообщает даже имени царицы, не указывает и косвенно, где находились ее земли. Большинство исследователей считают, что царица прибыла из Юго-Западной Аравии, где ныне располагается Йемен. Археологические раскопки подтверждают существование в этом углу Аравийского полуострова могучего государства; обнаружены мощные оборонительные стены города Майда и остатки античного храма — все относится к I тысячелетию до н.э. Его процветание основывалось на производстве и торговле благовониями — именно их в огромном количестве привезла Соломону царица Савская. Отсюда можно сделать вывод, что царица приехала не столько подивиться мудрости Соломона, но наладить через его владения караванную торговлю товаром, чрезвычайно ценным в античном мире, — этакая торгово-дипломатическая миссия. Отсюда и щедрые дары, и бесчисленные комплименты Соломону; царица, вероятно, была хорошим дипломатом и прекрасно знала, как падки мужчины на лесть.

Иосиф Флавий, который охотно использовал Библию в качестве источника, на этот раз выдвигает свою версию. Согласно ей царица, «отличавшаяся особенною мудростью и вообще выдающимися качествами», правила Египтом и Эфиопией. Некоторые исследователи даже предположили, что царица Савская — это царица Хатшепсут, принадлежащая к XVIII династии фараонов. Отец Хатшепсут, фараон Тутмос I, распространил влияние Египта и на территорию Эфиопии. Что интересно, и по сегодняшний день эфиопы

---

* 3 Цар., X, 1–10, 13.

считают царицу Савскую «своей». Однако можно попытаться соединить обе теории, равнозначно имеющие право на жизнь.

Если юг Аравийского полуострова считался традиционным производителем благовоний, то африканское побережье Красного моря богато золотыми россыпями. Если посмотреть на карту, то обнаружится, что Аравию и Эфиопию разделяет узкий пролив. Когда-то эти территории были единым целым, они даже имеют единый Африкано-Аравийский рифтовый пояс. Именно из Африки пришел на землю Аравии первобытный человек, и тесная связь обоих континентов отразилась в схожих предметах быта и орудиях труда на протяжении десятков тысячелетий. Можно предположить, что в момент посещения Иерусалима власть царицы Савской распространялась на земли двух континентов. Отсюда в подарках числятся и благовония Аравии, и золото, и драгоценные камни, коими богата африканская земля.

Достоверных исторических сведений о царице Савской практически нет, но легенд сложено огромное множество; их источники: еврейские легенды, греческая и римская мифология, арабский эпос, эфиопские предания... Легенды не возникают на пустом месте, видимо, были существенные поводы обессмертить царицу Савскую.

Один из мифов рассказывает о том, как хитрый Соломон решил посмотреть части тела царицы, которые скрывала одежда. В иерусалимском дворце имелась комната со стеклянным полом, под стеклом находилась вода и плавали рыбы. Царица Савская переступила порог комнаты, и ей показалось, что следующий шаг будет в воду. Инстинктивно женщина подняла одежды и оголила ноги. Они оказались покрыты волосами. Тонкому ценителю женской красоты Соломону зрелище не понравилось.

— Красота твоя — красота женщины, а волосы — волосы мужчины, — произнес он. — У мужчины красиво это, а у женщины изъязном почитается.

Царицу несколько не смутила ситуация, она опустила одежды и продолжила разговор. Царь евреев загорелся еще большим желанием обладать необыкновенной женщиной, даже волосатые ноги его не испугали. Неистощимому

на выдумки Соломону все же удалось склонить царицу Савскую на одну совместную ночь. Затем они расстались навсегда, а по возвращении на родину царица родила сына.

Не известно, насколько легенда близка к действительности, но и сегодня эфиопы почитают царицу Савскую как женщину, произведшую на свет наследника мудрейшего царя Соломона. Последний император Эфиопии Хайле Селассие I, низложенный совсем недавно — в 1974 г., считал себя 225-м потомком царицы Савской и Соломона.

Соломон утратил милость Бога

Соломон не поддался чарам золота, типичной болезни людей, имеющих дело с большими деньгами. Однако к старости ум мудрейшего из мудрейших дал сбой. И виновата в том его необъятная страсть к слабому полу — главная беда великого множества мужчин.

В те времена обычай позволял иметь много жен и наложниц — хватило бы денег их прокормить. Как мы знаем, Соломон был человеком не бедным.

Библия повествует:

«Полюбил царь Соломон многих чужестранных женщин, кроме дочери фараоновой: Моавитянок, Аммонитянок, Идумеянок, Сидонянок, Хеттеянок —

Из тех народов, о которых Господь сказал сынам Израилевым: “не входите к ним, и они пусть не входят к вам, чтобы они не склонили сердца вашего к своим богам”; к ним прилепился Соломон любовью.

И было у него семьсот жен и триста наложниц; и развратили жены его сердце его»*.

Бог отвернулся от Соломона вовсе не из-за количества жен (хотя их число впечатляет), а за дела, которые царь творил с избранницами своего сердца.

---

* 3 Цар., XI, 1–3.

«Во время старости Соломона жены его склонили сердце его к иным богам, и сердце его не было вполне предано Господу, Богу своему, как сердце Давида, отца его.

И стал Соломон служить Астарте — божеству Сидонскому, и Милхому — мерзости Аммонитской.

И делал Соломон неугодное пред очами Господа, и не вполне последовал Господу, как Давид, отец его.

Тогда построил Соломон капище Хамосу — мерзости Моавитской, на горе, которая пред Иерусалимом, и Молоху — мерзости Аммонитской.

Так сделал он для всех своих чужестранных жен, которые кадили и приносили жертвы своим богам.

И разгневался Господь на Соломона за то, что он уклонил сердце свое от Господа, Бога Израилева...»*

Не только Бог разгневался на Соломона. Евреям также неприятно было смотреть, как их царь позабыл отеческие предписания, древние традиции и законы Божьи.

В то время как Соломон купался в роскоши в обществе жен и наложниц, народ не радовался даже процветанию царства. Слишком дорого обходилось богатство и благополучие Соломона: десятки тысяч граждан были вынуждены исполнять тяжелые повинности по строительству храма, дворца, городов; население устало платить налоги, которые шли на содержание огромного гарема. Все терпели, пока каторжный труд способствовал возвышению отечества.

Любвеобильность помутила разум Соломона, к концу его жизни мы не видим хваленой мудрости царя. По словам Иосифа Флавия, он впал в такую зависимость от жен и наложниц, «что стал подражать их обычаям, а желание выказать всем этим женщинам свою любовь и преданность побудило его устроить свою жизнь совершенно на их образец. А так как и лета его уже подвинулись, да и сила ума, благодаря годам, стала ослабевать у него, то он начал понемногу забывать о родных установлениях; он все более и более пренебрегал собственным своим Господом Богом и стал воздавать почести богам своих пришлых жен».

---

* 3 Цар., XI, 4–9.

Тихое недовольное ворчание подданных вскоре вылилось в открытые восстания, которые поощрялись и питались Египтом. С согласия фараона Адер, происходивший из идумейской знати, попытался отколоть от Израиля Идумею, историческую область на юге Палестины. Но в Идумее находились еврейские гарнизоны, и население не решилось поддержать мятежника. Тогда Адер бежал в Сирию. «Тут он столкнулся с неким Раазаром... разбойничавшим в этой местности, вошел с последним в дружественные сношения и двинулся вперед, став во главе разбойничьей шайки, — повествует Иосиф Флавий. — Затем он овладел тою частью Сирии, принудил население признать его царем этой местности и вторгся еще при жизни Соломона в землю израильскую, предавая все опустошению и разграблению. Вот что пришлось претерпеть евреям от Адера».

Против царя, утратившего на старости лет мудрость, выступил даже тот, кому царь доверял больше всего, тот, кто своим возвышением обязан Соломону. «Вслед за тем на Соломона напал один из его собственных подданных, — продолжает рассказ Иосиф Флавий. — То был Иеровоам, сын Наватея, который, на основании старого предсказания, сам рассчитывал сделаться царем. Потеряв еще в детстве отца своего и воспитанный матерью, он успел обратить на себя своим благородством и неустрашимостью внимание Соломона, который поручил ему надзор за постройкою городских стен, когда он со всех сторон укреплял город Иерусалим. Это поручение Иеровоам исполнил настолько хорошо, что царь принял его к себе и в награду поручил ему управление над всем коленом Иосифовым».

Высокая должность не удовлетворила Иеровоама. Наоборот, по характеру будучи «юношей пылким и готовым на рискованные предприятия, Иеровоам уже не был в состоянии успокоиться, но лишь только занял пост военачальника, вспомнил о предсказании Ахии и начал свои попытки склонить народ к отпадению от Соломона, причем побуждал народ передать ему, Иеровоаму, верховную власть. Когда же Соломон узнал об этих его происках и интригах, он принял меры к тому, чтобы захватить и казнить его. Предупрежденный об этом, Иеровоам, однако, успел спастись

бегством к Сусаку, царю египетскому, у которого и оставался вплоть до кончины Соломона, причем имел то преимущество, что не подвергался никакой ответственности и пользовался в резиденции фараона полной безопасностью».

Царь Соломон после почти сорокалетнего правления умер в своем дворце естественной смертью в окружении многочисленных жен и наложниц и погребен в любимом им Иерусалиме. В истории царь навеки остался самым мудрым из царей. Однако свое государство Соломон оставил на грани взрыва, и за ошибки отца пришлось платить сыну.

После Соломона царем стал его сын Ровоам. У него были шансы остановить назревающую бурю, ибо на первых порах молодого царя поддерживал весь народ: «...пришли все Израильтяне, чтобы воцарить его»*. Народ надеялся, что Ровоам существенно облегчит его положение. После избрания царя собрание израильтян обратилось к нему с просьбой: «Отец твой наложил на нас тяжкое иго, ты же облегчи нам жестокую работу отца твоего и тяжкое иго, которое он наложил на нас, и тогда мы будем служить тебе»**.

Ровоам советовался со старейшинами, и те рекомендовали снизить повинности. Действительно, такого количества средств, что поступало в государственный бюджет, не требовалось. Соломон оставил укрепленный городской стеной Иерусалим с прекрасным дворцом и храмом, все города восстановлены, множество построено, молодой царь пока еще не имел разорительного гарема в тысячу жен и наложниц... Но пойти на уступки — значит признать слабость. И царь, по совету молодых друзей, отверг просьбу народного собрания.

Против Ровоама восстали десять северных колен. Они объявили царем прибывшего из Египта Иеровоама и основали Израильское государство. Под властью Ровоама осталось лишь небольшое Иудейское царство — область обитания колена Иудина в Южной Палестине.

* 3 Цар., XII, 1.

** 3 Цар., XII, 4.

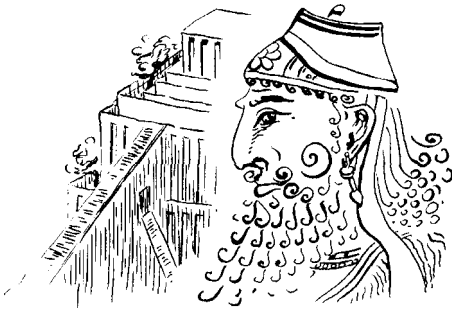
Копи царя Соломона

То, что Соломон был сказочно богат, ни у кого не вызывает сомнения. Его гениальный ум позволял зарабатывать сокровища где угодно и на чем угодно. При этом многие считали, что царь имел на своей территории некие месторождения золота либо драгоценных камней. И начали слагаться легенды о копиях царя Соломона; они будоражат воспаленное воображение не одного поколения кладоискателей, которые перекапывают тонны земли с надеждой найти шахты, наполненные золотом, серебром, самоцветами... Рациональное зерно из легенд и мифов пытались извлечь археологи и ученые.

Туристические путеводители по Израилю давно предлагают экскурсии в древние заброшенные шахты, уверяя, что это и есть знаменитые копи. На роль копей Соломона также могут претендовать открытые на территории Иордании древние разработки меди — в X в. до н.э. сие место принадлежало Израильскому царству, и американские ученые доказали, что в то время металл активно добывался. Да, именно медь — очень ценный металл во времена Соломона. Месторождение, открытое древними, было довольно большим — тысячу лет отсюда черпали медь евреи и те, кому удавалось захватить их земли.

Металл из шахт, несомненно, приносил огромный доход Соломону. Но увы! За последние три тысячи лет медь сильно девальвировала в цене. находка археологов скорее огорчила, чем обрадовала черных копателей. Иордании от обнаруженного месторождения тоже нет пользы — древние выбрали его до последней капли. Археологам осталось только собрать за ними множество артефактов — в том числе в коллекцию попали вездесущие египетские жуки-скарабей.

Единственный, кто в Новое время прилично заработал на легендарных копиях, — это Генри Райдер Хаггард. Доход он получил в виде гонорара за книгу «Копи царя Соломона».

Звездный час халдеев

Племена халдеев переселились в Месопотамию в конце II тысячелетия до н. э. с Аравийского полуострова. Первоначально они разместились в непроходимой болотистой местности к югу от Вавилонии. Шли столетия, народ мужал и завистливо поглядывал на богатейшие города, стоявшие совсем рядом с их негостеприимным краем. Все чаще они совершали походы против соседей, — иногда вылазки заканчивались удачей, что еще больше подогревало аппетит.

Воинственных халдеев приглашали на службу ассирийские цари, испытывавшие недостаток в живой силе. Один из таких наемников — Набопаласар — сделал великолепную карьеру. Он служил в качестве военачальника в войске ассирийцев, а затем царь поставил рассудительного халдея наместником Вавилонии.

В то время Ассирия слабела с каждым годом; ее разноплеменное войско превращалось в разбойничьи банды, заговоры и борьба за власть раздирали правящий дом, огромная империя теряла одну за другой свои провинции. В мае 627 г. до н.э. вавилоняне изгнали ассирийский гарнизон. Набопаласар вместо того, чтобы наказать восставших, присоединился к мятежу. Вавилоняне приняли его с распростертыми

объятиями, так как после ассирийской резни, случившейся несколькими десятилетиями ранее, большую часть населения города составляли халлеи. В следующем году Набопаласар был провозглашен восставшими царем Вавилонии.

С отпадением Вавилона не могла смириться Ассирия, но и энергичному Набопаласару стало тесно в городе — пусть даже великом и прекрасном. Как только первая радость от появившейся на голове короны прошла — он начал строить планы овладения всей территорией бывшего работодателя. В войну втянулись сопредельные страны. В один момент сквозь поля сражений лавиной прошли скифские орды, которые, словно саранча, уничтожили на своем пути все, что не смогли съесть или унести, не разбирая союзников и врагов. Скифы дошли до Египта, взяли дань с дрожащего от страха фараона и принялись ураганом носиться по Передней Азии.

Скифы немного огорчили Набопаласара; они наголову разбили его союзника — мидийского царя Киаксара. Но когда кочевники несколько уняли пыл, вавилонский и мидийский цари вновь повели наступление на Ассирию. Постепенно гигантская мировая империя сузилась до нескольких древних городов. Ашшур — откуда начиналось восхождение ассирийцев — был взят мидийским царем в 614 г. до н.э. На его руинах и был скреплен союз врагов Ассирии традиционным способом: браком сына Набопаласара — юного Навуходоносора — с дочерью мидийского царя — Амиитис.

В 612 г. до н.э. Набопаласар и Киаксар подошли к столице Ассирии — Ниневии, городу, в котором хранились веками награбленные со всей Азии сокровища. Скифы, почувствовавшие запах золота, также оказались под Ниневией. Недавно они сражались на стороне ассирийцев, но теперь союзникам удалось переманить кочевников на свою сторону обещаниями добычи.

Осада столицы Ассирии продолжалась три месяца. Город со 170-тысячным населением упорно защищался. Казалось, мощнейшие оборонительные сооружения не оставляли ни единого шанса осаждавшим: Ниневия была опоясана двумя рядами крепостных стен. Высота внутренней стены достигала 30 метров, а ширина была такой, что на ней могли ехать в один ряд три колесницы.

И все же участь столицы Ассирии была предreshена. Задолго до ее осады библейский пророк Наум предсказал обстоятельства ее падения: «Речные ворота отворяются, и дворец разрушается»*. Наум не советовал полагаться на крепость стен: «Все укрепления твои подобны смоковнице со спелыми плодами: если потряхнуть их, то они упадут прямо в рот желающего есть»**.

Три месяца союзные войска штурмовали стену с северо-востока. Защитники Ниневии готовились обороняться еще долго. Но вавилоняне прокопали каналы, отвели воды реки Хацур, которая заполняла рвы перед стенами, и по обмелевшему руслу ворвались в город.

Далее все происходило по привычному сценарию жестокой войны.

«Горе городу кровей! — восклицает сврйский пророк Наум. — Весь он полон обмана и убийства; не прекращается в нем грабительство.

Слышны хлопанье бича и стук крутящихся колес, ржание коня и грохот скачущей колесницы.

Несется конница, сверкает меч, и блестят копыта; убитых множество и груды трупов: нет конца трупам, спотыкаются о трупы их»***.

Ассирийский царь поджег свой дворец и сгорел сам вместе с женами, наложницами, приближенными и сокровищами, накопленными за много столетий.

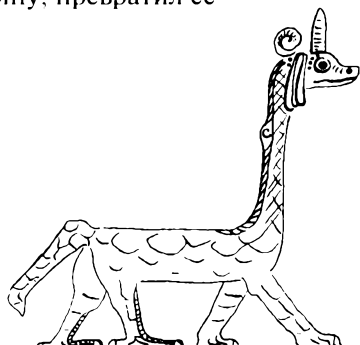
Много дней победители убивали последних защитников Ниневии, грабили их дома, Набопаласар же занялся раскопками — вавилоняне раскапывали пепелище дворца. Им досталось огромное количество золота, серебра — расплавленного и погребенного под грудями кирпича и камня. Везде на глаза попадались глиняные таблички, испещренные клинописью, — во дворце находилась гигантская библиотека. Многие таблички разбились, но огромное количество все-таки уцелело — огонь лишь закалил глину, превратил ее

---

* Наум, II, 6.

** Наум, III, 12.

*** Наум, III, 1–3.

в подобие камня. Глиняные дощечки не привлекли внимание солдат; они были обнаружены в наше время, и эту находку по достоинству оценили ученые.

Необычайно хитрым царем был Набопаласар. Он умел великолепно все рассчитать, всегда появиться в нужном месте и в нужное время; воевать он предпочитал чужими руками, а пожинать плоды побед — своими. Набопаласар любезно поблагодарил за помощь царя Мидии, а сам принялся грабить беззащитные ассирийские провинции. Так закладывалась основа богатства новой вавилонской династии.

Остатки ассирийских войск укрылись на северо-западе Месопотамии, в городе Харран. Они избрали нового царя и даже нашли мощного союзника — египетского фараона. Египет всегда враждовал с Ассирией, но он был встревожен появлением нового хищника на дымящихся руинах Ассирии и поспешил на помощь к старому израненному льву.

Медленно ползло египетское войско по земле Палестины. У города Мегиддо путь ему преградил хозяин здешних мест — израильский царь Иосия. Фараон довольно вежливо разъяснил еврейскому царю ситуацию. По словам Иосифа Флавия, Нехо «отправил к нему посланного с заявлением, что он идет походом не на него, но желает лишь пробраться к Евфрату; к этому он присовокупил совет не раздражать его и не мешать ему идти походом на тех, воевать с которыми он порешил».

Иосии стоило послушаться совета и терпеливо подождать сражения гигантов, но слишком горяч был царь. «И вот, пока он выстраивал в боевой порядок свое войско и разъезжал на колеснице от одного фланга к другому, кто-то из египтян пустил в него стрелу и тем положил конец его воинственному пылу. Жестоко страдая от полученной раны, он отдал войску приказ отступить и вернулся в Иерусалим. Здесь он умер от раны и был торжественно похоронен в усыпальнице своих предков».

Тем временем Набопаласар вновь вступил в союз со скифами, и это помогло ему одержать безоговорочную победу. В конце

610 г. до н.э. последний оплот ассирийцев — Харран — пал. Скифы разграбили дочиста город; не было пощады и храмам ассирийских богов, которым поклонялись и сами вавилоняне. Что поделаешь... издержки войны. Зато на египтян кочевники нагнали такого страха, что те мечтали лишь об одном: поскорее убраться за Евфрат. Вместе с египтянами Месопотамию покинули жалкие остатки ассирийских войск.

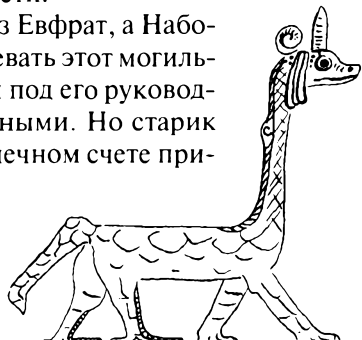
Так самое могущественное царство Азии навсегда исчезло с политической карты.

Израильтяне же продолжали расплачиваться за неразумную выходку Иосии; злые побитые египтяне возвращались прежним путем. В Иерусалиме в это время сидел новый царь — двадцатитрехлетний сын Иосии — Иоахаз. Нехо вызвал его в свою ставку и лишил трона, а царем назначил его старшего брата. Фараону не понравилось только имя нового царя — Елиаким и он решил эту проблему: Нехо «изменил его имя в Иоакима, — повествует Иосиф Флавий. — На страну же фараон наложил дань в размере ста талантов серебра и одного таланта золота. Эту огромную дань стал выплачивать Иоаким, а фараон увез Иоахаза с собою в Египет, где он и умер, процарствовав всего три месяца и десять дней».

Фараон желает реванша

После победы начался дележ необъятной территории Ассирийского царства. Лучшие куски захватил Набопаласар, в северной части Месопотамии немного земель досталось мидянам и скифам. Позорно изгнанный за Евфрат фараон Нехо (Нехао) оправился от страха и вновь бродил по Азии. Он прибрал к рукам владения ассирийцев между Средиземным морем и Евфратом и жаждал мести.

Египтяне подступили к переправам через Евфрат, а Набопаласар все медлил с отпором. Не любил воевать этот могильщик Ассирии, и многие военные кампании под его руководством были, мягко говоря, не совсем удачными. Но старик Набопаласар всегда находил того, кто в конечном счете при-

носил ему победу и бросал поверженных врагов к его ногам. Он передал войну с египтянами в руки наследника престола — Навуходоносора.

Весной 605 г. до н.э. вавилонское войско выступило в поход. Египетская армия стояла под Кархемишем — городом в Северной Месопотамии, — здесь была удобная переправа через Евфрат и сходились важнейшие торговые пути Востока: в Месопотамию, Сирию, Малую Азию. Слишком много преимуществ давало обладание Кархемишем, и не случайно, что одна из самых жестоких и кровопролитных битв древности произошла под его стенами.

Фараон потерпел страшнейшее поражение. По словам Иосифа Флавия, в битве полегло «несколько десятков тысяч людей». Некоторые подробности катастрофы поведала «Вавилонская хроника»:

«Он (Навуходоносор) нанес им поражение и в ничто (превратил) их. Что же касается остатков египетского войска, которые избежали разгрома, так (как они отступили еще до того, как) оружие настигло их, вавилонская армия догнала их в области Хамат и нанесла им такое поражение, что никто (не спасся) в свою страну».

Единственное сражение привело к тому, что Навуходоносор стал обладателем Сирии и вообще всей территории от Евфрата до Средиземного и Красного морей. Ассирия умерла, но в пылу кровавых сражений родился новый гигант — Нововавилонское царство.

Закрепить успех Навуходоносору помешала черная весть из Вавилона — скончался его отец, Набопаласар. Трон не должен оставаться пустым, необходимо было принять власть и корону как можно скорее.

Навуходоносор прекращает военную кампанию и направляется в Вавилон. Его не удовлетворяет скорость движения войска, и тогда он вырывается вперед с одной только свитой. Он спешит с немногочисленными всадниками по только что завоеванной стране, не думая об опасности. На 23-й день после смерти отца Навуходоносор достигает Вавилона, а подошедшее следом войско никому не позволяет сомневаться в легитимности нового царя, никто не смеет оспаривать его право на трон.

Горе Иерусалиму

Недолго Навуходоносор оставался в царском дворце. Новый царь с легкостью променял его на походную палатку, а трон на резвого скакуна. Он не любил оставлять незавершенные дела; ответственность за свои поступки сни-скала ему уважение подданных, а практикуемая им неот-вратимость и жестокость наказания убеждали покоренные народы отложить восстания до лучших времен.

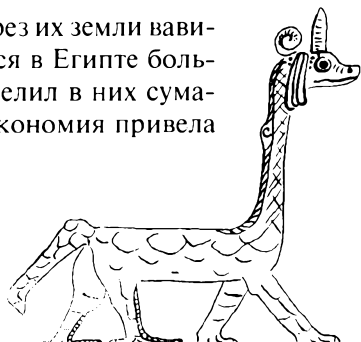
Наследник Набопаласара явился в Сирию, отобранную у фараона, и в этот же год «доставил в Вавилон тяжелую подать страны Хатти». Однако палестинский город Аскалон, видимо, не понял, с кем имеет дело; горожане очень любили свободу и не пожелали раскошелиться на «тяжелую подать».

Навуходоносор осадил мятежный город и в декабре 604 г. до н.э. взял его штурмом. Правитель Аскалона попал в плен, жители были обращены в рабство, а город вавилонский царь, согласно хронике, «превратил в развалины и руины».

Пример Аскалона оказался весьма назидателен. Когда Навуходоносор двинулся с войском против иудеев, царь Иоаким «испугался этой угрозы и, предпочтя деньгам мир», начал платить дань.

Навуходоносор желал покорить и Египет, который давал приют всем мятежникам и самим своим существованием вселял надежду народам, обложенным вавилонской данью. В 601 г. до н.э. вавилонская армия вступила на землю сосед-него континента. Знакомый нам фараон Нехо сумел под-готовить достойную встречу непрошеным гостям. В кро-вопролитнейшем сражении обе стороны понесли такие большие потери, что им пришлось остаться при своих инте-ресах; Навуходоносор отвел потрепанное войско в Азию, а Египет отказался от соперничества с Вавилоном за ази-атские земли.

На свою беду, евреи видели ползушее через их земли вави-лонское войско — израненное, лишившееся в Египте боль-шинства колесниц и конницы. Его вид вселил в них сума-сбродную идею перестать платить дань. Экономия привела к ужасным последствиям.

Евреи ждали помощи от Египта, но вместо нее появились подвижные вавилонские отряды, беспощадно разорявшие их земли. Спустя год под Иерусалимом возник и сам Навуходоносор. Иудейскому царю ничего не оставалось, как раскрыть пошире ворота города и вновь просить пощалы.

Но слишком зол был Навуходоносор, чтобы прощать. «Вавилонянин же, — описывает дальнейшие события Иосиф Флавий, — войдя в город, не подумал соблюсти прежние договоры, но велел перебить самых сильных и красивых из иерусалимцев вместе с их царем Иоахимом, причем приказал труп последнего выкинуть без погребения за городские стены. Царем же над всею странюю и над городом поставил сына его Иоахима».

Это было далеко не все наказание мятежному городу. Навуходоносор открыл Иерусалимский храм и вывез оттуда все сокровища — все золото и серебро, помещенное туда царем Соломоном и последующими жертвователями.

Далее вавилонский царь отобрал лучших из лучших.

«И выселил весь Иерусалим, и всех князей, и все храброе войско, — десять тысяч было переселенных, и всех плотников и кузнецов; никого не осталось, кроме бедного народа земли»*.

Так началось вавилонское пленение евреев. Навуходоносору были нужны хорошие специалисты; еврейских мастеров он поселил в своей столице.

Спустя восемь лет новому царю евреев надоело быть ручным, и он поднял восстание против вавилонян. Силы были, конечно же, неравны, но хлопот Навуходоносору евреи доставили немало. В течение восемнадцати месяцев вавилоняне осаждали Иерусалим «по всем правилам искусства». Город имел мощные стены, но защитников косили не столько враги, сколько голод и свирепствовавшая эпидемия моровой язвы.

Взяв Иерусалим, Навуходоносор велел в присутствии царя перерезать всех его сыновей и приближенных, а ему выколоть глаза — ослепленного царя заковали в цепи и отправили в Вавилон.

---

* 4 Цар., XXIV, 14.

Своему военачальнику Навуходоносор поручил сжечь построенные Соломоном храм и дворец, разрушить городские стены, а сам город сровнять с землей. Всех жителей еврейской столицы опять переселили в Вавилонию.

Оставшимся в Иудее Навуходоносор дал нового царя. Но евреи, отчаявшись обрести покой под вавилонским гнетом, убили назначенного царя:

«И встал весь народ, от малого до большого, и восначальники, и пошли в Египет, потому что боялись Халдеев»*.

Благодатная, с многочисленным населением, Иудея превратилась в пустыню.

Ассирийские, а затем, вавилонские цари любили оставлять хвастливые надписи на камне. Навуходоносор оценил свои успехи вполне реально:

«С высшей помощью богов дальние страны, далекие горы, от Верхнего моря до Нижнего моря, дурными дорогами, глухими тропами, где задерживался шаг, некуда ступить было ногой, тяжелыми путями, дорогами жажды я прошел, непокорных перебил, пленил врагов. В стране я навел порядок и дал процветать народу. Плохих и злых среди народа я удалил. Серебро, золото, драгоценные камни, медь, ценное дерево — все, что дорого, золотые плоды, урожай гор, продукты моря, тяжелое множество, изобильные дары в мой город Вавилон я принес пред богами».

Чудеса света

Навуходоносор не только грабил и разрушал; при нем Вавилония превратилась в одну большую стройку. Собранные со всей Азии богатства не лежали мертвым грузом в казнохранилище, а работали на процветание страны. Один из наиболее исследованных археологами городов — Ур; здесь историки нашли следы деятельности Навуходоносора везде и всюду. В его эпоху город был практически отстроен

* 4 Цар., XXV, 26.

наново. Планировкой Ур удивительно напоминал Вавилон, как, впрочем, и любой современный город: широкие и прямые улицы с ответвлениями под прямым углом, разделение на кварталы. Поражают и размеры домов: одно здание занимало площадь 46 на 40 метров. Царь своеобразным способом увековечил свое имя, помечая кирпичи своей печатью. И таких меченых кирпичей в Месопотамии найдено миллионы. Что ж, своим желанием прославиться Навуходоносор оказал услугу археологам — легче датировать найденные объекты.

Главным детищем знаменитого царя был, конечно же, Вавилон.

Этот город — древнейший на земле — достался халдейской династии в худший период его истории. В 703 г. до н.э. гордые вавилоняне восстали против своих поработителей — ассирийцев. Тяжелая война тянулась четырнадцать лет. В декабре 689 г. до н.э. ассирийскому царю Синахерибу удалось штурмом взять город. В ярости Синахериб приказал стереть с лица земли непокорный Вавилон и перебить всех его жителей. В огне пожара сторело все, что могло гореть; Синахерибу этого показалось мало: кирпичные и каменные строения ассирийцы разбивали и сбрасывали в Евфрат. В конце концов плотина перегородила реку, и вода затопила дымящиеся руины.

Жестокость, с которой обошелся Синахериб с лучшей жемчужиной своей короны — Вавилоном, вызвала ненависть к нему и врагов и друзей. Покинутый всеми, Синахериб пал жертвой заговора, в котором принимали участие и его сыновья. Асархаддон, пришедший к власти в 680 г. до н.э., принялся восстанавливать разрушенный отцом город. Однако то, что создавалось тысячелетиями, невозможно восстановить за несколько лет. И лучше бы этого ему не делать...

Спустя совсем немного времени наспех отстроенный Вавилон вновь начал враждовать с ассирийским царем, и весной 650 г. до н.э. ассирийские войска опять осадили город. Два с половиной года Вавилон жил в кольце, и в нем дошло до людоедства. Когда не осталось никакой надежды, мятежный наместник по традиции поджег свой дворец и бросился в пламя. За ним последовали жена и все желаю-

шие избежать плена. Ассирийские наемники разграбили город дочиста.

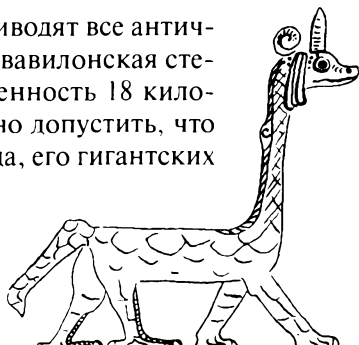
После таких несчастий Вавилон и достался Навуходоносору; в общем, простора хватало для того, чтобы на века и тысячелетия оставить после себя память в кирпиче и камне. Именно в его правление древнейший город переживет свой последний расцвет. Царь вернул Вавилону звание великолепнейшего города мира! Им восторгались все античные писатели. «Вавилон был не только очень большим городом, но и самым красивым из всех городов, которые я знаю» — таково мнение много повидавшего на своем веку Геродота. Город, по его словам, состоял «сплошь из трех- и четырехэтажных домов и пересечен прямыми улицами, идущими частью вдоль, частью поперек реки». И далее грек передает одну историю:

«Город же Вавилон столь огромный, что, по рассказам тамошних людей, горожане, жившие в центре, не знали, что враги уже заняли окраины. В это время они по случаю праздника плясали и веселились до тех пор, пока слишком хорошо не узнали свое ужасное положение».

Вавилоняне могли спокойно веселиться в осажденном городе потому, что были уверены в прочности его укреплений.

«Вавилон расположен на равнине, — рассказывает древний географ Страбон, — его стены имеют в окружности 385 стадий (71,27 километра), толщина стен 32 фута (9,87 метра), высота их между башнями 50 локтей (30,85 метра), а высота самих башен 60 локтей (37 метров); дорога по вершине стен настолько широка, что колесницы в четверку лошадей легко могут разехаться». По словам Геродота, в стене было целых сто ворот, но удивляет даже не их количество, а материал, из которого сделаны; «целиком из меди (в том числе их косяки и притолоки)». Даже по нынешним временам, когда с металлом проще, стоят они очень не дешево.

Надо заметить, что подобные цифры приводят все античные авторы, но археологи установили, что вавилонская стена времен Навуходоносора имела протяженность 18 километров. Почему такое расхождение? Можно допустить, что древних авторов поражали масштабы города, его гигантских

построек — отсюда склонность к преувеличению. Вавилон не имел себе равных на планете. Возможно и другое объяснение: за Вавилоном непрерывной цепью тянулись поселки земледельцев — вплоть до соседнего города Барсиппа. Мудрено было определить, где начинается и где кончается Вавилон; ведь крупные поселения также старались обнести стенами, стена существовала и на берегу Евфрата, чтобы затруднить высадку врагов со стороны реки.

Среди самых известных построек Навуходоносора — царский дворец, облицованный изнутри кирпичом, покрытым глазурью с растительным узором. Остатки его нашли археологи, и в XX в. велись активные работы по его восстановлению. Обнаружены и знаменитые ворота Иштар, через которые религиозные процессии входили в город. Раскопано несколько сотен метров священной дороги, по которой двигалось праздничное шествие. Дорогу окружали стены, облицованные глазурированным кирпичом и украшенные рельефными изображениями львов, быков и фантастических существ.

Висячие сады

Одно из самых знаменитых сооружений древности — висячие сады Семирамиды. Кто же такая была эта Семирамида и правомерно ли соединение ее имени с величайшим творением, вошедшим в список семи чудес света?

Мифологическая Семирамида приходилась дочерью сирийской богине Деркетю. Ее, оставленную в горах, вскормили голуби, воспитали пастухи; затем взял в жены царский советник, а потом Семирамида приглянулась и самому царю.

Легендарную Семирамиду отождествляют с вполне реальной вавилонской царицей Шаммурамат (конец IX в. до н.э.). Впрочем, за давностью лет трудно отделить миф от реальности, остается только успокаивать себя, что в каждом мифе есть доля истины.

Шаммурамат (она же Семирамида) стала женой ассирийского царя Нина. Семейная жизнь продлилась недолго; царь умер, оставив Семирамиду с малолетним сыном.

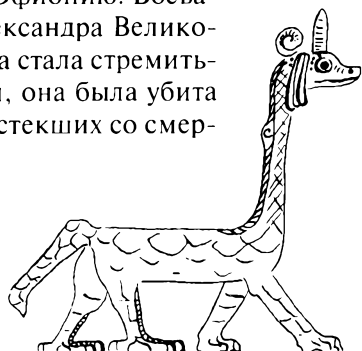

Царица была мужественной и необыкновенно умной женщиной; если богиня и не приходилась ей матерью, то в любом случае боги щедро одарили ее всеми достоинствами. Послушаем рассказ римского историка Помпея Трога, чьи сочинения дошли до нас в изложении некоего Марка Юниана Юстина (II—III вв. н.э):

«Семирамида не осмелилась ни передать власть подростку, ни сама открыто взять на себя управление столь многими и столь великими народами, которые, едва-едва подчиняясь даже мужчине, конечно, не стали бы подчиняться женщине. Поэтому она, будучи женой Нина, выдала себя за его сына и, будучи женщиной, — за мальчика. Это удалось, потому что и мать, и сын были роста среднего, голос у обоих был одинаково нежный, да и черты лица были схожи. Руки до плеч и ноги до колен она закрыла широким покрывалом, а на голову надела тиару. Чтобы не стали подозревать, не скрывается ли нечто под этим новым видом одеяния, она приказала всем носить такой же наряд, и с той поры такую одежду носит весь этот народ. Так в начале своего правления она скрыла свой пол, и ее стали считать юношей.

Впоследствии она совершила великие деяния, и, когда сочла, что величием она победила зависть, она открыла, кто она и за кого она себя выдавала. Это признание не только не лишило ее царского достоинства, но умножило ее славу, так как, будучи женщиной, она не только жен, но и мужей превзошла своими доблестями. Она основала Вавилон и окружила этот город стеной, сложенной из кирпичей, скрепленных вместо песка горной смолой: в тех краях это вещество в раскаленном состоянии вырывается из земли то тут, то там.

Много и других славных дел совершила эта царица: не довольствуясь сохранением земель, завоеванных ее мужем, она присоединила к своей державе еще и Эфиопию. Воевала она и с Индией, куда, кроме нее и Александра Великого, не проникал никто. Наконец, когда она стала стремиться вступить в связь с собственным сыном, она была убита им после сорока двух лет царствования, истекших со смерти Нина».

О том, что Семирамида построила висячие сады, писал Ктесий Книдский — греческий врач при дворе Артаксеркса II (кон. V в. до н.э.). Из его сочинения черпал сведения Диодор Сицилийский, затем ошибку повторили прочие историки. Однако, если бы это было так, сады погибли бы в 689 г. до н.э., когда ассирийский царь Синахериб приказал стереть Вавилон с лица земли.

На самом деле легендарные сады построил Навуходоносор для своей первой жены — мидийской принцессы Амиитис. «При своем дворце он велел соорудить каменные возвышения, совершенно похожие по виду на горы, — рассказывает Иосиф Флавий, — обсадил их всевозможными деревьями и устроил так называемый висячий сад, вследствие желания жены его, происходившей из Мидии, иметь такую вещь, к которой она привыкла у себя на родине». Богатейший среди царей, он мог позволить такой подарок любимой женщине, попавшей из цветущей Мидии в неприветливый край болот, которые чередовались с выжженной солнцем пустыней. Терраса за террасой, сады возвышались над пыльным Вавилоном, окутывая город ароматом цветов, радуя глаз экзотической растительностью.

Греческий географ Страбон, живший на рубеже нашей эры, описывал сады как нечто реальное и близкое, со всеми архитектурными подробностями конструкции:

«Висячий сад имеет форму четырехугольника со сторонами в 4 плефры (118,4 м) длиной; его поддерживают сводчатые арки, расположенные одна над другой на кубовидных цоколях. Эти цоколи, полые внутри, набиты землей так, что вмещают в себе огромные деревья; сами цоколи и арки со сводами сооружены из обожженного кирпича и асфальта. Подъем на верхние террасы идет по ступенчатым лестницам, вдоль которых расположены винтовые насосы, которыми непрерывно накачивают в сад воду из Евфрата люди, приставленные для этого. Ведь река шириной в стадию протекает через середину города, а сад расположен на берегу реки».

Висячие сады были удовольствием не из дешевых — и в сооружении, но еще более в эксплуатации. Особенно много хлопот доставлял их каждодневный полив. Ученые-

энтузиасты, пытавшиеся восстановить процесс орошения гигантского сада, подсчитали, что ежедневно требовалось доставлять наверх сооружения около 300 тонн воды, или примерно семьдесят тысяч ведер. Для полива в Азии широко использовались шадуфы, но это незаменимое приспособление было невозможно использовать для висячих садов. Во-первых, требовалась не одна, а целых пятнадцать цепей шадуфов, которые заполнили бы весь сад, не оставив места для деревьев. Во-вторых, от круглосуточной работы сотен огромных журавлей стоял бы невообразимый шум, грохот, скрежет, плеск — в такой обстановке не до эстетического наслаждения.

Страбон пишет о «винтовых насосах, которыми непрерывно накачивают в сад воду из Евфрата люди, приставленные для этого». Речь идет о водоподъемном болте — изобретении, которое приписывается выдающемуся Архимеду, но, оказывается, ассирийцы использовали это приспособление за 400 лет до рождения великого механика. Этот факт подтверждают и найденные в Ниневии клинописные документы.

Навуходоносор не был оригинален в своем замысле. Во время раскопок ассирийской столицы — Ниневии — археологи нашли на стене дома рельеф: несколько ступенчатых террас засажены деревьями. Так что Навуходоносор мог удивить мир только масштабами. И он удивил! Ему тем легче это удалось, что ассирийские предшественники его садов оказались к этому времени разрушенными, уничтоженными и стертыми — с лица земли и в человеческой памяти.

Вавилонское столпотворение

Человек издавна хотел быть ближе к Богу. Вначале люди избирали для этого самый простой способ: поднимались высоко в горы, вершины которых, казалось, упирались в небеса, и там просили благословения. Вавилоняне, у которых гор поблизости не оказалось, стали строить высокие многоярусные храмовые башни — зиккураты.

Бог такое стремление дотянуться до него не приветствовал. В библейской Книге Бытия по этому поводу имеется широко известный рассказ:

«На всей земле был один язык и одно наречие.

Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там.

И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести.

И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес, и сделаем себе имя, прежде, нежели рассеемся по лицу всей земли.

И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие.

И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать;

Сойдем же и смешаем там язык их, так, чтобы один не понимал речи другого.

И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город.

Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле»*.

Зиккурат, посвященный верховному богу Мардуку (Бэла-Мардуку), существовал в городе с незапамятных времен. Известно, что он стоял уже в период правления царя Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.). В 689 г. до н.э. ассирийский царь Синахериб разрушил башню вместе с Вавилоном, но в том же веке священное сооружение начал восстанавливать Асархаддон. Так же как и в библейском рассказе, ее строили из обожженных кирпичей, скрепляя «земляной смолой» — асфальтом.

Но самый большой зиккурат возвел Навуходоносор, и его часто отождествляют с библейским. Это не совсем сходится со Священным Писанием: зиккурат Навуходоносора возводило упоминаемое «смешенье языков» — халдеи, ассирий-

---

* Быт., XI, 1–9.

цы, мидяне, финикийцы, египтяне, евреи и представители прочих народов, что были захвачены в плен и приведены в Вавилон. И языковое различие не помешало довести объект до конца.

Древний небоскреб высотой 91 метр (хотя Страбон говорит о высоте в стадию — 185,1 метра) довольно подробно описан Геродотом, причем приведенные им нижние размеры подтверждаются археологическими раскопками:

«В середине храмового священного участка воздвигнута громадная башня, длиной и шириной в 1 стадию. На этой башне стоит вторая, а на ней — еще башня, в общем восемь башен — одна на другой. Наружная лестница ведет наверх вокруг всех этих башен. На середине лестницы находятся скамьи, должно быть, для отдыха. На последней башне воздвигнут большой храм. В этом храме стоит большое роскошно убранное ложе и рядом с ним золотой стол. Никакого изображения божества там, однако, нет. Да и ни один человек не проводит здесь ночь, за исключением одной женщины, которую, по словам халдеев, жрецов этого бога, бог выбирает себе из всех местных женщин».

Александр Македонский, желавший сделать Вавилон своей столицей, застал башню в плачевном состоянии — бывшему до него Ксерксу пирамида не понравилась, и персидский царь приказал ее срыть. По словам Страбона, «Александр хотел восстановить эту пирамиду; однако для этого требовалось много труда и продолжительное время (только одна расчистка мусора заняла бы 10 000 человек в течение двух месяцев), поэтому царь не успел окончить предприятие, так как вскоре его постигли недуг и кончина. Никто из его преемников не заботился об этом. Да и то, что осталось от города, было заброшено и разрушалось частью персами, частью от времени и в силу пренебрежительного отношения македонян к подобным сооружениям, в особенности же после того, как Селевк Никатор укрепил Селевкию на Тигре, поблизости от Вавилона, приблизительно в 300 стадиях... А в настоящее время Селевкия стала больше Вавилона, последний же в значительной части опустел, так что без колебания можно повторить о нем сказанное одним из комических поэтов относительно Мегалополя в Аркадии: “Великая пустыня теперь Великий град”».

Нитокрис

Основой вавилонской экономики было ирригационное земледелие. Его Навуходоносор поднял на высочайший уровень благодаря чрезвычайно удачной женитьбе. В 582 г. до н.э. отношения Вавилона с Египтом приняли некое подобие мирного сосуществования, и к удовольствию уставших от постоянных войн Азии и Африки состоялся брак Навуходоносора и дочери фараона — Нитокрис. Вместе с принцессой в столице Месопотамии появились толпы египетских специалистов по ирригационным сооружениям. На то время они достигли такого мастерства, что заставляли Нил поить и кормить густонаселенную страну, которая к тому же еще и поставляла зерно в соседние государства. В общем, могучий Евфрат после свадьбы царя постигла та же участь.

Геродот был в восхищении от Нитокрис и даже ставил ее выше легендарной Семирамиды:

«Вторая царица, которую звали Нитокрис, была еще более мудрой, чем ее предшественница, и оставила памятники, о которых я расскажу... Эта царица видела, как велико могущество мидян, сколь это беспокоит народ и как много городов они уже завоевали. Поэтому-то она и решила принять заранее все возможные меры предосторожности. Прежде всего она изменила течение реки Евфрата, который протекал раньше прямо через середину города. Для этого Нитокрис велела прокопать канал выше города, и таким образом река стала настолько извилистой, что, например, мимо одного селения в Ассирии она протекала трижды».

Кроме того, она приказала выкопать крупнейший волом «в окружности 420 стадий» (77,7 километра). Благо рабов у воинственного мужа было в избытке. Затем вся эта местность была заболочена, чтобы затруднить врагу подступы к городским стенам. Из-за этого болота Александр Македонский долго не мог попасть в Вавилон, который встречал его с распростертыми объятиями. Здесь великий завоеватель получил лихорадку, которая приблизила его смерть.

Огромный водоем царица использовала для решения нескольких задач. Обратимся к Геродоту:

«Город состоял из двух частей, разделенных рекой. При прежних царях, чтобы попасть из одной половины города в другую, нужно было переправляться на лодке, что, мне думается, было неудобно. Нитокрис позаботилась и об этом. Когда был вырыт водоем для озера, она оставила в память об этих работах вот еще что. Она повелела вырубить огромные камни. Когда эти камни были изготовлены и водоем выкопан, Нитокрис отвела весь речной поток в этот водоем, и по мере наполнения водоема старое русло высыхало.

Затем Нитокрис приказала укрепить берега реки вдоль города и спуски, ведущие от ственных ворот к реке, облицевать обожженным кирпичом таким же способом, как и городские стены. Потом приблизительно в середине города она велела построить мост из вырубленных камней (камни были скреплены железом и свинцом). Днем на мост настилали поперек четырехугольные доски, по которым вавилоняне переходили через реку. На ночь же этот настил убирали, для того чтобы люди не бродили туда и сюда и не грабили друг друга. После сооружения моста, когда выкопанное озеро наполнилось водой, царица велела отвести реку в Евфрат из озера в старое русло. Таким образом, озеро превратилось в болото, для чего и было предназначено, а горожанам, кроме того, был построен мост».

Остатки моста найдены при раскопках; по ним можно определить размеры сооружения: общая длина моста составляла 115 метров, ширина проезжей части — 6 метров. Высокие укрепленные набережные были включены в линию оборонительных сооружений Вавилона. Пожалуй, это был первый в истории разводной мост.

Мост и озеро хотя и стоили немало труда, но являлись второстепенными сооружениями; основные работы были направлены на отвоевания у природы земли, пригодной для земледелия. «Дождей в Ассирийской земле выпадает мало, — рассказывает Геродот, — но и этих незначительных дождей достаточно для первоначального питания и роста корней злаков. При этом посевы орошаются из реки, зреют и злак растет. Сама река, однако, здесь не заливаст поля, как в Египте, но орошение производится вручную водочерпаль-

ными приспособлениями. Вся Вавилония, подобно Египту, всюду перерезана каналами. Самый большой из этих каналов судоходен; в юго-восточном направлении он течет из Евфрата в другую реку — Тигр».

Канал, соединивший обе великих реки, добавил в сельскохозяйственный оборот огромные массивы не использованных ранее земель. Вавилон переживал небывалый расцвет. Однако некоторые ученые считают, что гигантская оросительная система и погубила город. Евфрат из-за того, что большая часть его воды забиралась большими и малыми каналами, начал течь медленнее и мелеть. Все больше ила, песка, гравия оседало на дне, а не уносилось в море, каналы часто засорялись. Воды каналов, в свою очередь, вызвали засоление почв. Нарушился баланс, установленный разумной природой. Эта теория имеет право на жизнь хотя бы потому, что человечество постоянно наступает на экологические грабли.

Валтасаров пир

Как мы говорили выше, Навуходоносор проявлял звериную жестокость в отношении народов, вовремя не изъявивших покорность. Особенно досталось евреям. Кроважность не была единственной его нехорошей чертой; к старости царя одолела профессиональная болезнь властителей — мания величия. Расхаживая по дворцу, Навуходоносор восхищался собой: «Это ли величественный Вавилон, который построил я в дом царства силою моего могущества и в славу моего величия!»*

Восхищался собой слишком долго, пока не потерял способность мыслить разумно. На закате жизни возмездие пришло и к нему: Навуходоносора поразило особого рода безумие, когда человек воображает себя животным и копирует все его повадки. «...И отлучен он был от людей, ел траву, как вол, и орошалось тело его росой небесною, так что

---

* Дан., IV, 27.

волосы у него выросли как у льва, и ногти у него — как у птицы»*.

Таким способом божественная сила напомнила величайшему царю, что он всего лишь человек и что высоко поднявшемуся — низко падать.

Но Бог смилостивился над Навуходоносором:

«В то время возвратился ко мне разум мой, и к славе царства моего возвратились ко мне сановитость и прежний вид мой; тогда взыскали меня советники мои и вельможи мои, и я восстановлен на царство мое, и величие мое еще более возвысилось».

Ныне я, Навуходоносор, славлю, превозношу и величаю Царя Небесного, Которого все дела истинны, и пути праведны, и Который силен смирить ходящих гордо»**.

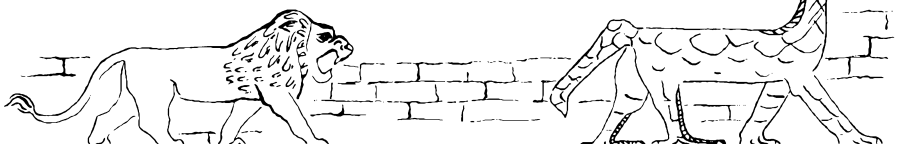
Навуходоносор умер в 562 г. до н.э. после 43-летнего царствования. Умер в свою счастливую пору. Некоторые грехи царя искупил его старший сын после восшествия на престол: согласно Иосифу Флавию, он «немедленно освободил от оков иерусалимского царя Иехонию, принял его в число ближайших друзей своих, одарил его богатыми дарами и сделал его заведующим царскими имуществами в Вавилонии. Ведь отец его не сдержал клятвы верности по отношению к Иехонии, который добровольно с женами, детьми и всеми родственниками своими сдался ему ради спасения своего отечества, чтобы город после осады не был разграблен при своем падении».

Благородный жест не мог исправить общую ситуацию в Азии; на небе благополучной Вавилонии собирались тучи. Соседняя Мидия давно намекала, что пора поделиться богатствами и землями, но главную опасность представляла быстро растущая Персия. Очень скоро молодой энергичный Кир окажется под стенами Вавилона.

Городом правил младший сын Навуходоносора от египтянки Нитокрис. Имя его широко известно благодаря выражению «валтасаров пир» — еще одному из той далекой эпохи.

* Дан., IV, 30.

** Дан., IV, 33–34.

Враги окружили Вавилон; в таких обстоятельствах правитель предпринимает все необходимое для защиты города, но Валтасар, видимо с отчаянья или страха, поступил иначе. Этот эпизод имеется у Иосифа Флавия, но в библейском изложении он, пожалуй, красочнее:

«Валтасар царь сделал большое пиршество для тысячи вельмож своих и перед глазами тысячи пил вино.

Вкусив вина, Валтасар приказал принести золотые и серебряные сосуды, которые Навуходоносор, отец его, вынес из храма Иерусалимского, чтобы пить из них царю, вельможам его, женам его и наложницам его.

Тогда принесли золотые сосуды, которые взяты были из святилища дома Божия в Иерусалиме; и пили из них царь и вельможи его, жены его и наложницы его.

Пили вино и славили богов золотых и серебряных, медных, железных, деревянных и каменных.

В тот самый час вышли персты руки человеческой и писали против лампы на извести стены чертога царского, и царь видел кисть руки, которая писала.

Тогда царь изменился в лице своем; мысли его смутили его, связя чресл его ослабели, и колени его стали биться одно о другое.

Сильно закричал царь, чтобы привели обаятелей, Халдеев и гадателей. Царь начал говорить и сказал мудрецам Вавилонским: кто прочтет это написанное и объяснит мне значение его, тот будет облечен в багряницу, и золотая цепь будет на шее у него, и третьим властелином будет в царстве.

И вошли все мудрецы царя, но не могли прочесть написанного и объяснить царю значения его»*.

И тогда посоветовали привести пророка Даниила, томившегося в вавилонском плену. Мудрец согласился помочь царю: «...Написанное я прочитаю царю и значение объясню ему»**.

Слова были написаны на арамейском языке: «МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН»; дословно переводились: «ИСЧИСЛЕН, ИСЧИСЛЕН, ВЗВЕШЕН, РАЗДЕЛЕН».

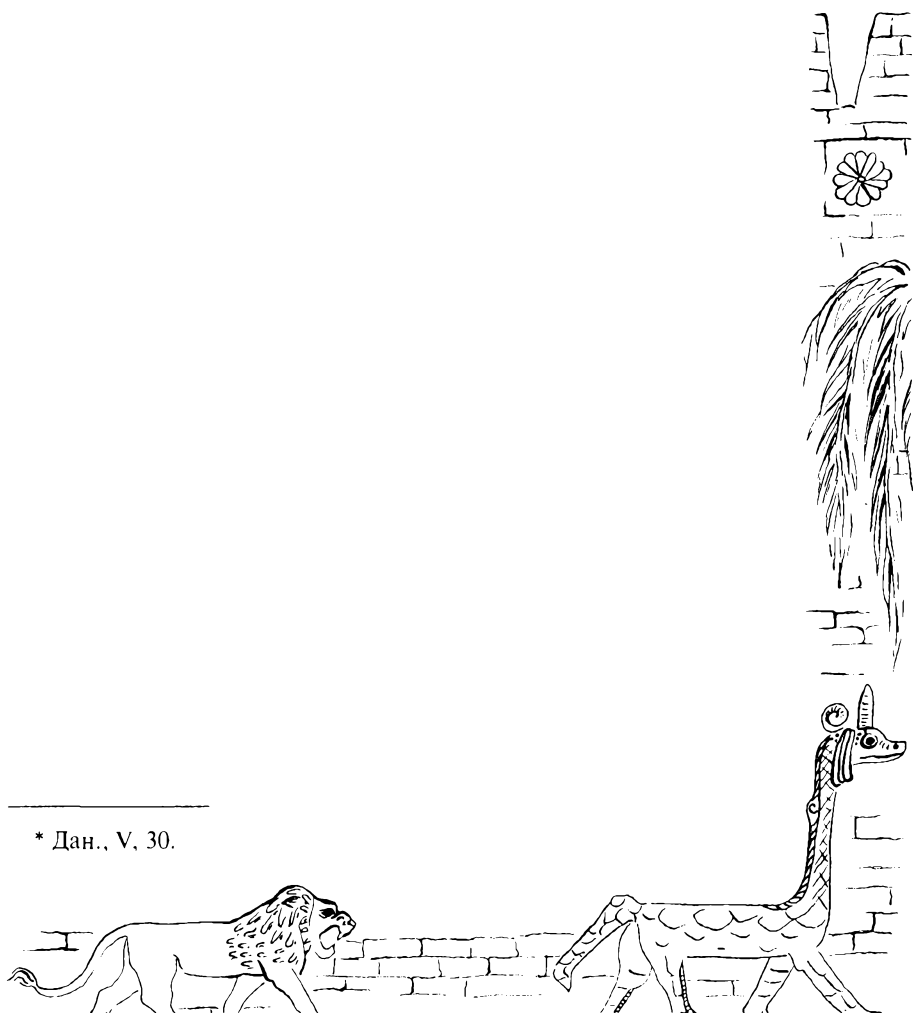
---

* Дан., V, 1–8.

** Дан., V, 17.

Смысл фразы пророк объяснил следующим образом: Бог исчислил Вавилонское царство и положил ему конец, Валтасар взвешен на весах и найден очень легким, а царство его будет разделено между мидянами и персами.

«В ту же самую ночь Валтасар, царь Халдейский, был убит»*.

---

* Дан., V, 30.

Кто самый счастливый?

Царь Крез за время своего правления превратил Лидию в одну из могущественнейших держав мира.

Воинственный Крез захватил крупнейшие греческие города в Азии — Милет и Эфес, а со временем стал обладателем всей западной части Малой Азии. Процветающая страна стала привлекательной для разного рода мигрантов — утечка мозгов имела место и в древности. «После того, как Крез покорил все эти народности и присоединил их к лидийскому царству, — рассказывает отец истории Геродот, — в богатые и могущественные Сарды стали стекаться все жившие тогда в Элладе мудрецы (каждый из них — по самым различным побуждениям). Прибыл, между прочим, и афинянин Солон, который дал афинянам по их желанию законы и затем на десять лет уехал из страны».

Философ из Афин встретил радушный прием во дворце Креза. Взамен требовалось, в сущности, немного; Крезу, как человеку, имеющему все, что возможно иметь на этой земле, необходимо было чуточку лести от прославленного грска.

Согласно Геродоту, «на третий или четвертый день слуги по приказанию Креза провели гостя по царским сокровищницам и показали ему все огромные царские богатства.

После осмотра и любования всем, что заинтересовало гостя, Крез обратился к Солону с таким вопросом:

— Гость из Афин! Мы много уже наслышаны о твоей мудрости и странствованиях, именно, что ты из любви к мудрости и чтобы повидать свет объездил много стран. Теперь я хочу спросить тебя: “Встретил ли ты уже счастливейшего человека на свете?”

Царь задал этот вопрос в надежде, что гость объявит его самого счастливейшим человеком. Солон же нисколько не желал льстить Крезу и сказал то, что думал:

— Да, царь, я видел самого счастливого человека. Это — афинянин Телл.

Крез очень удивился такому ответу и с нетерпением спросил:

— Почему ты считаешь Телла самым счастливым?

Солон ответил:

— Этот Телл жил в цветущее время родного города, у него были прекрасные и благородные сыновья, и ему довелось увидеть, как у всех них также родились и остались в живых дети. Это был по нашим понятиям зажиточный человек. К тому же ему была суждена славная кончина. Во время войны афинян с соседями он выступил в поход и при Элевсине обратил врагов в бегство, но и сам пал доблестной смертью. Афиняне же устроили ему погребение на государственный счет на месте гибели, оказав этим высокую честь.

Рассказ Солона о великом счастье Телла возбудил дальнейшее любопытство Креза, и царь спросил его: “Кто же самый счастливый после Телла?”, совершенно уверенный, что, уж по крайней мере, на втором месте Солон укажет его. Но Солон сказал:

— После Телла самые счастливые — Клеобис и Битон. Родом из Аргоса, они имели достаточно средств к жизни и к тому же отличались большой телесной силой. Помимо того, что оба они были победителями на атлетических состязаниях, о них рассказывают еще вот что: у аргосцев есть празднество в честь Геры Аргосской. Их мать, жрицу богини, нужно было обязательно привезти на повозке в святилище богини. Однако быки их не успели вернуться с поля. Медлить было нельзя, и юноши сами впряглись в ярмо и пота-

шили повозку, в которой ехала их мать. 45 стадий пробежали они и прибыли в святилище. После этого подвига, совершенного на глазах у всего собравшегося на праздник народа, им суждена была прекрасная кончина. И божество дало ясно этим понять, что смерть для людей лучше, чем жизнь. Аргосцы, обступив юношей, восхваляли их силу, а женщины — их мать за то, что она обрела таких сыновей. Мать же, возрадовавшись подвигу сыновей и народной молве о них, стала перед кумиром богини и молилась даровать ее сыновьям Клеобису и Битону, оказавшим ей столь великий почет, высшее благо, доступное людям. После этой молитвы, жертвоприношения и пиршества юноши заснули в самом святилище и уже больше не вставали, но нашли там свою кончину. Аргосцы же велели поставить юношам статуи и посвятить в Дельфы за то, что они проявили высшую доблесть.

Когда Солон объявил этих юношей на втором месте по счастью, Крез в гневе сказал ему:

— Гость из Афин! А мое счастье ты ни во что не ставишь, даже не считаешь меня наравне с этими простыми людьми?

Солон отвечал:

— Крез! Меня ли, который знает, что всякое божество завистливо и вызывает у людей тревоги, ты спрашиваешь о человеческой жизни? За долгую жизнь много можно увидеть и многое пережить. Пределом человеческой жизни я считаю 70 лет... И из всех дней, приходящихся на 70 лет, то есть из 26250 дней, нет ни одного совершенно похожего на другой: каждый день несет новые события. Итак, Крез, человек — лишь игральное случая. Я вижу, что ты владеешь великими богатствами и повелеваешь множеством людей, но на вопрос о твоём счастье я не могу ответить, пока не узнаю, что жизнь твоя окончилась благополучно. Ведь обладатель сокровищ не счастливее человека, имеющего лишь дневное пропитание, если только счастье не сопутствует ему и он до конца жизни не сохранит своего богатства».

Слова Солона пришлись не по душе Крезу, и он не пожелал больше видеть афинского мудреца при своем дворе. «Крез счел Солона совершенно глупым человеком, который, пренебрегая счастьем настоящего момента, всегда советует

ждать исхода всякого дела». Довольно скоро царю придется изменить свое мнение о мудреце.

Сомнения Солона насчет вечного счастья разделяла и древняя легенда, имевшая хождение в тех краях. Согласно ей судьба Креза была предопределена задолго до его рождения.

Когда-то Лидией правил царь Кандавл. Он был страстно влюблен в собственную жену и считал ее самой красивой женщиной в мире. Но человеческой гордыне нет предела; царю вдруг понадобилось, чтобы еще кто-то убедился в совершенстве форм его возлюбленной.

У Кандавла служил телохранителем юноша по имени Гигес. Ему правитель доверял самые сокровенные тайны и, между прочим, расхваливал красоту собственной жены. И однажды он предложил телохранителю увидеть царицу обнаженной.

Верный слуга пришел в ужас от подобного предложения.

— Что за неразумные слова, господин, ты говоришь! — воскликнул он. — Ты велишь мне смотреть на обнаженную госпожу? Ведь женщины вместе с одеждой совлекают с себя и стыд! Давно уже люди узнали правила благопристойности, и их следует усваивать. Одно из них главное: всякий пусть смотрит только за своим. Я верю, что она красивее всех женщин, но все же прошу: не требуй от меня ничего, противного обычаям.

Тщеславный царь и не подумал отказываться от своей затеи, а только еще настойчивее принялся уговаривать телохранителя:

— Будь спокоен, Гигес, и не бойся: я сказал это не для того, чтобы испытать тебя, и моя жена тебе также не причинит никакого вреда. Я подстрою все так, что она даже и не заметит, что ты ее увидел. Тебя я поставлю в нашем спальном покое за закрывающейся дверью. За мной войдет туда и жена, чтобы лечь на ложе. Ближе от входа стоит кресло, куда жена, раздеваясь, положит одну за другой свои одежды. И тогда ты сможешь спокойно ею любоваться. Когда же она направится от кресла к ложу и повернется к тебе спиной, то постарайся выйти через дверь, чтобы она тебя не увидела.

«Тогда Гигес уже не мог уклониться от такого предложения и выразил свою готовность, — рассказывает Геродот. — Когда Кандавл решил, что настала пора идти ко сну, то провел Гигеса в спальный покой, куда затем тотчас же пришла и жена. И Гигес любовался, как она вошла и сняла одежды. Как только женщина повернулась к нему спиной, Гигес постарался незаметно выйти из покоя. Тем не менее женщина видела, как он выходил. Хотя она поняла, что все это подстроено ее мужем, но не закричала от стыда, а, напротив, показала вид, будто ничего не заметила, в душе же решила отомстить Кандавлу.

Как ни в чем не бывало, женщина хранила пока что молчание. Но лишь только наступил день, она велела своим самым преданным слугам быть наготове и позвать к ней Гигеса. Гигес пришел на зов, уверенный, что ей ничего не известно о происшествии, так как и прежде он обычно приходил всякий раз, когда царица его призывала к себе. Когда Гигес предстал перед ней, женщина обратилась с такими словами:

— Гигес, перед тобой теперь два пути; даю тебе выбор, каким ты пожелаешь идти. Или ты убьешь Кандавла и, взяв меня в жены, станешь царем лидийцев, или сейчас же умрешь, для того чтобы ты, как верный друг Кандавла, и в другое время не увидел, что тебе не подобает. Один из вас должен умереть: или он, соблазнивший тебя на этот поступок, или ты, который совершил непристойность, увидев мою наготу.

Пораженный ее словами, Гигес сначала не знал, что ответить, а затем стал молить царицу не вынуждать его к такому страшному выбору. Гигесу не удалось все же убедить ее. Тогда, видя, что выбор неизбежен — или убить своего господина, или самому пасть от руки палачей, — он избрал себе жизнь и обратился к царице с таким вопросом:

— Так как ты заставляешь меня против воли убить моего господина, то скажи же, как мы с ним покончим?

На это царица дала такой ответ:

— Мы нападём на него на том самом месте, откуда он показал тебе меня обнаженной, и ты убьешь его во время сна.

Обдумав совместно коварный план, Гигес с наступлением ночи проник в спальный покой вслед за женщиной (ведь

она не отпускала Гигеса; выход ему был отрезан, и предстояло или самому умереть, или умертвить Кандавла). Царица дала ему кинжал и спрятала за той же дверью. Когда Кандавл уснул, Гигес, крадучись, пробрался к нему и, заколов его, овладел таким образом его женой и царством».

Лидийцы в негодовании взяли за оружие, но сторонникам царицы и Гигеса удалось убедить их обратиться за разрешением вопроса к Дельфийскому оракулу. В Дельфы отправили немалое количество золота, и боги благосклонно восприняли смену властителя. Однако предсказательница Пифия изрекла: Кандавл получит возмездие в пятом потомке Гигеса.

Крез и был тем самым пятым потомком.

Кто самый мудрый?

Крез если и знал о пророческой легенде, то предпочитал ко ней не вспоминать. Когда все хорошо, меньше всего хочется думать о плохом. Еще один древний автор — Диодор Сицилийский — повествует о главном пороке лидийского царя — необъятной гордыне. На этот раз царь упорно пытается добиться похвалы у скифа Анахарсиса.

Крез, не жалея времени и сил, готовил гостя к правильным выводам. Вначале «он на пирах и в собраниях отличал его величайшими почестями», потом долго водил скифа по своим владениям, «показывая свои богатства и могущество его власти... благополучие своего царства и количество покоренных народов». И наконец, спросил Анахарсиса, «какое из живых существ он считает храбрейшим?»

Анахарсис сказал, что самых диких животных, ибо они одни мужественно умирают за свою свободу.

Крез, полагая, что скиф ошибся и на второй вопрос даст удобный ему ответ, спросил, какое из живых существ считает он справедливейшим?

Тот снова ответил, что самых диких животных, так как они одни живут по природе, а не по законам: природа же, по его словам, есть создание божества, а закон — установле-

ние человека, и справедливее пользоваться тем, что открыто богом, а не человеком.

Тогда царь, желая высмеять Анахарсиса, спросил, не суть ли звери мудрейшие существа?

Мудрец, согласившись с этим, объяснил, что предпочитать истину природы истине закона есть основной признак мудрости.

Тогда царь с насмешкой сказал, что его ответы основаны на скифском звероподобном воспитании».

Не добившись желаемого от мудрецов, Крез вынужден был довольствоваться дешевой лестью подданных. Менять свои убеждения он явно не собирался.

Золото Лидии

Чем отличалась Лидия от государств-соседей?

Геродот сообщает интересные факты, касающиеся так называемой священной проституции, связанной с культом богини Иштар. «Молодые девушки у лидийцев все занимаются развратом, зарабатывая себе приданное. Делают они это, пока не выйдут замуж, причем сами же выбирают себе мужа».

И здесь же невзначай «отец истории» раскрывает источник фантастического богатства лидийских царей: «Природными достопримечательностями, как другие страны, Лидия совсем не обладает, кроме, быть может, золотого песка, приносимого течением реки Тмола». Что ж... Геродот был мудрым человеком и о богатстве писал вскользь, как о чем-то незначительном.

Золота добывалось несметное количество. Им Лидия снабжала сопредельные и более далекие государства: греки знали Лидию как страну, откуда привозилось золото; в основном лидийским золотом пользовалась Персия. Однажды жители Спарты послали в Сарды людей, чтобы купить золота для статуи Аполлона. Крез великодушно подарил им требуемое количество металла.

Лидия первой из всех государств начала чеканить и ввела в употребление золотую и серебряную монету.

Лидийцы настолько пресытились изделиями из желтого металла, что больше восхищения у них вызывали вещи из обычного железа. Отец Креза, по словам Геродота, «исцелившись от недуга, принес посвященные дары в Дельфы: большую серебряную чашу для смешивания вина с водой на железной инкрустированной подставке — одно из самых замечательных приношений в Дельфах работы Главка хиосца (он первый из людей изобрел искусство инкрустировать железо)».

Но всех превзошел Крез. Стремясь умиловить дельфийского бога, «он приказал принести в жертву 3000 голов отборного скота каждой породы и затем, воздвигнув огромный костер сжечь на нем выложенные золотом и серебром лежа, серебряные чаши и пурпурные одежды. Этим царь надеялся добиться больше милостей у бога. На этот костер царь также повелел всем лидийцам приносить жертвы из своего имущества. Затем Крез приказал переплавить несметное количество золота и изготовить из него слитки в виде полукирпичей, 6 ладоней в длину, шириной в 3 ладони, высотой же в 1 ладонь. Общее число полукирпичей было 117; из них 4 — из чистого золота, весом 2,5 таланта (63,75 кг) каждый; другие полукирпичи — из сплава с серебром, весом 2 таланта (51 кг). После этого царь велел отлить из чистого золота статую льва весом в 10 талантов (255 кг).

После изготовления Крез отослал эти предметы в Дельфы и вместе еще несколько других, а именно: две огромные чаши для смешивания вина — золотую и серебряную... Золотая чаша стоит теперь в сокровищнице клазоменян (вес ее 8,5 талантов и 12 мин), а серебряная в углу в притворе храма. Вместает она 600 амфор».

Далее Геродот перечисляет множество более мелких предметов, из которых позволим себе отметить золотую статую женщины в три локтя высотой. (По словам дельфийцев, то было изображение женщины, выпекавшей царю хлеб. Она раскрыла покушение мачехи Креза, пытавшейся погубить его с помощью отравленного хлеба.) В общем, речь идет о тоннах драгоценных металлов, подаренных храму.

И частных лиц не миновала милость Креза. Некому Амфиараю, «о деяниях и судьбе которого ему пришлось слышать, царь посвятил в дар щит целиком из золота и копье, древко и наконечник которого были также из чистого золота».

Тот, кто оказал услугу Крезу, мог рассчитывать на дальнейшую безбедную жизнь. Некий Алкмеон, по словам Геродота, «оказал помощь лидийцам, прибывшим из Сард от Креза к Дельфийскому оракулу, и заботился о них. Услышав от своих послов к оракулу об услугах Алкмеона, Крез просил его прибыть в Сарды. Когда Алкмеон приехал в Сарды, царь дал ему в подарок столько золота, сколько он мог сразу унести на себе. Алкмеон же ухитрился еще умножить этот щедрый дар. Он облекся в длинный хитон, оставив в нем глубокую пазуху. На ноги он надел самые большие сапоги, которые только можно было найти. В таком одеянии Алкмеон вошел в сокровищницу (по приглашению Креза).

Бросившись там на кучу золотого песка, Алкмеон сначала набил в сапоги столько золота, сколько вошло. Потом наполнил золотом всю пазуху, густо насыпал золотого песку в волосы на голове и еще набил в рот. Выходя из сокровищницы, Алкмеон еле волочил ноги и был похож скорее на какое-то другое существо, чем на человека. Рот его был полон, и вся одежда набита золотом. При виде этого Крез не мог удержаться от смеха и не только оставил все унесенное им золото, но еще и добавил не меньше».

Крез щедро делился золотом, но не всех удовлетворяло даже его безмерное расточительство. Скоро появятся те, что возжелают получить все золото Лидии. Иметь много золота — занятие чрезвычайно опасное.

Счастье изменяет Крезу

Судьба нанесла Крезу жестокий удар вскоре после отъезда Солона.

У него было два сына: один из них родился глухонемым калекой, «другой же, по имени Атис, далеко превосходил

своих сверстников доблестью». Царь смирился с несчастной судьбой первого сына, но тем более гордился вторым. И вот однажды Крезу явилось сновидение, предвешавшее беду его любимцу: Атис должен погибнуть, пораженный железным копьем.

«Когда Крез, пробудившись, пришел в себя, то в ужасе от сновидения решил, женив сына, впредь никогда больше не отпускать в поход, хотя обычно на войне тот был во главе лидийцев. Царь приказал также вынести из мужского покоя дротики, копья и другое подобное оружие и сложить во внутренних женских покоях, чтобы никакое висящее на стене оружие не упало на сына».

Когда уже готовились к свадьбе, во дворце появился «некий фригиец знатного рода» — Геродот называет его Адрастом. Оказалось, он случайно убил собственного брата, был изгнан отцом и теперь просил Креза совершить очистительный обряд. Нехитрая процедура состояла в следующем: руки убийцы обливали кровью жертвенного поросенка, после этого обтирали в знак снятия кровавого греха; затем умилоствовали богов жертвоприношениями и молитвами.

Царь, пребывавший в самом лучшем расположении духа от предстоящей свадьбы, сделал все, о чем просил чужеземец, и даже оставил его жить во дворце.

Крез ни на мгновение не забывал о страшном сне, но разве можно полного сил и энергии молодого человека удержать в четырех стенах?

Однажды в Сардах появились мисийцы — подданные царя — и попросили избавить их от неожиданной напасти. В землях этого народа завелся огромный вепрь, который опустошал поля; то и дело мисийцы устраивали на зверя охоту, но не могли причинить ему ни малейшего вреда и только приносили себе еще больший ущерб, вытапывая поля в погоне за вепрем. Теперь они просили отпустить сына царя с отборным отрядом воинов и сворой собак.

— О сыне моем вы и не помышляйте: я не могу отпустить его с вами, он ведь новобрачный, и теперь у него медовый месяц, — ответил Крез, согласно рассказу Геродота. — Но все же я отправлю с вами отборный отряд лидийцев со сво-

рой охотничьих собак и велю им постараться избавить вашу землю от этого зверя.

И тут возмутился сын:

— Отец! Самым высшим и благородным удовольствием прежде было для меня и для тебя отличиться в походе или на охоте. А теперь ты запрещаешь и то и другое, хотя никогда ты не замечал во мне ни трусости, ни малодушия. Какими глазами будут глядеть на меня люди, когда я пойду в народное собрание и оттуда домой? Что подумают обо мне сограждане и что станет думать моя молодая жена о человеке, с которым ей предстоит жить? Поэтому или позволь мне идти на охоту, или, по крайней мере, приведи разумные доводы, что так поступить будет действительно лучше для меня.

— Сын мой! — воскликнул Крез. — Я поступаю так не оттого, что заметил за тобой трусость или какой-либо другой неблагоприятный поступок. Явилось мне сновидение и предрекло, что ты будешь недолговечен и погибнешь от железного копья. Из-за этого сновидения я и поспешил с твоей свадьбой и теперь запрещаю участвовать в подобных предприятнях, чтобы избавить тебя от таких опасностей, по крайней мере, хоть на время, пока я жив. Ведь ты у меня единственный сын (второго сына, глухонемого калеку, я не считаю).

Юноша отвечал:

— Я не хочу, отец, винить тебя, что ты из-за этого видения оберегаешь меня. Но ты неверно понял сон, и я должен тебе объяснить его. Ты говоришь, что сновидение предсказало тебе мою кончину от железного копья. А разве у вепря есть руки или железное копьё, которое тебя страшит? Ведь если бы было предсказано, что я погибну от клыков вепря или от чего-либо подобного, тогда ты поступал бы правильно.

Креза убедили слова сына, но все же он решил принять дополнительные меры предосторожности. Накануне охоты царь призвал к себе чужеземца, которого очистил от скверны, и строго наказал:

— Адраст! Я очистил тебя от тяжкой беды, в которую ты попал, за что я не упрекаю тебя, принял в свой дом и обеспечил всем необходимым. Поэтому твой долг отплатить мне добром за добро, которое я тебе сделал. Я прошу тебя ныне

быть стражем моего сына, который отправляется на охоту, чтобы разбойники внезапно по дороге не напали на погибель вам.

Адраст пообещал, что царский сын вернется с охоты здоровым и невредимым. Но злой рок преследовал чужеземца, и желание отплатить добром на добро осталось неисполненным (хотя фригиец добросовестно пытался осуществить данные царю обещания и не отходил от сына Креза ни на шаг).

После недолгих поисков опытные охотники обнаружили зверя. Его окружили и принялись метать в него дротики. Метнул копье и жаждавший отличиться фригиец, но, как часто бывает в суете, промахнулся — да так неуклюже, что вместо вепря попал в царского сына. Юноша умер на месте.

Тотчас же послали черного вестника в Сарды. «Затем прибыли лидийцы с телом покойного сына Креза, — рассказывает Геродот. — Адраст остановился перед телом и отдал себя во власть Креза. Простирая вперед руки, он требовал заколоть его как жертву над телом покойного. По его словам, после первой своей беды теперь, когда он погубил еще и сына своего очистителя, жизнь ему стала больше невыносимой. Крез услышал это и почувствовал жалость к Адрасту, хотя его собственное горе было тяжело. Он сказал ему:

— Чужеземец! Я получил от тебя полное удовлетворение: ведь ты сам осуждаешь себя на смерть. Не ты виноват в моем несчастье, поскольку ты невольный убийца, а какой-то бог, который давно уже предвозвестил мне определенное роком.

Затем Крез предал тело своего сына погребению по местным обычаям. Адраст же, убийца собственного брата и затем убийца сына своего очистителя, когда близкие покойного разошлись и у могилы воцарилось спокойствие, заколол себя на могильном кургане: он чувствовал себя самым несчастным из всех людей, которых ему пришлось знать.

Два года Крез глубоко скорбел, опечаленный потерей сына».

Эта беда была не последней; скоро и царь убедится в том, что он самый несчастный человек на земле.

Ты сокрушишь царство

Тем временем царь Персии покорил Мидию и приблизился к владениям Креза. Столкновения избежать было невозможно — уж слишком лакомым куском выглядела преуспевающая Лидия в глазах воинственных персов. Поэтому напрасно упрекают Креза, что он нанес удар первым.

Осторожный Крез перед судьбоносным шагом долго испрашивал благословения богов (он отправил послов даже в далекую Ливию к храму Амона). Бесчисленная армия прорицателей пыталась определить судьбу похода против персов.

Ни одно прорицание не удовлетворило Креза, и лишь пророчество самого уважаемого в античном мире Дельфийского оракула чрезвычайно обрадовало царя. «Если царь пойдет войной на персов, то сокрушит великое царство», — пришел ответ из храма, которому Крез пожертвовал несметные богатства.

Лидийцы вторглись в подвластную персам Каппадокию и расположились в Птерии — «весьма сильно укрепленном месте в этой стране». Крез взял самый крупный город этой области, а горожан продал в рабство. Он захватил также несколько окрестных городов, местных жителей-сирийцев изгнал и опустошил их поля. То были последние успехи Креза, ибо на встречу с ним пришел персидский царь.

«Сеча была жестокой, и с обеих сторон пало много воинов, — рассказывает Геродот. — В конце концов ни той, ни другой стороне не удалось одержать победы, и с наступлением ночи противники разошлись».

Крез не стал испытывать судьбу в следующем сражении — он избрал более длинный, но, как ему казалось, верный путь. Лидийцы отступили к своей столице — Сардам.

Вернувшись домой, Крез занялся бурной деятельностью. Были посланы гонцы в Египет, который считался союзником Лидии, с просьбой о военной помощи царь обратился к дружественной Спарте, и, наконец, соседнему Вавилону царь предложил объединиться против общего врага. Чтобы собраться с силами, нужно было некоторое время, и Крез, чтобы сэкономить деньги, распустил наемные войска.

План был хорош, но Кир не стал ждать, пока он воплотится в жизнь. Он явился в Лидию со всем войском даже быстрее, чем пришли вестники объявить войну; персидский царь не оставил сопернику ни единого шанса.

Обе армии сошлись на большой равнине перед Сардами (546 г. до н.э.). У Креза была лучшая на Востоке конница; на нее царь возлагал большие надежды, но Кир и тут его перехитрил. «Он, — пишет Геродот, — поставил верблюдов впереди войска против конницы Креза, пехоте же приказал следовать за верблюдами, а позади пехотинцев расположил все остальное войско. После того как все заняли свои места, Кир отдал приказ умерщвлять без пощады всех попадавшихся лидийцев, только самого Креза не убивать, даже если тот будет защищаться при захвате в плен. Таково было приказание Кира, а верблюдов он велел поставить против неприятельской конницы потому, что кони боятся верблюдов и не выносят их вида и запаха. Эта хитрость была придумана для того, чтобы сделать бесполезной именно ту самую конницу, которой лидийский царь рассчитывал блеснуть. Битва началась, и лишь только кони почуяли верблюдов и увидели их, то повернули назад, и надежды Креза рухнули. Но все же лидийцы и тут не потеряли мужества. Когда они заметили происшедшее, то соскочили с коней и стали сражаться с персами пешими. Наконец после огромных потерь с обеих сторон лидийцы обратились в бегство».

Крез бежал в Сарды, но он не утратил надежду, по крайней мере, на спасение: город защищали мощные стены, союзники уже должны спешить на выручку. Союзники действительно имели твердое намерение оказать помощь Крезу: спартанцы снарядили корабли и подготовились к отплытию, но тут пришла весть, что в походе нет надобности...

Тринадцать дней Кир безрезультатно штурмовал акрополь и лишь на четырнадцатый день обнаружил слабое место. Персидский воин заметил, как лидиец спустился с обрывистой скалы акрополя за упавшим шлемом и тут же поднялся обратно. Тропа в скале, которая казалась непреодолимой, была найдена. Следом за потерявшим бдительность лидийцем на стены поднялся отряд персидских воинов. Так пали

Сарды, а вместе с этим событием прекратило существовать и Лидийское государство.

Дельфийский оракул не обманул Креза: начав войну с персами, он сокрушил великое царство — свое царство.

«Человек, не убивай Креза!»

Крез видел из окон дворца, как пала последняя твердыня Сард. Он терпеливо ждал своей участи в обществе глухонемого сына.

По словам Геродота, «прежде, в счастливую пору своей жизни, Крез сделал все возможное для исцеления ребенка. Пытаясь помочь сыну, царь, между прочим, отправил послов в Дельфы спросить оракул о сыне. Пифия дала ему вот какой ответ:

Многих народов властитель, о мидянин, Крез неразумный!
 Не пожелай ты услышать вождя лепета сына
 В доме твоём: лучше б навеки устам его быть неотверстым!
 В оный ведь день, для тебя роковой, возгласит он впервые!

При взятии акрополя какой-то перс, не узнав Креза, бросился на царя и хотел убить его. Крез видел нападающего, но тяжкое горе сделало его равнодушным к смерти. Однако глухонемой сын вдруг обрел от страха дар речи и произнес:

— Человек, не убивай Креза!

Это были первые слова, сказанные юношей, и затем уже до конца жизни он мог говорить».

Так после 14 лет и 14 дней правления самый богатый царь вселенной стал обычным пленником. Глухонемой сын спас его от мгновенной смерти, но Кир приговорил Креза к гораздо более мучительному концу. Персидский царь велел сложить огромный костер и на него возвести в оковах Креза, а вместе с ним четырнадцать знатных лидийцев.

Не ясна причина жестокости Кира — обычно он не только оставлял в живых покоренных властителей, но и поручал им управление прежними землями в качестве наместников.

«Быть может, Кир хотел принести их в жертву как победный дар некоему божеству или же исполнить данный обет, — рассуждает Геродот. — Быть может, наконец, так как Киру было известно благочестие Креза, он возвел лидийского царя на костер, желая узнать, не спасет ли его от сожжения заживо какое-нибудь божество».

Как бы то ни было, но вчерашний властитель богатейшей страны потерял все и готовился лишиться жизни. Спасло лидийского царя любопытство Кира.

«Крез, стоя на костре, все же в своем ужасном положении вспомнил вдохновенные божеством слова Солона о том, что никого при жизни нельзя считать счастливым. Когда Крезу пришла эта мысль, он глубоко вздохнул, застонал и затем после долгого молчания трижды произнес имя Солона».

Кир, услышав незнакомое имя, спросил через переводчиков: кого призывает лидийский царь в свой последний миг.

— Я отдал бы все мои сокровища, лишь бы все владыки мира могли побеседовать с тем, кого я призываю, — ответил Крез.

Так неожиданно у Кира появилось много вопросов к приговоренному пленнику. Однако времени для беседы оставалось мало — костер уже зажгли, и с каждым мгновением он разгорался все сильнее. Персы по приказанию царя начали тушить огонь, но их старания не увенчались успехом. Сухой материал превосходно горел, пламя подбиралось к ногам Креза, и, казалось, он — постигший мудрость жизни в самые последние ее мгновения — должен неминуемо обратиться в прах. Спасти новоявленного мудреца могло лишь чудо.

«И вот, когда Крез заметил раскаяние Кира и увидел напрасные старания всех затушить пламя костра, он громко воззвал к Аполлону, — рассказывает Геродот. — Крез молил бога: если богу угодны его (Креза) жертвоприношения, то пусть он придет на помощь и спасет от настоящей беды. Так Крез слезно молил, призывая Аполлона. И вот тотчас средь ясного неба и полного безветрия внезапно сгустились тучи, и разразилась буря с сильным ливнем, которая и потушила костер. Тогда-то Кир понял, что Крез — человек, любезный богам и благочестивый. Он повелел Крезу сойти с костра и обратился к пленнику с такими словами:

— Крез! Кто из людей убедил тебя идти войной на мою землю и стать мне врагом вместо друга?

Крез отвечал:

— Я поступил так, царь, тебе во благо и на горе себе. Виножник же этого эллинский бог, который побудил меня к войне. Ведь нет на свете столь неразумного человека, который предпочитает войну миру. В мирное время сыновья погрёбают отцов, а на войне отцы — сыновей. Впрочем, такова, должно быть, была воля богов.

Так говорил Крез, а Кир повелел снять с него оковы, усадил рядом с собой, оказывая пленнику величайшую честь. При этом и сам Кир, и вся его свита смотрели на Креза с удивлением. Крез же, погруженный в раздумье, молчал. Затем он оглянулся и, увидев, как персы разоряют город, сказал:

— Царь! Надо ли ныне поведать тебе мои думы, или я должен молчать?

Кир приказал пленнику смело говорить, что хочет. Тогда Крез спросил царя:

— Что делает здесь эта орда с такой яростью?

Кир отвечал:

— Они грабят город и расхищают твои сокровища.

Крез же возразил на это:

— Нет! Не мой город и не мои сокровища они грабят. Нет у меня больше ничего: они расхищают твоё достояние.

Слова Креза внушили Киру беспокойство. Царь приказал свите удалиться и обратился с вопросом к пленнику, какую опасность Крез видит для него, Кира, в происходящем?

Крез отвечал:

— Боги сделали меня твоим рабом, и я считаю долгом сказать тебе нечто такое, что другие не замечают. Персы по натуре непокорны и бедны. Если ты позволишь им грабить и овладеть великими сокровищами, то вот что из этого выйдет: кто из них больше всего награбит, тот поднимет против тебя восстание. Если тебе угодно послушаться меня, то поступи так: поставь у всех ворот стражу по нескольку твоих телохранителей; пусть они отнимают добычу у тех, кто ее выносит, говоря, что десятую часть следует посвятить Зевсу. Тогда они не только не вознена-

видят тебя за то, что ты силой отнимаешь у них добычу, но, признав справедливость твоих действий, даже добровольно отдадут ее.

Услышав это, Кир весьма обрадовался, так как совет показался ему превосходным».

Отныне Крез стал ближайшим советником персидского царя. Неисповедимы пути рока: в одночасье богатейший и счастливейший царь превратился в раба и едва не сгорел на костре, но, раскаявшись в своих заблуждениях, был помилован и во враге нашел друга. Что ж, Крез заслужил свое спасение и принял как должное улар судьбы.

Приговоренный младенец

Первые шаги Кира на этом свете овеяны мифами, и это неудивительно. Провести персов путем от неизвестности до хозяев Азии мог только человек с необычной судьбой. Поэтому будем снисходительны к рассказу Геродота.

Как мы помним, легендарные основатели Рима — Ромул и Рем — тотчас после рождения должны были умереть. По приказу местного царя близнецов в корзине бросили в Тибр. Река их вынесла на берег, и о ненужных людям младенцах принялись заботиться звери и птицы. Наконец младенцев, подкормленных молоком волчицы, нашел пастух и воспитал как собственных детей.

Похожая история случилась с Киром.

У мидийского царя Астиага была дочь, которую звали Манданой. Однажды царю приснился странный сон, «что дочь его испустила столь огромное количество мочи, что затопила его столицу и всю Азию».

Придворные толкователи снов в один голос заявили, что от дочери не приходится ждать ничего хорошего, и особенно опасна нижняя часть ее живота. Царь страшно испугался, но все же поступил со своим ребенком довольно гуманно. Когда пришла пора выдавать Мандану замуж, Астиаг воспользовался этим, чтобы удалить ее с глаз своих и из Мидии вообще.

«В страхе от сновидения царь выдал дочь замуж за перса по имени Камбис, выбрав его из-за знатного происхождения и спокойного нрава, хотя и считал его по знатности гораздо ниже среднего мидянина.

В первый же год после женитьбы Камбиса на Мандане Астиаг опять увидел сон: ему приснилось на этот раз, что из чрева его дочери выросла виноградная лоза и эта лоза разрослась затем по всей Азии. Об этом видении царь опять сообщил снотолкователям и затем велел послать в Персию за своей дочерью, вскоре ожидавшей ребенка.

По прибытии дочери Астиаг приказал держать ее под стражей и хотел погубить новорожденного младенца. Снотолкователи-маги объяснили ему сон так: сын его дочери будет царем вместо него. Желая избежать этого, Астиаг призвал после рождения Кира Гарпага, своего родственника, самого преданного человека среди мидян, управителя в его царстве, и обратился к нему с такими словами:

— Гарпаг! Я даю тебе важное поручение. Выполни его тщательно. Но не обманывай меня, предпочитай интересы других моим, чтобы не погибнуть потом по своей вине. Возьми младенца, которого родила Мандана, принеси в свой дом и умертви. Потом похорони его как тебе угодно.

Гарпаг же отвечал:

— Царь! Никогда и прежде у тебя не было повода быть недовольным мною, и впредь я буду остерегаться в чем-нибудь провиниться перед тобой. Если такова твоя воля, то мой долг усердно ее выполнить».

Сказать легче, чем сделать. По дороге из дворца Гарпаг размышлял над поручением, и от раздумий ему становилось все печальнее. Домой он вернулся в слезах вместе с младенцем, наряженным в погребальные одежды. Советника не очень тревожила моральная сторона предстоящего действия. Волновало то, что обреченный являлся единственным внуком царя: Астиаг, ныне ослепленный безумием, мог опомниться и начать мыслить разумно; кроме того, престол вполне мог перейти к Мандане — она и подавно не простит смерти сына.

Дальновидный советник решил сделать черное дело руками слуг Астиага. Исполнителем был избран царский раб, который пас коров на горных пастбищах. Ему Гарпаг пере-

дал ребенка, строго наказав «оставить в самом диком месте в горах, чтобы он там как можно скорее погиб».

Когда много посредников, часто случаются накладки. Жена пастуха как раз в это время родила мертвого мальчика. Женщина упросила мужа сделать подмену, которая впоследствии и решит судьбу Мидии и всей Азии.

Мертворожденного младенца обрядили в расшитые разноцветными узорами одежды, надели золотые украшения, а дальше пастух исполнил приказание в точности. Оставленное в горах тельце сторожил подпасок, а раб Астиага отправился с докладом в город. Гарпаг послал самых преданных телохранителей с приказом осмотреть труп ребенка и похоронить его.

Шли годы. Мальчик рос на радость пастуху и его жене, но царское происхождение невозможно скрыть под жалкими рабскими лохмотьями; порода проявила себя самым неожиданным образом.

Однажды в десятилетнем возрасте он играл со своими сверстниками. «И мальчики во время игры выбрали царем этого мнимого сына волопаса, — повествует Геродот. — А он назначил одних строить дома, других быть телохранителями. Один из ребят — участников игры (сын знатного мидянина Артембара) не выполнил приказания. Тогда Кир велел другим схватить его. Дети повиновались, и Кир обошелся с виновным весьма сурово, наказав плетью. Лишь только виновного отпустили, он в сильном негодовании за недостойное, как ему казалось, с ним обращение прибежал к своему отцу с жалобой на побои, нанесенные Киrom. Раздраженный Артембар пришел к Астиагу жаловаться на неслыханное обращение с его сыном.

— Царь, — сказал он, — вот как с ним жестоко поступил твой раб, сын волопаса!

И при этом он показал плечи своего сына.

Астиаг, услышав это и увидев следы побоев, приказал послать за волопасом и его сыном (из уважения к Артембару царь хотел дать удовлетворение его сыну). Когда оба они пришли, Астиаг, посмотрев на Кира, сказал:

— Так это ты, сын столь ничтожного человека, осмелился так страшно оскорбить сына высокоуважаемого Артембара?

Мальчик же ответил так:

— Господин! Я поступил с ним так по справедливости. Ведь ребята из нашей деревни во время игры поставили меня над ними царем; они решили, что я больше всех достоин такого звания. Прочие мальчики подчинялись мне, а этот был непослушным и не обращал внимания на приказы, пока за это его не наказали. Если за это я заслуживаю наказания, то вот я в твоей власти!

После этих слов Астиаг тотчас же узнал мальчика. Черты лица ребенка казались похожими на его собственные, и ответ был слишком гордым и откровенным для сына раба. Да и время, когда был выброшен на съедение диким зверям его внук, по-видимому, совпадало с возрастом мальчика».

Для того чтобы окончательно убедиться в том, что видели его глаза, Астиаг вызвал пастуха. Мнимый отец Кира под пыткой сознался в подлоге.

Астиаг был чрезвычайно обрадован чудесным спасением внука и тем, что избавился от ненависти собственной дочери. В честь этого события он решил дать пир и принести благодарственную жертву богам. Получил приглашение и Гарпаг, но прежде царь попросил прислать его сына для игры с Киrom.

Радовался и Гарпаг, что дело разрешилось наилучшим образом; бедняга забыл, что десять лет назад он не исполнил должным образом приказ царя, а такое не прощается.

Вернувшись домой, советник тотчас же послал во дворец единственного сына, которому было около тринадцать лет от роду. «Между тем, лишь только сын Гарпага пришел к Астиагу, тот велел умертвить мальчика и рассечь труп на куски, — описывает жуткий случай Геродот. — Часть мяса царь приказал поджарить, а часть сварить, и это хорошо приготовленное блюдо держать наготове. Когда же наступило время пира, среди других приглашенных явился и Гарпаг. Прочим гостям и самому Астиагу были поставлены столы с бараниной, Гарпагу же подали мясо его собственного сына (все остальные куски, кроме головы и конечностей — рук и ног. Эти части лежали отдельно в закрытой корзине).

Когда Гарпаг, по-видимому, насытился, Астиаг спросил, понравилось ли ему это кушанье. Гарпаг отвечал, что полу-

чил от него большое удовольствие. Тогда слуги, на которых было возложено это поручение, принесли закрытую корзину с головой, руками и ногами мальчика и приказали Гарпагу открыть ее и взять все, что пожелает. Гарпаг повиновался и, открыв корзину, увидел останки своего сына. Такое зрелище не смутило Гарпага, и он не потерял самообладания. Тогда Астиаг спросил, знает ли он, какой дичи он отведал. Гарпаг отвечал, что знает и все, что ни сделает царь, ему должно быть мило. С такими словами он собрал остальные куски мяса и отправился домой. Быть может, он хотел собрать останки сына и предать их земле».

Так царь наказал советника; оставалось еще решить судьбу воскресшего Кира. Астиаг снова призвал магов, которые прежде толковали его сновидения. На этот раз мудрецы были милостивее к обманувшему смерть мальчику: они решили, что если Кир уже стал царем в детской игре, то во второй раз царем не будет. На всякий случай они посоветовали убрать мальчика с глаз долой, и Астиаг отправил его к родителям в Персию.

Мечь

В доме настоящего отца — Камбиса — Кир из мальчика превратился в юношу. Он «возмужал и сделался самым доблестным среди своих сверстников». Все его любили, и отнюдь не за царское происхождение; Кир был царем не столько по рождению, сколько по духу; будучи по натуре лидером, он привлекал к себе самых разных людей, и даже подчинение ему было приятно. Недаром и Гарпаг сделал ставку на Кира — советник долгие годы мечтал отомстить царю за смерть сына.

Кир не держал зла на деда за неудачную попытку его убить, но юноше было тесно во владениях Камбиса, и он без раздумий принял услуги Гарпага.

В те времена Персия представляла собой конгломерат множества племен, которые все вместе находились в подчинении у Мидии. Кир весьма простым способом полу-

чил власть над всеми. Он созвал народное собрание персов и зачитал подложное послание мидийского царя, по которому Кир назначался военачальником, а все персы были обязаны исполнять его приказания.

Осталось еще вернуть персам желание быть свободными, и решить эту проблему не составила для Кира труда. Он приказал персидским воинам явиться с серпами вместо оружия. Весь день, согласно повелению Кира, они расчищали покрытый колючим кустарником участок земли. К следующему дню Кир приготовил угощение для утомленного войска: он собрал в одно место всех коз, овец и коров своего отца, заготовил большое количество вина и хлеба.

«После пиршества, — утверждает Геродот, — Кир спросил персов: какой день им больше понравился — вчерашний или сегодняшней.

— Между этими днями есть, конечно, большое различие, — отвечали они, — ведь вчерашний день принес нам только невзгоды, а сегодня — все прекрасно.

Подхватив эти слова, Кир открыл персам все свои замыслы и сказал:

— Персидские воины! Дело обстоит вот как: если вы пожелаете следовать за мною, то у вас будут и эти блага, и еще в тысячу раз больше. Если же не захотите, то вас ожидает бесконечный подобный вчерашнему тяжкий труд. Поэтому следуйте за мной и обретайте свободу. Я рожден, как я верю, по воле богов взять на себя дело вашей свободы. Я думаю, что вы ничуть не уступаете мидянам во всем прочем и в особенности как воины. Поэтому вам следует как можно скорее отложиться от Астиага».

Так персы обрели вождя. Казалось, Киру помогали боги, ибо Астиаг, позабыв о причиненном Гарпагу зле, назначил его военачальником. Далее произошло то, что и следовало ожидать: часть войска, причастная к заговору Гарпага, добровольно перешла на сторону персов; другая часть, увидев свою малочисленность и осознав свою беспомощность, обратилась в бегство. Астиаг совершил еще один поступок, прежде чем лишился короны: он велел посадить на кол снотолкователей-магов, которые убедили его сохранить жизнь Киру.

Гарпаг не мог отказать себе в удовольствии поиздеваться над поверженным владыкой. «Обращаясь к пленнику с язвительными словами, — рассказывает Геродот, — между прочим, спросил его: что такое для него потеря владычества по сравнению с тем пиром, когда он, Астиаг, предложил на угощение ему, Гарпагу, мясо его же сына. За это-то деяние он, Астиаг, и стал теперь из царя рабом.

Астиаг же посмотрел на Гарпага и в свою очередь заметил: не приписывает ли Гарпаг себе деяние Кира? А Гарпаг возразил, что он сам написал Киру, побуждая его к восстанию, и потому по справедливости — это его заслуга. Тогда Астиаг стал приводить доводы в доказательство того, что Гарпаг глупейший и самый негодный человек на свете. Самый глупый — потому что возложил царский венец на другого, хотя мог бы сам стать царем (если, действительно, как он уверяет, переворот — дело его рук). Самый же негодный оттого, что “из-за своего пиршества” он сделал мидян рабами. Если уж непременно нужно было кого-нибудь другого облечь царской властью вместо него, Астиага, то справедливее было бы, по крайней мере, предоставить эту честь мидянину, а не персу. Отныне же ни в чем не повинные мидяне стали из господ рабами, а персы — прежние рабы — теперь владыки».

Кир не жаждал мести в отличие от советника, он «не причинил Астиагу никакого зла, но держал при себе до самой его кончины».

«Крез! Чем кончится все это?»

Кир ценил советы Креза, как может умный человек ценить советы царя, стоявшего на краю гибели и получившего чудесное спасение, бывшего самым богатым человеком и лишившегося всего. Падение в бездну не уничтожило Креза; из царя он превратился в философа, и, нищий, он еще окажет неоценимые услуги своему народу и миру. А золото Креза продолжало собирать свою кровавую жатву.

Захватив город Сарды, Кир отдал его в управление персу Табалу, а «золото Креза и прочих лидийцев поручил хранить

лидийцу Пактию». Вид желтого металла помутил разум казначея: он возмутил жителей Сард и отправился на побережье вербовать наемников. Гордыня овладела Пактием после первой удачи, он вознамерился отнять у персов, кроме золота, и Лидию.

Получив известие о мятеже, Кир страшно разозлился на лидийцев.

— Крез! Чем кончится все это? — обратился он к пленному царю, которого всегда возил с собой. — Лидийцы, видимо, не перестанут доставлять хлопот и беспокойства себе и другим. Я думаю, не лучше ли всего будет продать их в рабство? Я поступил, кажется, столь же глупо, как тот человек, который убил отца и затем оставил жизнь его детям. Так вот и я: веду в плен тебя, который был лидийцам даже больше, чем отец, а столицу оставил самим лидийцам и после этого еще удивляюсь, что они восстали против меня!

Крез испугался за судьбу своей бывшей столицы и своих недавних подданных; он постарался смягчить гнев царя персов:

— Царь! Ты совершенно прав, но все-таки не следует гневаться по всякому поводу и разрушать древний город, который совершенно не повинен ни в прежних, ни в теперешних событиях. Ведь за прошлое вина моя, и я поплачусь за это головой. Виновник же теперешнего восстания — Пактий, которому ты отдал Сарды. Его-то ты и покарай! А лидийцам окажи снисхождение. Для того же, чтобы они вновь не подняли мятежа и тебе не нужно было их опасаться, сделай так: пошли вестника и запрети им иметь боевое оружие и прикажи носить под плащами хитоны и высокие сапоги на ногах. Затем повели им обучать своих детей игре на кифаре и лире и заниматься мелочной торговлей. И ты увидишь, царь, как скоро они из мужей обратятся в женщин, так что тебе никогда уже не придется страшиться восстания.

Стараниями Креза лидийцы были спасены, но тем больше у Кира возросло желание растерзать Пактия. Мятежник в страхе бежал на далекий остров Хиос, но просчитался, надеясь там обрести спасение. Не имея возможности достать бывшего казначея силой оружия, персидский царь выменял его у островитян за местность, именуемую Атарнеей.

Позарившись на территорию, греки позабыли о священном законе гостеприимства, не убоялись и мести богов: они силой вытащили незадачливого Пактия из святилища Афины и передали персам. «Однако еще долго после этого, — по словам Геродота, — ни один хиосец не посылал богам в жертву ячменя и не выпекал жертвенных лепешек из урожая плодов в Атарнее. Вообще ничего из того, что рождала эта земля, не употреблялось для жертвоприношений».

Вавилон

Верный пес Кира — Гарпаг — покорял и разорял приморские области Передней Азии, сам же Кир направился к одному из древнейших городов на земле — Вавилону.

Город являлся крупнейшим хранилищем богатств, собранных нововавилонской династией царей. Геродот описывает сокровища одного из храмов, и это описание потрясает воображение:

«Есть в священном храмовом участке в Вавилоне внизу еще и другое святилище, где находилась огромная золотая статуя сидящего Зевса. Рядом же стоят большой золотой стол, скамейка для ног и трон — также золотые. По словам халдеев, на изготовление всех этих вещей пошло 800 талантов золота. Перед этим храмом воздвигнут золотой алтарь. Есть там и еще один огромный алтарь; на нем приносят в жертву взрослых животных; на золотом же алтаре можно приносить в жертву только сосунков... Была еще в священном участке в то время, о котором идет речь, золотая статуя бога, целиком из золота, 12 локтей высоты».

Естественно, такие богатства не могли не манить удачливых военачальников. Впрочем, в начале похода удача хотела отвернуться от Кира, но он не позволил этой капризной особе играть с собой. Здесь, пожалуй, также уместен рассказ Геродота, ибо он прекрасно характеризует Кира:

«Двигаясь на Вавилон, Кир достиг реки Гинда... Когда Кир хотел перейти эту судоходную реку, один из его священных белых коней от резвости прыгнул в воду, чтобы пере-

плыть ее. Однако река поглотила коня и унесла его своим течением. Тогда Кир страшно разгневался на реку за такую дерзость и повелел сделать ее столь мелкой, чтобы впредь даже женщины могли легко переходить, не замочив колена. После такой угрозы Кир отложил пока что поход на Вавилон. Разделив затем свое войско на две части, царь расположил воинов по берегам реки и велел на каждом берегу наметить по всем направлениям 180 прямых, как стрела, каналов, ведущих к реке. Потом он расставил воинов и приказал копать. При большом числе рабочих рук работа была быстро завершена, но все же на нее пришлось затратить целое лето».

Чрезмерное упорство царя в достижении своих целей впоследствии и сведет его в могилу.

Реку Кир наказал, но поход смог продолжить только весной следующего года. Вавилонское войско приняло бой под стенами города, но было разбито и укрылось за мощными стенами. Поражение даже не слишком огорчило вавилонян, так как они запаслись продовольствием «на очень много лет» и были готовы к любой осаде.

Кир оказался в затруднительном положении: измором взять город невозможно, еще меньше надежд взять его штурмом. Мощная продуманная система укреплений делала Вавилон неприступным. Город окружал глубокий, широкий, наполненный водой ров. За рвом шла стена из кирпича (вместо раствора строители клали кирпич на горячий асфальт). Далее шла внутренняя стена — почти такая же по высоте как и первая. В самом городе царский дворец окружала «огромная и крепкая стена», в прочих частях города стены и башни защищали важные объекты (вроде храмового комплекса). Город сплошь состоял из трех- и четырехэтажных домов — они сами по себе являлись крепостями.

Вавилон был неприступен, но имел одну особенность, которой и воспользовался Кир, — река Евфрат протекала прямо через город. Персидский царь разделил войско на две части: одну поставил в том месте, где река входит в город, а другую часть — у выхода ее из города. Затем он приказал воинам, как только увидят, что русло стало проходимым вброд, вступать по нему в город. Сам же царь с нестроевой частью войска отступил выше по течению и принялся рыть

канал. С помощью его волю Евфрата отвели в озеро, и, как только вода упала настолько, что стала доходить лишь до колен, персы ворвались в город. Осушение реки происходило в строжайшей тайне, и вавилоняне были настолько ошеломлены происходящим, что не смогли оказать достойного сопротивления. Богатейший и могущественнейший город Азии упал в объятия Кира, словно перезревшая девушка, которая долго ждала избранника.

В конце рассказа о Вавилоне поведаем о некоторых обычаях его жителей в изложении Геродота. Они не относятся к избранной теме, но чрезвычайно интересны.

Любопытным способом вавилоняне исполняли мечту каждой взрослой девушки, то есть обеспечивали ее мужем, причем независимо, красавица она или дурнушка. «Раз в году в каждом селении обычно делали так: созывали всех девушек, достигших брачного возраста, и собирали в одном месте. Их обступали толпы юношей, а глашатай заставлял каждую девушку поодиночке вставать, и начиналась продажа невест. Сначала выставляли на продажу самую красивую девушку из всех. Затем, когда ее продавали за большие деньги, глашатай вызывал другую, следующую после нее по красоте (девушки же продавались в замужество). Очень богатые вавилонские женихи наперебой старались набавлять цену и покупали наиболее красивых девушек. Женихи же из простонародья, которые вовсе не ценили красоту, брали и некрасивых девиц и в придачу деньги. Деньги же выручались от продажи красивых девушек, и таким образом красавицы выдавали замуж дурнушек и калек. Если же кто не сходилась со своей девушкой, то по закону требовалось возвращать деньги».

Этот обычай Геродот называет «прекраснейшим», но другая традиция, связанная с религиозной проституцией, возмущает древнего историка:

«Самый же позорный обычай у вавилонян вот какой. Каждая вавилонянка однажды в жизни должна садиться в святилище Афродиты и отдаваться за деньги чужестранцу. Многие женщины, гордясь своим богатством, считают недостойным смешиваться с толпой остальных женщин.

Они приезжают в закрытых повозках в сопровождении множества слуг и останавливаются около святилища. Большинство же женщин поступает вот как: в священном участке Афродиты сидит множество женщин с повязками из веревочных жгутов на голове. Одни из них приходят, другие уходят. Прямые проходы разделяют по всем направлениям толпу ожидающих женщин. По этим-то проходам ходят чужеземцы и выбирают себе женщин. Сидящая здесь женщина не может возвратиться домой, пока какой-нибудь чужестранец не бросит ей в подол деньги и не соединится с ней за пределами священного участка. Бросив женщине деньги, он должен только сказать: «Призываю тебя на служение богине Милитте!» Милиттой же ассирийцы называют Афродиту.

Плата может быть сколь угодно малой. Отказываться брать деньги женщине не дозволено, так как деньги эти священные. Девушка должна идти без отказа за первым человеком, кто бросил ей деньги. После соития, исполнив священный долг богине, она уходит домой, и затем уже ни за какие деньги не овладеешь ею вторично. Красавицы и статные девушки скоро уходят домой, а безобразным приходится долго ждать, пока они смогут выполнить обычай. И действительно, иные должны оставаться в святилище даже по три-четыре года. Подобный этому обычай существует также в некоторых местах на Кипре».

Пей кровь!

Некоторое время Кир занимался обустройством огромной империи.

Он был хорошим военачальником и царем, пожалуй, даже лучшим из всех тех, кто стремился завоевать все вокруг. Но он оставался человеком, и ему не чужд был недостаток удачливых полководцев: мания величия.

Очередной удар Кир собрался нанести по массагетам — народу скифского корня, которые жили за Каспийским морем и в Приаралье. Массагеты в силу своей удален-

ности вроде бы ничего плохого не сделали персам, но, как говорит Геродот, «много было у Кира весьма важных побудительных причин для этого похода. Прежде всего — способ его рождения, так как он мнил себя сверхчеловеком, а затем — счастье, которое сопутствовало ему во всех войнах. Ведь ни один народ, на который ополчался Кир, не мог избежать своей участи».

Вначале Кир пытался распространить свою власть на земли массагетов мирным путем. Массагетами правила царица Томирис — она недавно потеряла мужа, и этот факт решил использовать персидский царь. Он отправил послов к Томирис под предлогом сватовства. Однако царица скоро поняла, что Киру нужны не ее немолодая рука и сердце, а только царство массагетов.

Получив отказ, Кир пошел войной на несостоявшуюся «невесту». Когда персы наводили понтонные мосты через пограничную реку Аракс, прибыло посольство от Томирис. Смелая царица предложила Киру выбрать, на территории чьего государства будет битва.

«Царствуй над своей державой и не завидуй тому, что мы властвуем над нашей, — писала Киру Томирис. — Но ты, конечно, не захочешь последовать этому совету, а предпочтешь действовать как угодно, но не сохранять мир. Если же ты страстно желаешь напасть на массагетов, то прекрати работы по строительству моста через реку. Переходи спокойно в нашу страну, так как мы отойдем от реки на расстояние трехдневного пути. А если ты предпочитаешь допустить нас в свою землю, то поступи так же».

После этого Кир созвал персидских вельмож и стал советовать, как ему поступить. Все единогласно сошлись на мнении, что лучше всего ждать массагетов на своей земле. И только Крез имел другие мысли на сей счет:

— Царь! Я уже раньше (после того как Зевс предал меня в твои руки) обещал тебе сколь возможно отвращать всякую беду, грозящую твоему дому. Мои столь тяжкие страдания послужили мне наукой. Если ты мнишь себя бессмертным и во главе бессмертного войска, то мое мнение, пожалуй, тебе бесполезно. Если же ты признаешь, что ты только человек и царствуешь над такими же смертными людьми, то пой-

ми прежде всего вот что: существует круговорот человеческих дел, который не допускает, чтобы одни и те же люди всегда были счастливы. Так вот, в настоящем деле я держусь другого мнения, противоположного мнению твоих вельмож. Ведь если ты допустишь врагов в нашу собственную землю, то вот какая грозит нам опасность: потерпев поражение, ты погубишь всю свою державу. Ведь совершенно ясно, что, одолев тебя, массагеты не побегут в свою сторону, но вторгнутся в твои владения. В случае же победы над врагом твой успех, думаю, будет вовсе не так велик, как если бы ты победил массагетов в их стране и стал преследовать бегущих... Да и, кроме того, Киру, сыну Камбиса, было бы постыдно и нестерпимо подчиниться женщине и позволить ей вторгнуться в твою страну.

После таких слов Кир не мог принять разумный план своих вельмож, а послушался совета Креза. Царь понимал всю опасность предприятия, и потому позаботился о тех, кто ему был дороже всего.

«Кир вверил Креза своему сыну Камбису, — рассказывает Геродот, — которого назначил своим наследником. При этом царь настоятельно внушал сыну почитать Креза и покровительствовать ему (в случае неудачи переправы и похода в страну массагетов). С таким поручением Кир отпустил Камбиса и Креза и отправил их в Персию, а сам с войском начал переправу через реку».

Киру удалось хитростью перебить треть войска массагетов и захватить в плен сына царицы. (Накануне персы дали врагам захватить свой лагерь с огромными запасами вина и яств.) Томирис, по словам Геродота, узнав об участии своего войска, отправила вестника к царю персов со следующими словами:

— Кровожадный Кир! Не кичись своим подвигом. Плодом виноградной лозы, которая и вас также лишает рассудка, — вот этим-то зельем ты коварно и одолел моего сына, а не силой оружия в честном бою. Так вот, послушайся теперь моего доброго совета: выдай моего сына и уходи пододру-поздорову из моей земли, после того как тебе нагло удалось погубить третью часть войска массагетов. Если же ты этого не сделаешь, то, клянусь тебе богом солнца, влады-

кой массагетов, я действительно напою тебя кровью, как бы ты ни был ненасытен.

«Кир, однако, не обратил никакого внимания на слова глашатая, — повествует Геродот. — А сын царицы Томирис Спаргапис, когда хмель вышел у него из головы и он понял свое бедственное положение, попросил Кира освободить его от оков. Лишь только царевич был освобожден и мог владеть своими руками, он умертвил себя».

Так был отрезан путь к примирению. Собственно, Кир и не собирался уходить с земли массагетов, первый успех давал повод к новым битвам.

Сражение было долгим и кровопролитным, и в конце концов искусные лучники — массагеты — перебили почти все персидское войско. Пал и Кир — в августе 530 г. до н.э. после 29 лет царствования.

Несмотря на то что противник был мертв, Томирис сдержала данное обещание. Она наполнила мех человеческой кровью, затем велела найти труп царя персов и погрузить его голову в мешок.

Библейский герой

Греческий писатель Ксенофонт посвятил Киру свое знаменитое произведение — «Киропедию». Она была написана, можно сказать, по горячим следам — между 365 и 358 г. до н.э. — спустя менее двух столетий после смерти Кира. Фактически «Киропедия» является одним из первых исторических романов, и одновременно ее можно расценивать как исторический источник.

Ксенофонт с нескрываемым восторгом описывает своего героя. Из Кира получился идеальный правитель, достойный поклонения и подражания. Странно читать такие вещи о человеке, разрушившем множество царств и большую часть жизни проведшем в походах, с мечом в руке. Но ведь Кир не убивал всех без разбора, как будут поступать завоеватели, которые придут ему на смену. Он щадил даже пленных царей — тех, кто больше всех имел причин его ненави-

деть. Кир бескровно присоединил к своему царству Мидию; Вавилон сдался ему без боя; Сирия, Палестина и Финикия автоматически вошли в состав Персидского царства. Великодушие по отношению к побежденным покоряло города и страны лучше, чем многочисленная армия.

Когда персы захватили Вавилон, народы Месопотамии пришли в ужас. Ведь враждовавшие ранее ассирийцы и вавилоняне были родственными народами и поклонялись одним богам; побежденная сторона могла рассчитывать на снисхождение. У персов были совсем другие боги... Опасения оказались напрасными. Не пострадал ни один храм, более того — Кир восстановил святилище Нанна и Нингал в Энунмах, отремонтировал ветхую стену храма Нанна в Уре. Среди многих надписей Кира на стене храма археологи обнаружили и такую: «Великие боги отдали в мои руки все земли. Бог... повелел мне построить ему дом в Иерусалиме».

Покоренные земли Кир не стремился обобрать до нитки, наоборот, старался наладить на новых территориях жизнь даже лучшую, чем во времена прежних правителей. И это ему удавалось. Кир — единственный из всех завоевателей — удостоился похвалы на страницах Библии. Иудеи почитали Кира как помазанника Божьего. За какие заслуги?

В 538 г. до н.э. Кир издал указ, согласно которому евреям дозволялось вернуться на родину. До этого времени они находились в так называемом «вавилонском плену». Персидский царь разрешил им построить в Иерусалиме храм и в сооружении его сам принял деятельное участие. Согласно Библии, Кир даже сделал проект храма:

«Кир дал повеление о доме Божиим в Иерусалиме: пусть строится дом на том месте, где приносят жертвы, и пусть будут положены прочные основания для него; высота его в шестьдесят локтей, ширина его в шестьдесят локтей; рядов из камней больших три, и ряд из дерева один; издержки же пусть выдаются из царского дома»*.

Персидский царь позаботился о том, чтобы сокровища еврейских святилищ, ограбленных Навуходоносором, были возвращены прежним владельцам. Это был его первый вклад

---

* 1 Езд., VI, 3–4.

в создание грандиозного Иерусалимского храма, и вклад немалый:

«Блюд золотых тридцать, блюд серебряных тысяча, ножей двадцать девять, чаш золотых тридцать, чаш серебряных двойных четыреста десять, других сосудов тысяча: всех сосудов, золотых и серебряных, пять тысяч четыреста. Все это взял с собою Шешбацар, при отправлении переселенцев из Вавилона в Иерусалим»*.

Для храма, опять же «с дозволения Кира», доставлялся кедровый лес из Ливана.

Советник безумца

Крез поразительно вовремя отправил Кира на гибель — Греки, иудеи, вавилоняне и прочие народы впоследствии отзывались о нем как о мудром справедливом правителе. И действительно, на фоне бездумно жестоких тиранов, бывших до него и после, великий завоеватель выглядит почти святым. Останься он жив, и его ожидала бы ненависть и разочарование, ибо чем дальше идет претендент на мировое господство, тем обильнее потоки крови, тем больше несчастья на земле. И Кир тоже вряд ли смог бы остановиться. Теперь мудрый лидиец надеялся вырастить хорошего правителя из сына Кира — Камбиса (иногда встречается — Камбиза). Мечты, мечты...

Так же как и отец, Камбис стремился к славе, завоеваниям. Его крупнейшим мероприятием было покорение Египта. Но вот милости к побежденным, коей прославился Кир, больше мы не увидим; самым жестоким издевательством, какие только мог придумать извращенный ум садиста, подвергались египтяне. На десятый день после взятия Мемфиса Камбис «велел посадить в предместье на позор египетского царя Псамменита, который был царем всего шесть месяцев. А посадив его вместе с другими знатными египтянами, Камбис стал подвергать мужество и стойкость царя вот каким

* 1 Езд., I, 9—11.

позорным испытаниям». Он велел дочь царя и самых знатных девушек нарядить в одежду рабынь и таскать воду на глазах у вельмож.

«Когда девушки с водой прошли, — продолжает рассказывать Геродот, — Камбис послал затем на казнь сына Псамменита и 2000 его сверстников с петлей на шее и заткнутым удилами ртом». (Кстати, именно так и было изображено шествие побежденных на рельефе Бехистунской надписи. Она была высечена на скале в местности Бехистун на трех языках: древнеперсидском, эламском и вавилонском; датируется 521—520 гг. до н.э. Сведения Бехистунской надписи во многом подтверждают рассказ Геродота и существенно его дополняют.)

Египтяне плакали и сетовали на горькую участь приговоренных, и лишь царь мужественно хранил молчание, даже когда мимо него провели сына. Заплакал он, только когда увидел своего друга: человек весьма преклонного возраста, он лишился имущества и теперь на глазах у всех, как нищий, просил подаяния у воинов. «Камбис удивился поступку Псамменита и послал вестника спросить вот что:

— Псамменит! Владыка Камбис спрашивает: почему при виде твоей опозоренной дочери и сына на смертном пути ты не рыдал и не оплакивал их, а этому нищему, который, оказывается, даже не родственник тебе, воздал честь этими знаками скорби.

Так спрашивал вестник, а Псамменит отвечал такими словами:

— Сын Кира! Несчастья моего дома слишком велики, чтобы их оплакивать. Несчастье же друга, который ныне, на пороге старости, из роскоши и богатства впал в нищету, достойно слез.

Когда вестник передал Камбису эти слова, они показались царю справедливыми. При этом, по рассказам египтян, Крез, сопровождавший Камбиса в египетском походе, заплакал; заплакали также и персы из царской свиты».

Слезы Креза разбудили на некоторое время доброе начало в душе Камбиса. Он приказал помиловать сына египетского царя, но милость запоздала: юношу казнили самым первым. Тогда Камбис помиловал Псамменита. Он жил некоторое

время при дворе Камбиса, но вскоре был обвинен в подстрекательстве египтян к мятежу и казнен. Изобретательный в этом деле, Камбис придумал для него следующий способ казни: он «приказал Псаммениту выпить бычьей крови, отчего египетский царь тотчас же скончался».

Военачальником Камбис был неважным, но жадностью страдал непомерной. Когда соглядатаи донесли, что в соседнем с Египтом Нубийском царстве заключенных в темницах приковывают золотыми цепями, он тотчас же отправился в поход. Камбис выступил с огромным войском, «даже не позаботившись о съестных припасах для войска и не подумав, что ему предстоит идти на край света». Прибыв в Фивы, Камбис разделил войско: 50 тысяч воинов он отправил покорить оазис Сива и продать в рабство его жителей, сам же с остальным войском двинулся в сторону Нубии.

«Не успело, однако, войско пройти пятой части пути, как уже истощились взятые с собой съестные припасы, — рассказывает Геродот. — Вьючные животные были также забиты и съедены. Если бы Камбис, заметив это, одумался и повернул назад, то, несмотря на свою первую ошибку, он все-таки поступил бы как благоразумный человек. Однако царь, ни о чем не рассуждая, шел все вперед и вперед. Пока воины находили еще съедобную траву и корни, они питались ими. Когда же пришли в песчаную пустыню, то некоторые воины совершили страшное дело: каждого десятого они по жребию убивали и съедали. Когда Камбис узнал об этом, то в страхе, что воины съедят друг друга, прекратил поход и велел повернуть назад. В Фивы царь прибыл, потеряв большую часть своего войска».

Еще печальнее была судьба 50 тысяч персов, посланных царем на завоевание оазиса. В пути через пустыню их застигла страшная песчаная буря и погребла всех до единого.

Когда Камбис вернулся в Мемфис, египтяне, на свою беду, пиروвали, облаченные в праздничные одежды. Отмечали рождение необычного быка, который по всем параметрам являлся богом, — Камбис же подумал, что новые подданные радуются его неудачам. Когда жрецы попытались объяснить, что родился бог, царь еще больше рассвирепел,

«назвал их лжецами и за ложь велел предать казни». Затем он ударил кинжалом священного теленка в брюхо, отчего тот и скончался.

«Тут он рассмеялся, — пишет Геродот, — и сказал жрецам: — Жалкие вы людишки! Разве это боги с кровью и плотью и уязвимые железом? Такого бога египтяне, конечно, вполне достойны. Но вам-то не придется больше безнаказанно издеваться надо мной!

С этими словами он приказал палачам бичевать жрецов и хватать и убивать всякого египтянина, справляющего праздник...

Камбис же, по рассказам египтян, из-за этого кошунства тотчас был поражен безумием (хотя, впрочем, и прежде был не совсем в своем уме)».

Убивал он не только египтян. Однажды Камбису приснился сон, что его родной брат восседает на царском троне, и на всякий случай он приказал его убить. Он взял в жены свою родную сестру — Атоссу, но затем полюбил вторую сестру — Роксану. Атосса начала возмущаться и тут же была убита, будучи беременной.

Самой лучшей подругой царя стала чаша с вином. Как-то, по Геродоту, он сказал своему любимцу Прексаспу:

« — ...Кем меня считают персы? Что они говорят обо мне?

А тот отвечал:

— Владыка! Они воздают тебе великую хвалу во всем, только говорят, что ты слишком пристрастился к вину.

Это он сказал о суждении персов. А Камбис с гневом воскликнул:

— Стало быть, персы считают меня пьяницей и безумцем?.. Смотри, говорят ли персы правду или сами лишились рассудка! Если я попаду стрелой в самое сердце твоего сына, который стоит там перед дверьми, то ясно, что речь персов — вздор. Если же я промахнусь, то, значит, персы говорят правду и я не в своем уме.

С этими словами царь натянул свой лук и пустил стрелу в мальчика. И когда тот упал, то приказал рассечь его тело и осмотреть рану. Стрелу нашли в сердце, и Камбис со смехом и радостью обратился к отцу мальчика:

— Прекрасп! Тебе ясно теперь, что я не безумец, а вот персы — не в своем уме. Скажи-ка мне, видал ли ты на свете еще такого прекрасного стрелка, как я?

Прекрасп же, видя, что перед ним безумец, и в страхе за свою участь, сказал:

— Владыка! Я думаю, что даже сам бог не может так хорошо стрелять, как ты!

Вот что Камбис тогда совершил. А в другой раз он велел без всякой веской причины схватить двенадцать знатнейших персов и с головой закопать живыми в землю».

После таких злодейств только один человек осмелился на попытку образумить Камбиса. И этот человек — бывший лидийский царь Крез.

— Царь! Не подчиняйся всецело юношескому пылу, но сдерживайся и властвуй над собой, — учил Крез своего воспитанника. — А ты убиваешь людей — своих же сограждан, хватая их без всякой веской причины, и умерщвляешь даже детей. Если и далее будешь так поступать, то берегись, как бы персы не восстали против тебя. Отец твой Кир строго наказал мне наставлять тебя и давать советы, какие я признаю полезными.

На это Камбис гневно возразил:

— И ты еще смеешь давать мне советы! Ты, который так «хорошо» управлял своей страной и дал такой «удачный» совет моему отцу, побудив его перейти реку Аракс и напасть на массагетов, в то время как они сами хотели перейти на нашу землю. Ты погубил и себя, дурно управляя своей страной, и Кира, который внимал твоим советам. Но не радуйся: я давно уже искал случай добраться до тебя.

Ответить Крезу на обвинение не довелось, а было бы интересно, как бы оправдывался мудрец. «С этими словами Камбис схватил лук, чтобы застрелить Креза, но тот успел отскочить и выбежал из покоя, — повествует далее Геродот. — Так как Камбис не смог поразить Креза стрелой, то приказал слугам схватить и казнить его. Слуги, однако, зная царский нрав, скрыли Креза. Они надеялись, что Камбис раскается и станет разыскивать Креза, и тогда они получат

награду за то, что сохранили жизнь лидийскому царю. Если же царь не пожалеет о своем поступке и не спросит о Крезе, тогда они успеют его умертвить. И действительно, спустя немного времени Камбис потребовал к себе Крезу, а слуги, узнав об этом, объявили ему, что лидийский царь еще жив. Тогда Камбис сказал, что очень рад этому, но тех, кто его спас, он все же не оставит без наказания и казнит. Так царь и сделал».

Далее случилось то, что и предсказал Крез. Персам надоели кровавые развлечения повелителя. «Затем один человек, маг по имени Гаумата, поднял восстание..., — читаем в Бехистунской надписи. — Народу он лгал так: “Я — Бардия, сын Кира, брат Камбиса”. Затем весь народ стал мятежным и от Камбиса к нему (Гаумате) перешел, и Персия, и Мидия, и другие страны (перешли на сторону Гауматы). В 9-й день месяца гармапада (апрель 522 г. до н.э.) он захватил царство. После этого Камбис умер своей смертью».

Да! Ему неслыханно повезло; естественную смерть всем надоевшего тирана подтверждает и Геродот. Узнав о мятеже, «Камбис вскочил на коня и решил немедленно выступить в поход на Сузы против мага. А когда царь вскакивал на коня, отпал наконецник ножен от его меча и обнаженный меч рассек ему бедро. Рана была в том самом месте, куда он прежде сам поразил египетского бога Аписа».

Рана была, в сущности, пустяковой, но царь умер, «пораженный сухой гангреной в кости, когда от воспаления омертвело бедро. Царствовал же Камбис всего семь лет и пять месяцев. Детей у него вовсе не было — ни сыновей, ни дочерей».

А что же Крез? О нем больше не упоминают древние источники. Не исключено, бывший царь Лидии умер в постели — как и полагается мудрецу, познавшему истинную цену золоту и власти и ставшему совершенно равнодушным к этим опаснейшим вещам.

И можно надеяться — Крез умер счастливым.

Ненайденные сокровища

Спустя двести лет на необъятных просторах Персидского царства появился новый завоеватель — Александр из Македонии. Он пришел с небольшим войском и в трех сражениях разбил грандиозные армии персидского царя. Увы! Золото развратило персов, упиваясь прежними победами и награбленными богатствами, они забыли, что, по крайней мере, их нужно защищать и что несметная толпа не есть войско.

Все богатства персидских царей достались Александру. Мы не будем перечислять захваченные трофеи — достаточно лишь привести один факт, чтобы оценить немислимые масштабы добычи: чтобы перевезти все золото и серебро из захваченного Персеполя, Александр «потребовал из Вавилона, Месопотамии, а также из Суз караван мулов, ходивших под вьюками и в упряжке, и, кроме того, 3 тысячи вьючных верблюдов» (Диодор).

Как Александр относился к Киру — основателю Персидского царства? Он его бесконечно уважал как удачливого полководца и, казалось, шел по следам знаменитого перса. Однако, когда Александр достиг города Киры — последнего из основанных Киром, — он, как утверждает историк Страбон, «хотя и был почитателем Кира, велел разрушить этот город из-за частых восстаний его жителей». Более того, Александр приказал вскрыть гробницу Кира.

Он надеялся найти там огромные богатства. Древний историк Арриан передает слухи о золотом гробе, в котором якобы был похоронен Кир, и прочих сокровищах. Однако все это оказалось недоступно Александру.

«Он думал, — рассказывает Курций Руф, — что гробница наполнена золотом и серебром; такая ходила среди персов молва; но, кроме полуистлевшего шита Кира, двух скифских луков и акинака, он ничего не нашел. Возложив золотой венец, Александр покрыл возвышение, на котором лежало тело, своим любимым плащом, удивляясь, что царь,

столь прославленный, обладавший такими богатствами, был погребен не с большей пышностью, чем простолюдин».

И еще, согласно Плутарху, Александр прочел надгробную надпись — последнюю шутку владыки Азии:

— О человек, кто бы ты ни был и откуда бы ты не явился — ибо я знаю, что ты придешь, — я Кир, создавший персидскую державу. Не лишай же меня той горстки земли, которая покрывает мое тело.

Да! Киру было достаточно земли, прикрывшей его прах. Он не желал сокровищ подле себя, ибо знал: за ними придут.

Александр отказывался верить увиденному; нашлись и люди, постаравшиеся укрепить его в неверии. «Рядом с царем стоял евнух, — рассказывает Курций Руф, — обратившись к царю, он сказал:

— Что же удивительного в том, что царская гробница пуста, когда дома сатрапов не могут вместить в себе вынесенные отсюда богатства? Что касается меня, то сам я этой гробницы раньше не видел, но от Дария слышал, что здесь с телом Кира было положено 3 тысячи талантов».

Евнух решал свои проблемы с помощью легковерного Александра. Обвиненный им сатрап провинции — Орсин — был казнен, причем, евнух убил его собственноручно. Несчастный, который вел свой род от Кира, только и успел удивленно воскликнуть:

— Слышал я, что когда-то Азией управляли женщины, но что ею управляет кастрат — это неслыханное дело.

Досталось и македонцам. «Когда Александр узнал, — пишет Плутарх, — что могила Кира разграблена, он велел казнить Поламаха, совершившего это преступление, хотя это был один из знатнейших граждан Пеллы».

Кир был не единственным из правителей, кто пожелал уйти в иной мир скромно. В захваченном им Вавилоне находилась гробница Нитокрис — мудрейшей царицы, много сделавшей для ставшего ей родным города.

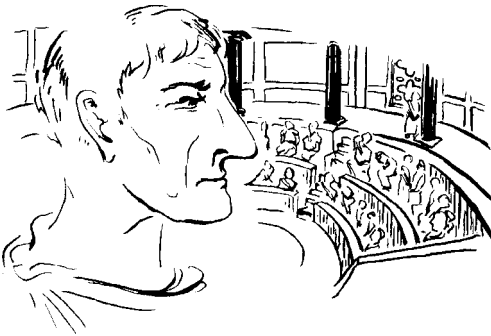
«Царица обманула потомство вот какой хитростью, — повествует Геродот. — Она повелела воздвигнуть себе гробницу над воротами в самом оживленном месте города и вырезать на ней надпись, гласящую вот что: “Если кто-нибудь из

вавилонских царей после меня будет иметь нужду в деньгах, то пусть откроет эту гробницу и возьмет сколько пожелает денег. Однако без нужды пусть напрасно не открывает ее. Но лучше бы вовсе не открывать гробницы”.

Эта гробница оставалась нетронутой, пока вавилонское царство не перешло к Дарию. Дарию казалось даже странным, почему никто не воспользовался сокровищами, которые к тому же как бы сами приглашают завладеть ими. Царь, однако, не захотел пройти через эти ворота, потому что над головой у него оказался бы мертвец. Открыв же гробницу, он не нашел там никаких сокровищ, а только истлевший прах и следующую надпись: “Если бы ты не был столь жадным, то не разорял бы гробниц покойников”».

Вот такие посмертные шуточки древних миллионеров.

Благородный сын плохих родителей

Луций Лициний Лукулл не был «новым человеком» — то есть первым в роду получившим высокую должность. Его дед по отцовской линии избирался консулом на 151 г. до н.э., а знаменитый Метел Нумидийский (консул 109 г. до н.э.) приходился Лукуллу дядей по матери.

С родителями нашему герою повезло меньше. Отец, также Луций, в 102 г. до н.э. в качестве наместника отправился на Сицилию: там шла война с восставшими рабами, захватившими, если не считать крупные города, весь остров. Воевал Лукулл-старший неудачно, вдобавок его обвинили в расхищении казны. Незадачливый наместник был осужден и подвергся позорному изгнанию из Рима. Мать Луция, Цецилия, по словам Плутарха, «слыла за женщину дурных нравов». В общем, карьере Луцию пришлось начинать, имея за спиной, вместо поддержки, самое неблагоприятное мнение римлян о своей семье.

Юношу не сломали беды, обрушившиеся на фамилию, наоборот, благодаря истории с отцом он и получил первую известность. Лукулл привлек к суду авгура Сервилия, который в свое время добился ссылки проворовавшегося сици-

лийского наместника. Против авгура было выдвинуто обвинение в должностном преступлении.

«Римлянам такой поступок показался прекрасным, — повествует об этом случае Плутарх, — и суд этот был у всех на устах, в нем видели проявление высокой доблести. Выступить с обвинением даже без особого к тому предлога вообще считалось у римлян делом отнюдь не бесславным, напротив, им очень нравилось, когда молодые люди травили нарушителей закона, словно породистые шенки — диких зверей. Во время этого суда страсти так разгорелись, что не обошлось без раненых и даже убитых; все же Сервилий был оправдан».

Лукулл был юношей всесторонне образованным и щедро наделенным разнообразными талантами. Его писательский дар использовал впоследствии Сулла: он давал Лукуллу свои «Воспоминания», с тем чтобы тот «обработал и придал стройность этому повествованию». Как и все молодые люди, мечтающие о карьере, он освоил риторику. Причем Лукулл мог блестяще говорить на любые темы, как на латинском, так и на греческом языках. Плутарх рассказывает такую историю:

«В юности он в шутку (которая затем, однако, обернулась серьезным занятием) условился с оратором Гортензием и историком Сизенной, что напишет стихами или прозой, на греческом или латинском языке, как выпадет жребий, сочинение о войне с марсами. По-видимому, ему досталось писать прозой и по-гречески; какая-то история Марсийской войны на греческом языке существует и поныне».

Лукулл прекрасно знал тему, потому что сам участвовал в Союзнической войне (90—88 гг. до н.э.) — ее еще называют Марсийской, так как марсы первыми восстали против Рима и возглавили борьбу. Уже тогда, в отличие от отца, воевал Луций Лукулл неплохо. «...Он сумел неоднократно выказать свою отвагу и сметливость, — рассказывает Плутарх. — За эти качества и еще больше за постоянство и незлобивость Сулла приблизил его к себе и с самого начала постоянно доверял ему поручения особой важности».

Всем хорош был Луций Лукулл, но имел при этом довольно неуживчивый характер. Неудивительно, что самой боль-

шой его привязанностью (и фактически единственной) был младший брат Марк.

«Свою привязанность к брату Марку он обнаружил во множестве поступков, но римляне чаще всего вспоминают о самом первом из них: хотя Лукулл был старше, он не пожелал без брата добиваться какой-либо должности и решил ждать, пока тот достигнет положенного возраста. Этим он настолько расположил к себе римлян, что в свое отсутствие был избран в эдилы вместе с братом» (Плутарх).

Всегда при деньгах

Как и Марк Красс, Лукулл воевал в гражданскую войну на стороне Суллы. Он совершил много славных дел и оказал неоценимые услуги Сулле.

Плутарх обходит стороной источники богатства Лукулла, а оно вполне соизмеримо с состоянием Красса. Причем если Красс получал деньги от строительства и сдачи домов внаем, серебряных рудников и целых плантаций сельхозугодий, то Лукулл не занимался ничем прибыльным, но тратил неизмеримо больше. Это наводит на мысль, что он был нечист на руку.

Сулла бесконечно доверял Лукуллу и поручал самые ответственные дела, поскольку тот был человеком весьма неглупым. Мы всегда видим Лукулла там, где дело касается огромных денег. В Греции Сулла поручил своему любимцу надзор за монетным делом. «Во время Митридатовой войны большая часть монеты в Пелопоннесе чеканилась под наблюдением Лукулла и в честь его даже получила наименование “Лукулловой”, — рассказывает Плутарх. — Ею оплачивались необходимые закупки для военных нужд, и она быстро разошлась, а после долго имела хождение».

Лукулл остался в Азии, когда с Митридатом был заключен мир. Сулла перед отъездом наложил на Азию огромный штраф в двадцать тысяч талантов. Сбор этих денег и чеканка монеты вновь были поручены Лукуллу. Плутарх не может удержаться от восхищения: «Надо полагать, это явилось для

городов, испытавших на себе жестокость Суллы, некоторым утешением, ибо, исполняя столь неприятную и суровую обязанность, Лукулл выказал себя не только бескорыстным и справедливым, но и человечным».

В Азии Лукулл оставался пять лет. Как он справился со своими обязанностями? Плутарх рисует его деяния розовыми красками, но умалчивает о его основной деятельности — сборе контрибуции. Подробности всплывут в тексте биографии позже и будут свидетельствовать, что Лукулл со своими обязанностями справился не очень хорошо.

Протекция продажной женщины

В 74 г. до н.э. Лукулл был избран консулом. В это время вновь поднял голову заклятый враг Рима — понтийский царь Митридат. Война с ним могла принести славу, деньги, почести, и к ней стремились все честолюбивые римляне, в том числе и Лукулл.

Главным претендентом был, конечно же, Помпей. Правда, он был занят войной в Испании, но вскоре в Рим пришло его грозное послание: любимец граждан потребовал денег и пригрозил, что если их не получит, то покинет Испанию и явится с войсками в Италию. Чтобы конкурент подольше оставался вдали от Рима и тем более от Азии, Лукулл «с великой охотой содействовал высылке денег».

Однако эти действия только задержали Помпея, но не приблизили Лукулла к желанной войне. Плутарх сообщает еще об одном препятствии: «Вдобавок Цетег, человек, пользовавшийся тогда наибольшим влиянием в государстве, ибо словом и делом угождал толпе, относился к Лукуллу довольно враждебно, потому что тому были омерзительны его постыдные любовные похождения, его наглость и распущенность».

Тем не менее вскоре Лукулл добьется желаемого.

В Рим пришло известие, что умер наместник Киликии. Стало ясно, что новому наместнику и достанется война с Мит-

ридатом, и все претенденты стали заискивать перед всевластным Цетегом. Лишь один Лукулл пошел другим путем. Плутарх рассказывает об интриге подробно, но при этом старается его оправдать:

«Он пустил в ход все средства, лишь бы никому не уступить эту провинцию, и кончил тем, что под гнетом обстоятельств, изменив собственной природе, решился на дело недостойное и непохвальное, однако весьма полезное для достижения его цели.

Жила тогда в Риме некая Преция, которая была известна всему городу своей красотой и наглостью. Вообще-то она была ничем не лучше любой женщины, открыто торгующей собой, но у нее было умение использовать тех, кто посещал ее и проводил с ней время, для своих замыслов, касавшихся государственных дел и имевших в виду выгоду ее друзей. Благодаря этому в придачу к прочим своим притягательным свойствам она приобрела славу деятельного ходатая за своих поклонников, и ее влияние необычайно возросло.

Когда же ей удалось завлечь в свои сети и сделать своим любовником Цетега, который в это время был на вершине славы и прямо-таки правил Римом, тут уже вся мощь государства оказалась в ее руках: в общественных делах ничто не двигалось без участия Цетега, а у Цетега — без приказа Преции. Так вот ее-то Лукуллу удалось привлечь на свою сторону подарками или заискиванием (впрочем, для этой надменной и тщеславной женщины сама по себе возможность делить с Лукуллом его честолюбивые замыслы казалась, вероятно, чрезвычайно заманчивой). Как бы то ни было, Цетег сразу принялся всюду восхвалять Лукулла и сосватал ему Киликию. Но стоило Лукуллу добиться своего — и ему уже не было нужды в дальнейшем содействии Преции или Цетега: все сограждане в полном единодушии поручили ему Митридатову войну, считая, что никто другой не способен лучше довести ее до конца».

Впрочем, почти с теми же полномочиями в Киликию был направлен и товарищ Лукулла по консульству — Марк Аврелий Котта.

Уменьше против числа

Лукулл выступил из Рима всего с одним легионом. В Азии его подчинение поступило не самое лучшее войско. Как мы уже говорили, Сулла развратил безмерными милостями азиатские легионы; вдобавок два из них состояли из мятежников, предавших всех, кого только можно. Плутарх описывает армию Лукулла:

«Все войско было давно испорчено привычкой к роскоши и жадной наживы, а особенно этим отличались так называемые фимбрианцы, которых совсем невозможно было держать в руках: сказывалась привычка к безначалию! Ведь это они во главе с Фимбрией убили своего консула и полководца Флакка, а затем и самого Фимбрию предали Сулле. Все это были люди строптивные и буйные, хотя в то же время храбрые, выносливые и обладавшие большим военным опытом. Однако Лукуллу удалось в короткое время сломить дерзость фимбрианцев и навести порядок среди остальных. Должно быть, им впервые пришлось тогда столкнуться с настоящим начальником и полководцем, ведь до сей поры перед ними заискивали, приучая их обращать воинскую службу в забаву».

Всего Лукулл смог выставить тридцать тысяч пехотинцев и две с половиной тысячи всадников. Его противник — понтийский царь Митридат — подготовился к войне гораздо лучше. Аппиан сообщает, что «войско царя равняется приблизительно 300 тысячам». Но поскольку Аппиан всегда приводит самые высокие цифры, то будем руководствоваться подсчетами Плутарха. Согласно им Митридат также был в выигрышном положении: «Пехоты он набрал сто двадцать тысяч и снарядил ее наподобие римской; всадников было шестнадцать тысяч, не считая серпоносных колесниц. К этому он прибавил еще корабли, на сей раз без раззолоченных шатров, без бань для наложниц и роскошных покоев для женщин, но зато полные оружием, метательными снарядами и деньгами».

Хуже для римлян то, что Азия встречала Митридата как освободителя.

«Закончив приготовления, царь вторгся в Вифинию, — сообщает Плутарх. — Города снова встречали его с радостью, и не только в одной Вифинии: всю Малую Азию охватил приступ прежнего недуга, ибо то, что она терпела от римских ростовщиков и сборщиков податей, переносить было невозможно. Впоследствии Лукулл прогнал этих хищных гарпий, вырывавших у народа его хлеб, но первоначально он лишь увещевал их, призывая к умеренности, чем и удерживал от полного отпадения общины, из которых ни одна не хранила спокойствие».

Жесты Лукулла весьма благородны, однако заметим, что он же и довел азиатские владения Рима до такого состояния. Именно Лукулл несколько лет собирал контрибуцию с Азии, которую назначил Сулла. Деньги были собраны в кратчайший срок — ведь Лукулл все поручения исполнял добросовестным образом, за что и был ценим Суллою. Все прелести этого процесса описаны Аппианом: « [Сулла] стал посылать людей для взыскания денег. Так как солдаты нажимали, применяя насилие, то города, не имея средств и занимая под огромные проценты, стали закладывать ростовщикам кто театры, кто гимнасии, кто свои укрепления и гавани и всякое другое общественное достояние. Так были собраны и доставлены Сулле деньги, и несчастьями была исполнена Азия до предела: на ее берега совершенно открыто напали многочисленные разбойничьи шайки, что напоминало скорее военные походы, чем разбойничьи налеты».

По вполне понятным причинам Луций Лукулл не спешил в бой с врагом. Однако его товарищ Котта (по характеристике Аппиана — «человек в военном деле слабый») решил единолично собрать все лавры побед. О глупости товарища Лукулла рассказывает Плутарх:

«Котта решил, что настал его счастливый час, и начал готовиться к битве с Митридатом. Приходили вести, что Лукулл подходит и уже остановился во Фригии, и вот Котта, воображая, что триумф почти что в его руках, и боясь, что придется делить славу с Лукуллом, поторопился со сражением — и достиг того, что в один день был разбит и на суше, и на море, потеряв шестьдесят судов со всеми людь-

ми и четыре тысячи пехотинцев. Сам он был заперт и осажден в Халкедоне, так что ему оставалось ждать избавления только от Лукулла».

Действия Котты вызвали раздражение у солдат Лукулла. Они предлагали бросить безрассудного консула на произвол судьбы и напасть на владения Митридата, пока тот занят осадой. Однако Лукулл заявил, «что предпочел бы вызволить из рук врагов хоть одного римлянина, нежели завладеть всем достоянием вражеским».

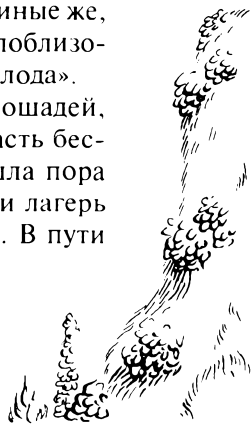
Сходный план действий предлагал и Архелай — перебежчик Митридата: он заверял, что стоит только Лукуллу появиться в Понтийском царстве — и оно тотчас окажется в его руках. На это Лукулл ответил, «что он не трусливее обыкновенных охотников и не станет обходить зверя, чтобы идти войной на его опустевшее логово». Как высокопарно ни мотивировал Лукулл свои действия, но в любом случае было неразумно оставлять в тылу армию противника.

Когда римляне приблизились к лагерю Митридата и увидели его армию, они едва не потеряли мужество. Спокоен был лишь Лукулл; согласно Аппиану, он заявил окружающим, «что скоро захватит неприятелей без боя, и велел им напомнить это обещание».

Лукулл занял горные проходы и парализовал доставку Митридату продовольствия сухопутным путем, а надвигающаяся зима сделала затруднительным и морской путь снабжения армии. В отличие от безрассудного Котты, «Лукулл не превращал войну в зрелище и не стремился к показательному блеску: как говорят, он бил врага по желудку...»

Бескровные удары Лукулла очень скоро достигли цели. Аппиан описывает положение Митридата: «...войско его совсем голодало, многие умирали, а некоторые по варварскому обычаю поедали человеческие внутренности; иные же, питаясь травой, заболели. Их трупы, брошенные поблизости без погребения, вызвали чуму к довершению голода».

От греха подальше, чтобы воины не съели всех лошадей, Митридат отправил в Вифинию всю конницу и часть бесполезной пехоты. Тогда Лукулл решил, что пришла пора немного повоевать. Он поспешил за покинутыми лагерь врагами с десятью когортами пехоты и конницей. В пути

Лукулла застигла снежная буря, многие солдаты заблудились и отстали. Впрочем, на обессилевших от голода и болезней вояк Митридата много воинов и не требовалось. «С оставшимися Лукулл настиг врагов у реки Риндака и нанес им такое поражение, — описывает Плутарх результаты похода, — после которого женщины из Аполлонии выходили за стены собирать поклажу Митридатовых солдат и грабить трупы. Убито было врагов в этом сражении, надо полагать, множество, а захватить удалось шесть тысяч коней, несметное количество вьючного скота и пятнадцать тысяч пленных. Всю эту добычу Лукулл провел мимо вражеского лагеря».

Демонстрация победы и вовсе подорвала боеспособность разноплеменного войска Митридата: о реванше никто не думал. Митридат приказал войску отступить, а сам решил бежать морем. Лукулл опять выбрал удачный момент для нападения: когда вражеское войско переправлялось через реку Граник. В это время река сильно разлилась, и не известно, кто причинил больше бедствий отступавшим — Лукулл или водная стихия. Разгром был ужасным. По словам Плутарха, Лукулл «взял множество пленных и перебил двадцать тысяч. Говорят, что если считать вместе и обозных и воинов, то у врагов погибло немногим меньше трехсот тысяч человек».

Противнику Лукулла не повезло и на море. «Когда Митридат плыл в Понт, — рассказывает Аппиан, — его застигла страшная буря; от нее он потерял людей до десяти тысяч и около шестидесяти кораблей; остальные были разбросаны, куда кого буря занесла». Корабль царя был также поврежден, и трюм заполнялся водой. Митридату пришлось перейти на легкое пиратское судно и доверить свою жизнь морским разбойникам. Вопреки опасениям они благополучно доставили царя на родную землю.

Легкие победы Лукулла внушают мысль, что с ним сражался слабый противник. Но нет! Непревзойденный знаток Рима — Теодор Моммзен — представляет Митридата как одного из самых выдающихся властителей, что знала мировая история.

Судьба рано вознесла Митридата на Олимп власти. «После преждевременной смерти отца — Митридата Эвергета, погибшего в Синопе от руки убийцы, одиннадцатилетний мальчик был объявлен царем около 121 г. до н.э., однако царская диадема принесла ему только бедствия и опасности. Его опекуны и даже, как кажется, его собственная мать, привлеченная по завещанию отца к соправительству, замыслили убить мальчика-царя. Рассказывают, что Митридат, спасаясь от кинжалов своих законных опекунов, в течение семи лет скитался по стране, каждую ночь менял место ночлега и, как бездомный беглец, в своем собственном государстве вел жизнь бродяги-охотника...

Согласно легенде, он поражал современников своим исполинским ростом, и приходившиеся ему впору военные доспехи вызывали всеобщее изумление. Он обгонял в беге самых быстроногих диких зверей; он объезжал самых диких коней и мог проскакать, меняя лошадей, гигантское расстояние в один день. Он умел править одновременно шестнадцатью лошадьми, запряженными в колесницу, и неоднократно получал призы на бегах; правда, было бы опасно победить царя в таком состязании.

На охоте он, мчась во весь опор на своем скакуне, без промаха попадал в дикого зверя. Но и за столом нелегко было найти равного ему; он устраивал пиршества для состязания в еде и питье и получал призы. Точно так же отличался он и в области гаремных утех...

Митридат был недоверчив и жесток. У него заранее были заготовлены смертные приговоры для самых преданных слуг. По его приказу были убиты или погибли в заточении за действительную или мнимую измену его мать, брат, сестра, жившая с ним в браке, трое сыновей и столько же дочерей. А когда пришел срок, он, чтобы лишить врагов трофеев, велел умертвить своих двух жен-гречанок, своих сестер и всех женщин гарема, предоставив им только выбор рода смерти.

Боясь отравления, Митридат приучал своей организм к разного рода ядам. Впоследствии судьба жестоко посмеется над предусмотрительностью царя. Преданный любимым сыном Фарнаком и окруженный врагами, на 68-м году жизни Митридат выпил яд. Увы! Отравка оказалась бессильной,

и царю пришлось, как гладиатору, подставить горло слуге для последнего удара. Но все это будет потом, а пока борьба продолжалась.

_____ Все дальше и дальше

Лукулл понимал, что его грандиозные победы не имеют никакого значения, пока жив виновник войны. Митридата много раз бил Сулла, уничтожая его армии, но проходило время, и как у сказочного дракона взамен отрубленной головы появляются три, так и царь набирал новые армии и терзал римскую Азию.

Победоносный Лукулл устремился на восток. После первых побед многие советовали прекратить военные действия, но он, не обращая на советчиков внимания, прошел Вифинию, Галатию и вторгся на территорию Понтийского царства.

Сначала он испытывал недостаток в съестных припасах, но это затруднение было преодолено простым способом: Лукулл собрал продукты и приказал тридцати тысячам галатам следовать за войском и нести на плечах по медимну, то есть более 40 килограммов, зерна. А вскоре римляне добрались до плодородных областей, и к ним пришло такое изобилие, «что бык стоил в лагере драхму, раб — четыре драхмы, а прочую добычу вообще ни во что не ставили и либо бросали, либо уничтожали».

И все же одно обстоятельство угнетало легионеров. Добыча не была ценной — ее брали только в сельской местности, а большие города отделялись добровольным признанием власти Лукулла, потому что условия он ставил приемлемые. Легионерам хотелось чего-нибудь более весомого — золота, например. Они безрезультатно уговаривали Лукулла взять штурмом какой-нибудь богатый город, но тот продолжал следовать своему плану.

«Не думал Лукулл, — пишет Плутарх, — что все это доведет солдат до такого безумия, до какого они дошли впоследствии, и оставлял подобные речи без внимания, пропуская их мимо ушей».

Около Кабир Лукулл наткнулся на Митридата: царь собрал новую армию, и не малую — около сорока тысяч пехотинцев и четыре тысячи всадников. Первая встреча окончилась неудачно для римлян: вражеская конница обратила в бегство римскую.

Конницу римляне никогда не уважали, и Лукулл, зная о своей слабой стороне, тут же лишил врага важного преимущества. Охотник, знающий горные тропы, пообещал провести римлян в недоступное для врагов место. Казалось верным безрассудства доверить все войско случайному человеку, но Лукулл поступил так же, как Александр Македонский, не раз вручавший судьбу армии и свою собственную ненадежным проводникам. Удача покровительствует храбрым: войско Лукулла благополучно заняло высоты, господствующие над лагерем Митридата.

Митридат, не имея возможности достать римлян, решил избавиться от Лукулла хитростью. В его войске служил храбрец Олтак, который вызвался убить предводителя римлян. Царь одобрил план: для вида он несколько раз оскорбил Олтака, а тот, якобы обидевшись, перебежал к Лукуллу. Римляне приняли его с радостью, поскольку перебежчик принес важные сведения, и вскоре Олтак стал допускаться к трапезе Лукулла и на совещания военачальников. Наконец настал благоприятный момент для исполнения черного плана. В полдень, когда все легионеры отдыхали, храбрец подошел к палатке Лукулла и сказал телохранителю Менедему, что имеет для военачальника срочные важные вести.

«Он бы и вошел беспрепятственно, — пишет Плутарх, — если бы Лукулла не спасло то, что стольких полководцев сгубило, — сон».

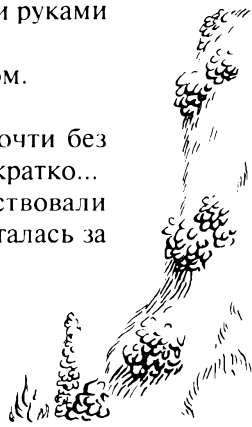
Менедем произнес:

— Нет дела важнее, чем сон Лукулла! — и обеими руками воткнул надоедливую посетителя.

Шпиону Митридата пришлось спастись бегством.

Очередная победа досталась римлянам легко и почти без жертв, как и все победы Лукулла. Расскажем о ней кратко...

Вскоре произошли две схватки, в которых участвовали посланные за продовольствием отряды. Победа осталась за

римлянами. Причем во втором случае понтийцы были изрублены все, кроме двоих человек. Митридат пытался скрыть от своей армии эти, в сущности, небольшие неприятности, но Лукулл применил свою излюбленную психическую атаку. Мимо лагеря врага торжественно прошествовал обоз с продовольствием, трофеями и пленными.

В стане врага начало твориться невообразимое. «...Солдат охватили смятение и неодолимый страх, — рассказывает Плутарх. — Тогда было решено немедленно отступить. Царские служители заблаговременно начали потихоньку вывозить свое имущество, а другим не давали этого делать. Солдаты пришли в ярость, столпились у выхода из лагеря, и начались бесчинства: имущество расхищалось, а владельцев предавали смерти. Полководцу Дорилаю, у которого только и было, что пурпурное платье на плечах, пришлось из-за него погибнуть, жреца Гермей насмерть затоптали в воротах. Сам Митридат, брошенный всеми своими прислужниками и конюхами, смешался с толпой и насилу выбрался из лагеря».

Тут с гор спустились римляне и принялись рубить противника, у которого не было даже намерений защищаться. Еще немного, и восточный вопрос был бы решен окончательно; погоня уже настигала вечного врага Рима — Митридата. От неминуемой гибели царя спас мул, нагруженный золотом. Случайно или по чьему-то замыслу животное оказалось между Митридатом и преследователями. Золотые монеты посыпались прямо на дорогу и заставили легионеров на некоторое время забыть о своей главной цели. «Солдаты стали расхватывать поклажу мула, и пока они подбирали золото и дрались между собою, время было упущено» (Плутарх).

Алчность римлян спасла и некоторое количество воинов Митридата. Лукулл окружил часть войска в лагере и велел «в данный момент не грабить ничего, но убивать всех беспощадно, — заявляет Аппиан. — Но когда римские солдаты увидели много золотых и серебряных сосудов и дорогих одежд, они забыли об этом приказании».

Вслед за этим Лукулл взял город Кабирры и соседние крепости. В его руках оказались «богатые сокровищницы», а также много «царевых родичей». Римлянам стали известны слу-

чаи невысмыслимой жестокости: подозрительный Митридат не церемонился даже с самыми близкими; но особенно печальна судьба женщин.

По свидетельству Плутарха, в темнице Лукуллом была обнаружена «сестра Митридата Нисса, в то время как его жены и другие сестры, пребывавшие близ Фарнакии, казалось бы, вдали от бед, в полной безопасности, погибли жалким образом. Во время бегства Митридат послал к ним евнуха Бакхида, чтобы тот предал их смерти.

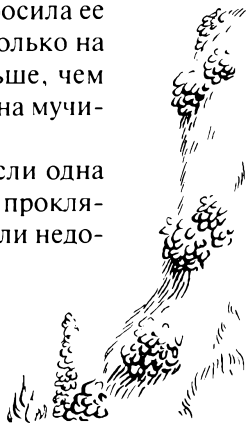
Среди многих женщин там были две сестры царя — Роксана и Статира, досидевшие в девицах до сорока лет, и две его жены, родом ионянки, — Береника с Хиоса и Монима из Милета. О последней особенно много говорили в Греции: когда в свое время царь домогался ее благосклонности и послал ей пятнадцать тысяч золотых, она на все отвечала отказом, пока он не подписал с ней брачный договор и не провозгласил ее царицей, прислав диадему. Она проводила дни свои в скорби и кляла свою красоту, которая дала ей господина вместо супруга и варварскую темницу вместо замужества и домашнего очага, заставила жить вдали от Греции, только во сне видя то счастье, на которое она понадеялась и на которое променяла подлинные блага эллинской жизни. Когда явился Бакхид и велел женщинам самим умертвить себя тем способом, который каждая из них сочтет самым легким и безболезненным, Монима сорвала с головы диадему, обернула ее вокруг шеи и повесилась, но тут же сорвалась.

— Проклятый лоскут, — молвила она, — и этой услуги ты не оказал мне!

Плюнув на диадему, она отшвырнула ее и подставила горло Бакхиду, чтобы он ее зарезал.

Береника взяла чашу с ядом, но ей пришлось поделиться им со своей матерью, которая была рядом и попросила ее об этом. Они испили вместе, но силы яда достало только на более слабую из них, а Беренику, выпившую меньше, чем было нужно, отравы никак не могла прикончить, и она мучилась до тех пор, пока Бакхид не придушил ее.

О незамужних сестрах царя рассказывают, что если одна из них выпила яд с громкой бранью и отчаянными проклятиями, то у Статире не вырвалось ни одного злого или недо-

стойного ее слова; напротив, она воздавала хвалу своему брату за то, что, сам находясь в смертельной опасности, он не забыл позаботиться, чтобы они умерли свободными и избегли бесчестия».

Вот с каким решительным и беспощадным царем довелось воевать Лукуллу.

Хозяин Азии

После упомянутой выше победы Лукулл решил заняться благоустройством Азии. Под его властью оказалась огромнейшая территория: три римских провинции, и кроме того, фактически завоеванное Понтийское царство.

Лукулл нашел свои владения в плачевном состоянии, и дело даже не в том, что они подверглись агрессии со стороны Митридата. Провинции терпели «невероятные, несказанные бедствия» от самих же римлян. «Откупщики налогов и ростовщики грабили и закабалили страну: частных лиц они принуждали продавать своих красивых сыновей и девушек-дочерей, а города — храмовые приношения, картины и кумиры. Всех должников ожидал один конец — рабство, но то, что им приходилось вытерпеть перед этим, было еще тяжелее: их держали в оковах, гноили в тюрьмах, пытали на “кобыле” и заставляли стоять под открытым небом в жару на солнце-пеке, а в мороз в грязи или на льду, так что после этого даже рабство казалось им облегчением» (Плутарх).

Виновником такого положения в Азии был не кто иной, как сам Лукулл. «Эта всеобщая задолженность, — сообщает древний автор, — была последствием того штрафа в двадцать тысяч талантов, который наложил на провинцию Сулла». Сбор штрафа, как мы помним, был поручен Лукуллу. Он получил требуемые Суллой деньги традиционным способом: долг заплатили откупщики, а затем собирали с населения сумму, естественно, гораздо большую. Таким бизнесом в Риме промышляло могущественное сословие всадников.

Жадность откупщиков поистине не имела границ. Что касается Азии, то «ростовщикам уже было выплачено вдвое

больше, чем они ссудили, но при помощи процентов они довели долг до ста двадцати тысяч талантов».

Ситуацию необходимо было исправлять, иначе Рим мог лишиться своих азиатских владений. И поскольку Лукулл чувствовал себя хозяином Азии, то решил вопрос радикально. «Он начал с того, что запретил брать за ссуду более одного процента; далее, он ограничил общую сумму процентов размером самой ссуды; наконец, третье и самое важное его постановление предоставляло заимодавцу право лишь на четвертую часть доходов должника».

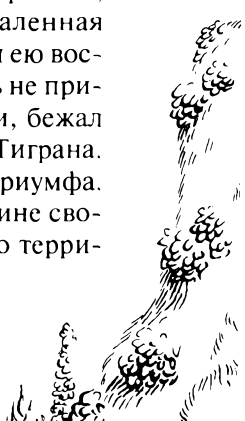
Закон хороший, облагодетельствованные общины почитали Лукулла как бога, а прочие провинции считали за счастье получить такого правителя. Однако Лукулл лишил колоссальных доходов влиятельный слой римлян; когда дело касается очень больших денег, никакая народная любовь не может служить защитой и спасением. Реакции пришлось ждать недолго — и это было началом конца могущественного Лукулла.

«Теперь эти ростовщики кричали в Риме, что Лукулл-дечинит им страшную несправедливость, и подкупами натравливали на него кое-кого из народных вожаков; эти дельцы пользовались большим влиянием и держали в руках многих государственных деятелей, которые были их должниками», — рассказывает Плутарх о появлении оппозиции Лукуллу.

У Лукулла, считавшего азиатские земли своей вотчиной, начинают по кускам вырывать территории: в 69 г. до н.э. сенат отнял у него провинцию Азию, потом Киликию, и, наконец, был прислан новый наместник в Вифинию и Понт.

В руках Лукулла осталась только армия — своенравная, капризная, довольно немногочисленная, но закаленная в боях. Пока и эту игрушку не отняли, Лукулл решил ею воспользоваться. Поводов для новых войн долго искать не пришлось. Митридат, разбитый и лишившийся армии, бежал ко двору своего родственника — армянского царя Тиграна. Оттуда и решил добыть Лукулл старого врага — для триумфа.

Армянский царь в те времена находился на вершине своего могущества. Страна его казалась необъятной по терри-

тории, народов проживало в ней великое множество. Царь, тасовал их, словно колоду карт, переселяя с одного места своих владений в другое арабов и греков; одним мановением руки Тигран стирал с лица земли города и возводил новые. «При нем находилось много царей на положении слуг, — свидетельствует Плутарх, — а четырех из них он постоянно держал подле себя в качестве провожатых или телохранителей: когда он ехал на коне, они бежали рядом в коротеньких хитонах, а когда сидел и занимался делами — становились по бокам, скрестив руки на груди. Считалось, что эта поза наилучшим образом выражает полное признание своей рабской зависимости: принимавшие ее как бы отдавали в распоряжение господина вместе со своим телом и свою свободу и выражали готовность все снести, стерпеть без возражений».

И вот среди всеобщего раболепия появился римлянин Аппий Клодий и, «нимало не смущенный и не испуганный этим пышным зрелищем», вручил послание Лукулла. Полководец то ли просил, то ли требовал выдать ему Митридата, который нашел себе пристанище в Армении. Более всего Тиграна возмутила не просьба, а то, что Лукулл именовал его в письме просто «царем», а не «царем царей».

По большому счету Митридат был совершенно не нужен Тиграну. Плутарх описывает бедственное положение разбитого царя:

«До сего времени Тигран ни разу не пожелал ни видеть Митридата, ни говорить с ним — это со своим-то родичем, лишившимся столь великого царства! Он обращался с ним презрительно и надменно и держал его, словно узника, вдали от себя, в болотистых и нездоровых местах. Однако теперь он вызвал его ко двору, оказывая знаки почтения и любви...»

Так образовался союз царей, но удивительно другое: к этому, направленному против Лукулла пакту был готов присоединиться и Рим, и даже собственные легионеры Лукулла — до такой степени гордый военачальник умел наживать себе врагов.

Однако, пока враги и недруги пытались оценить его прошлые и нынешние деяния, Лукулл, не обращая на них никакого внимания, совершал новые подвиги. «Оставив Сорнатия с шеститысячным отрядом стеречь Понтийскую область,

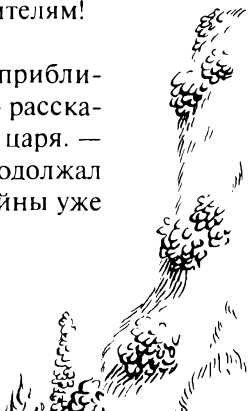
сам он с двенадцатью тысячами пехоты и меньше чем тремя тысячами конницы отправился вести следующую войну, — описывает Плутарх очередной поход Лукулла. — Могло показаться, что какой-то дикий, враждебный здравому смыслу порыв гонит его в средоточие воинственных племен с их бесчисленной конницей, в необозримую страну, отовсюду окруженную глубокими реками и горами, на которых не тает снег.

Его солдаты, которые и без того не отличались послушанием, шли в поход неохотно, открыто выражая свое недовольство. Тем временем в Риме народные вожаки выступали с шумными нареканиями и обвинениями против Лукулла: он-де бросается из одной войны в другую — хотя государство не имеет в том никакой надобности, — лишь бы оставаться главнокомандующим и по-прежнему извлекать выгоду из опасностей, в которые он ввергает отечество. Со временем эти наветы достигли своей цели.

Ситуация парадоксальная — чем больше Лукулл одерживал побед, тем больше его ненавидели те, кто по здравому размышлению должен был рукоплескать. Кольцо неприязни упорно сжималось вокруг удачливого полководца, что не помешало ему стремительным маршем направиться к границам Армении. Он шел, «ничем не обижая местных жителей», и те радушно принимали римское войско и оказывали ему поддержку. Как обычно, недовольны были его собственные легионеры — им не выпадал случай ограбить какой-нибудь город. Наконец они начали просить Лукулла захватить ближайшую крепость, в которой, по слухам, находились большие сокровища. Но Лукулл не разменивался на мелочи.

— Возьмите лучше вон ту крепость, — указал он на далекие горы Тавра, — а это все и так достанется победителям!

«Первому вестнику, который сообщил Тиграну о приближении Лукулла, вместо награды отрубили голову, — рассказывает Плутарх о степени возмущения армянского царя. — Больше никто об этом не заговаривал, и Тигран продолжал пребывать в спокойном неведении, когда пламя войны уже подступало к нему со всех сторон».

Несмотря на страх, армянам пришлось открыть глаза царю на происходящее, иначе Лукулл через немного времени постучался бы в двери его дворца. Трудную миссию взял на себя военачальник Митробарзан. «И он тоже получил за свою откровенность плохую награду — во главе трех тысяч конницы и великого множества пехоты он был немедленно выслан против Лукулла с наказом самого полководца взять живым, а остальных растоптать».

Войско Митробарзана Лукулл разгромил в первом же бою: погиб и сам военачальник, а его солдаты, «за исключением немногих, были перебиты при бегстве».

«Для посольства их много,
а для войска мало»

Между тем Лукулл приблизился к любимому городу Армянского царя — Тигранокерту.

Он был построен Тиграном совсем недавно — в 77 г. до н.э., но успел приобрести статус одной из трех столиц Армении. Тигранокерт, по словам Плутарха, «изобиловал сокровищами и дорогими приношениями богам, ибо частные лица и правители наперебой расширяли и украшали город, желая угодить царю». Богатство имело достойную защиту — город окружали стены высотой в 50 локтей (30,8 метра), настолько широкие, что в их толще располагались конюшни.

И вот Лукулл, всегда избегавший городских осад, окружил войском эту неприступную твердыню. Зачем это ему понадобилось? Он изменил своим принципам в расчете на то, что Тигран бросится спасать свое детище и соответственно врага не придется искать по незнакомой, удобной для засад, гористой местности.

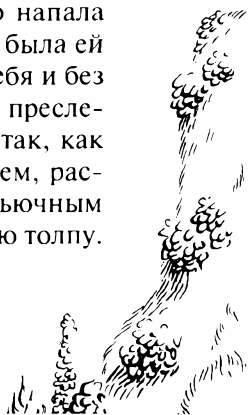
Впрочем, у Лукулла имелись неплохие шансы овладеть городом. Дело в том, Митридат заселил Тигранокерт греками, сирийцами и прочими народами, а их родные города приказал уничтожить. Так как переселение было насильственным, Лукулл имел внутри стен мощную «пятую колонну».

Взять город Лукулл не успел, но первая цель была достигнута. Тигран появился с огромнейшим войском: «лучников и прашников у него было двадцать тысяч, всадников — пятьдесят пять тысяч, из которых семнадцать тысяч были закованы в броню, тяжелой пехоты полтора ста тысяч. Работников, которые были заняты прокладыванием дорог, наведением мостов, очисткой рек, рубкой леса и другими работами, было тридцать пять тысяч, они были выстроены позади бойцов и придавали войску еще более внушительный вид, вместе с тем увеличивая его мощь» (Плутарх).

Лукулл оказался перед нелегким выбором: с одной стороны, нужно сражаться с войском Тиграна; с другой стороны, если снять осаду Тигранокерта, то существовала угроза получить от его гарнизона удар в спину. И Лукулл, приняв решение разделить свою и без того небольшую армию на две части. «Мурену с шестью тысячами пехотинцев он оставил продолжать осаду, а сам взял двадцать четыре когорты, которые составляли не более десяти тысяч тяжеловооруженной пехоты, а также всю конницу и около тысячи прашников и стрелков из лука и двинулся с ними на врага, — сообщает Плутарх. — Когда он остановился лагерем у реки, в широкой долине, его войско показалось Тиграну совсем ничтожным. Это доставило льстецам царя повод для острот: одни изощрялись в насмешках, другие, потехи ради, метали жребий о будущей добыче, и не было полководца или царька, который не обратился бы к Тиграну с просьбой поручить все дело ему одному, а самому сидеть в качестве зрителя. Самому Тиграну тоже захотелось показать себя изящным остроумцем, и он сказал свои всем известные слова: “Для посольства их много, а для войска мало”. Так, в шутках и забавах, прошел этот день».

Бой начала конница Лукулла. Она бесстрашно напала на закованных в броню всадников Тиграна. Задача была ей поставлена «привлекать внимание неприятеля на себя и без сопротивления отступать, чтобы ряды варваров при преследовании расстроились» (Аппиан). Все произошло так, как и планировалось: армяне увлеклись преследованием, растянулись на большом пространстве, смешались с вьючным скотом — и большое войско превратилось в большую толпу.

Теперь Лукулл повел на врага основные силы — повел сам, пеший и впереди всего войска. Перед этим он велел легионерам сблизиться с противником как можно скорее, чтобы вражеские лучники не успели применить свое смертоносное оружие. Лукулл дал подробные инструкции и как бороться с броненосной конницей. Главным оружием неповоротливых всадников были длинные копья — военачальник приказал рубить их мечами. Затем наказал не пускать в них дротиков, «но подходить к врагу вплотную и разить мечом в бедра и голени — единственные части тела, которые не закрывала броня».

Тактика Лукулла привела к тому, что тяжелые всадники — гордость и надежда Тиграна — «с воплями обратились в постыднейшее бегство, врезавшись со своими отягощенными броней конями в строй своей же пехоты, прежде чем та успела принять какое-либо участие в сражении. Так без пролития крови было наголову разбито столь огромное войско. Тиграновы воины бежали, или, вернее, пытались бежать, — из-за густоты и глубины своих рядов они сами же себе не давали дороги, — и началась страшная резня» (Плутарх).

Римляне убивали врагов долго и беспощадно. Лукулл учел даже некоторые привычки своих легионеров и позаботился о том, чтобы разгром был полным. По словам Аппиана, Лукулл «с большими угрозами» запретил солдатам до личного распоряжения поднимать трофеи, «так что на расстоянии сто двадцать стадий они, проходя без внимания мимо браслетов и ожерелий, только убивали, пока не настала ночь. Только тогда они повернули назад и стали обирать убитых: теперь Лукулл им разрешил это».

Плутарх передает отношение других античных авторов к этой победе: «Философ Антиох в сочинении “О богах”, говоря об этой битве, утверждает, что солнце еще не видело ей подобной, а другой философ, Страбон, в “Исторических записках” рассказывает, что сами римляне чувствовали себя пристыженными и смеялись над собою, оттого что подняли оружие против такого сброда. По словам Ливия, римляне никогда не вступали в бой с врагом, настолько превосходящим их численностью: в самом деле, победители вряд ли составляли и двадцатую часть побежденных».

Что касается самых способных и опытных в военном деле римских полководцев, то они больше всего хвалили Лукулла за то, что он одолел двоих самых прославленных и могущественных царей двумя противоположными средствами — стремительностью и неторопливостью: если Митридата, находившегося в то время в расцвете своего могущества, он вконец измотал, затягивая войну, то Тиграна сокрушил молниеносным ударом».

Кстати, Митридат не успел соединиться с Тиграном; он не спешил, полагая, что Лукулл будет верен своей тактике уклонения от битвы. Понтийский царь только приближался к месту соединения войск, а навстречу ему уже спешили израненные безоружные армяне.

Лукулл не повторил даже самого себя.

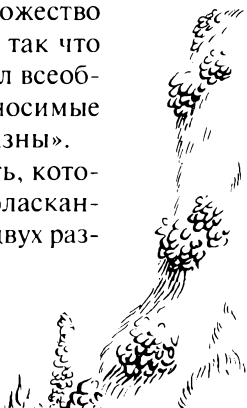
Неповиновение армии

После блестящей победы Лукуллу не пришлось брать неприступный Тигранокерт. Греческое население подняло мятеж, захватило часть городской стены и впустило римлян.

Забрав царскую сокровишницу, Лукулл отдал Тигранокерт на разграбление солдатам. Легионерам досталась немалая добыча: по свидетельству Плутарха, они нашли в городе «наряду с прочим добром, на восемь тысяч талантов одной монеты; кроме того, Лукулл роздал по восемьсот драхм на каждого солдата.

Затем Лукулл перебрался в Гордиену, которая без малейшего сопротивления признала его власть. Во дворце местного царя римский военачальник нашел «великое множество золота и серебра и три миллиона медимнов зерна, так что и солдатам было чем поживиться, и Лукулл заслужил всеобщее восхищение тем, что вел войну на средства, приносимые ею самой, не беря ни драхмы из государственной казны».

Лукулла после таких побед поразила та же напасть, которая завела Александра Македонского в Индию. Обласканный фортуной, римлянин уже не мог остановиться; двух раз-

битых царей показалось мало, и он наметил новую жертву. Рядом находилась Парфия: в свое время Лукулл предлагал ее царю заключить союз, но подобное предложение парфянский царь получил и от Тиграна. Хитрый парфянин тайно заключил союз с обоими и «не спешил прийти на помощь ни тому, ни другому».

Теперь Лукулл собрался рассчитаться с вероломным союзником. Римляне всегда умели находить повод к войне и логически обосновывать ее необходимость. Лукулл отправился в ближайшую с Парфией область и приказал военачальникам стягивать к нему войска. Но легионерам не понравилась новая авантюра Лукулла; они достаточно обогатились за время похода и не желали рисковать своими обеспеченными жизнями. Ситуация сложилась такая же, как и во время похода Александра Македонского, который награждал и поощрял солдат до такой степени, что они не могли тащить свое золото и воевать им казалось незачем. Александр Великий периодически применял террор к бунтовщикам, но Лукуллу пришлось сложнее — такие методы по отношению к гордым римлянам не проходили.

Если легаты, получившие приказ Лукулла, «и раньше встречали со стороны воинов угрюмое неповиновение, то тут им пришлось убедиться в полной разнузданности своих подчиненных, — рассказывает Плутарх. — ...Привыкнув к богатству и роскоши, солдаты сделались равнодушны к службе и желали покоя... и стали говорить, что... своими подвигами они давно заслужили себе право на избавление от трудов и отдых!»

От похода на парфян Лукуллу пришлось отказаться; кое-как он уговорил солдат выступить еще несколько раз против армян. Но когда после очередной победы Лукулл попытался соблазнить легионеров богатейшей армянской столицей — Артаксатами, даже этот лакомый кусок не заинтересовал солдат — они упрямо требовали вести их назад, в более теплые места.

«До сего времени счастье, можно сказать, сопутствовало Лукуллу в его походах, — подводит итог Плутарх, — отныне словно упал попутный для него ветер, — таких трудов стоило ему каждое дело, с такими препятствиями при-

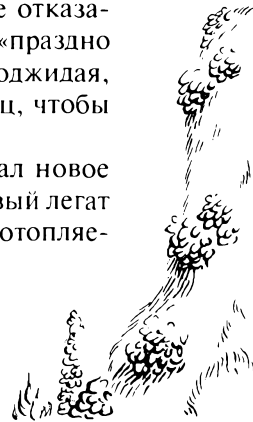
ходилось сталкиваться повсюду. Он по-прежнему проявлял отвагу и твердость духа, достойные прекрасного полководца, но его новые деяния не принесли ему ни славы, ни благодарности. Мало того, в неудачных начинаниях он едва не потерял и свою прежнюю славу. Не последней причиной тому было его собственное поведение: он никогда не умел быть ласковым с солдатской толпой, почитая всякое угождение подчиненным за унижение и подрыв власти начальствующего. А хуже всего было то, что с людьми могущественными и равными ему по положению он тоже ладил плохо, глядел на всех свысока и считал ничтожествами по сравнению с собой».

Лукулл был одним из самых гениальных полководцев Рима, но ему мешала непомерная гордыня. Ему бы взять пример с Цезаря, который для своих легионеров являлся и отцом и другом, который знал имя каждого своего солдата; Лукулл же или приказывал, или, когда было совсем худо, униженно просил. Цезарь горстями сыпал галльское золото по Риму, надо бы и Лукуллу поделиться добычей с властью имущими... Но он упивался своими победами и мечтал о новых, не обращая внимания на то, что творится за спиной.

Национальный герой подвергался все новым и новым оскорблениям. В Риме вожаки народа из зависти обвиняли Лукулла в том, «что затягивать войну его побуждают властолюбие и корыстолюбие». Военачальника обвиняли в том, что он «к тому же разорил дворец Тиграна, словно его послали грабить царей, а не воевать с ними». В результате встал вопрос о назначении Лукуллу преемников, а пока было решено уволить всех находившихся в его войске ветеранов.

Последнее решение сената нанесло жестокий удар по Лукуллу и привело к тому, что легионеры и вовсе отказались воевать: и с Тиграном и с Митридатом. Они «праздно сидели в Гордиене, ссылаясь на зимнее время и поджидая, что вот-вот явится Помпей или другой полководец, чтобы сменить Лукулла».

Ситуацией воспользовался Митридат, он собрал новое войско и занялся возвращением Понта. Честолюбивый легат Триарий решил, не дожидаясь Лукулла, разбить непотопляе-

мого врага. Попытка легата сравняться славой с командиром обернулась страшной катастрофой. Такого поражения римляне давно не знали: по свидетельству Плутарха, «в битве polegло более семи тысяч римлян, в числе которых было сто пятьдесят центурионов и двадцать четыре военных трибуна. Лагерь попал в руки Митридата. Когда через несколько дней подошел Лукулл, ему пришлось прятать Триария от разъяренных солдат». Митридат был умнее Триария и не стал испытывать судьбу в битве с подошедшим Лукуллом. Он ушел на соединение с собиравшим войско Тиграном.

У легионеров даже не появилось желания отомстить за смерть собратьев; они настолько привыкли не подчиняться Лукуллу, что утратили характерные для римлян чувства. Во время похода «фибрианцы подняли бунт и покинули свое место в строю, ссылаясь на то, что они уволены со службы постановлением сената, а Лукулл не имеет больше права приказывать им, поскольку провинции переданы другим. Нет такого унижения, которому не подверг бы себя тогда Лукулл: он уговаривал каждого из солдат поодиночке, с малодушными слезами ходил из палатки в палатку, некоторых даже брал за руку. Но солдаты отталкивали его руку, швыряли ему под ноги пустые кошельки и предлагали одному биться с врагом — сумел же он один поживиться за счет неприятеля!» (Плутарх).

Тут уже остальные воины начали просить ветеранов остаться хотя бы до конца лета «с условием, что они будут уволены, если за это время не появится неприятель, чтобы дать им сражение. Необходимость заставила Лукулла довольствоваться и этой малостью, чтобы не остаться одному и не отдать страну противнику. Он держал солдат всех вместе, ни к чему их больше не принуждал и не вел на врага — лишь бы они от него не уходили».

Лукуллу не на что было надеяться, нечего было ожидать в Азии, кроме новых оскорблений. Другой бы на его месте оставил и войско, и Азию, но Луций Лукулл с честью выдержал все удары судьбы и сохранил подвластную территорию для Рима и для преемника.

Напоследок ветераны не преминули поиздеваться над своим военачальником, который много лет обеспечивал их

бескровными победами и добычей. «Их бесстыдство в отношении к своему полководцу дошло до того, — рассказывает Плутарх, — что в конце лета они надели доспехи, обнажили мечи и принялись звать на бой врагов, которых не было и в помине. Они прокричали военный клич, помахали потехи ради мечами и покинули лагерь, заявив, что срок, в продолжение которого они обещали Лукуллу оставаться с ним, уже вышел».

Отставка

От Лукулла отвернулся весь мир, и даже его друг — великий оратор Цицерон — выступил за передачу Восточной войны в руки Помпея.

Собственно, у Цицерона не было выбора; как полководец Лукулл был обречен уже тогда, когда лишил одного из источников дохода сословие всадников. Цицерону осталось лишь позаботиться о том, чтобы дело Лукулла попало в надежные руки. Слово оправдываясь перед народным собранием, Цицерон называет истинных виновников бед Лукулла:

«Римские всадники, весьма уважаемые люди, поместившие большие деньги в дело сбора податей и налогов, взимаемых в вашу пользу, получают ежедневно вести из Азии. Пользуясь моими связями с их сословием, они поручили мне при ведении этого общегосударственного дела защитить и их собственные интересы». Интерес у откупщиков был один: убраться из Азии Лукулла.

Единственное, что мог сделать Цицерон для друга, — это сказать несколько похвальных слов в его адрес, вроде этих: «Луций Лукулл, выдающийся муж, так руководил там военными действиями, что его успехи в начале войны, большие и славные, следует приписывать не его военному счастью, а его мужеству, а недавние события — объяснять не его виной, а случайностью». Дело в том, что Лукуллу вменялось в вину поражение Триария, который не соразмерил свой полководческий дар с честолюбием и дал себя разбить Митридату.

Итак, в Азию послали Гнея Помпея, хотя люди здравомыслящие не без оснований считали, «что с Лукуллом поступают несправедливо, назначая ему преемника не столько для войны, сколько для триумфа и заставляя его уступать другому не труды полководца, но награду за эти труды». Действительно, после побед Лукулла война Помпея с тем же Митридатом и Тиграном казалась легкой прогулкой.

Лукуллу продолжали мстить: у него отняли право награждать и наказывать солдат. Помпей, еще не принявший у предшественника войско, начал издавать свои указы и отменять распоряжения Лукулла. Он забрал у Лукулла легионы, оставив ему только тысячу шестьсот человек для триумфа, и те, по своей привычке, «последовали за Лукуллом не слишком охотно».

Луций Лукулл прибыл в Рим, но здесь его ждали новые неприятности. Первое, что он узнал: брат Марк — его единственная привязанность — привлечен к суду Гаем Меммием «за то, что ему приходилось делать по приказанию Суллы, исполняя должность квестора. Марка оправдали, но тут Меммий обратил свои нападки уже на самого Лукулла и стал настраивать народ против него, советуя отказать ему в триумфе за то, что он-де нажился на войне и с умыслом затягивал ее. Лукулл оказался втянутым в жестокую распря, и, лишь когда первые и наиболее влиятельные граждане пошли по трибам, им насилу удалось, потратив много стараний и просьб, уговорить народ дать согласие на триумф» (Плутарх).

Лукулл весьма равнодушно принял заслуженную высшую награду, однако вырванную у неблагодарных римлян с таким трудом. «Триумф Лукулла не был, как другие, рассчитан на то, чтобы удивить чернь протяженностью шествия и обилием проносимых в нем предметов». И все же, даже против желания триумфатора, зрелище получилось внушительное: «В триумфальном шествии прошли несколько законных в броню всадников, десятков серпоносных колесниц и шестьдесят приближенных и полководцев царя; за ними следовали сто десять военных кораблей с окованными медью носами, золотая статуя самого Митридата в шесть

футов высотой, его щит, усыпанный драгоценными камнями, затем двадцать носилок с серебряной посудой и еще носилки с золотыми кубками, доспехами и монетой, в количестве тридцати двух. Все это несли носильщики, а восемь мулов везли золотые ложа, еще пятьдесят шесть — серебро в слитках и еще сто семь — серебряную монету, которой набралось без малого на два миллиона семьсот тысяч драхм... Затем Лукулл устроил великолепное угощение для жителей Рима и окрестных сел».

Вид несметной добычи пробудил у римлян не самые лучшие чувства. Плутарх, всегда защищавший Лукулла, на сей раз утверждает, что «вред, нанесенный Лукуллом своему отечеству через других людей, перевешивает пользу, которую он принес ему сам». Вред греческий историк видит в том, что богатства, доставленные в Рим, «диадема Тиграна, захваченная и пронесенная в триумфальном шествии — все это подстрекнуло Красса к походу в Азию, внушив ему мысль, что ее обитатели — только добыча и средство наживы и ничего больше. Вскоре, однако, он познакомился с парфянскими стрелами и примером своим доказал, что Лукулл добился победы не потому, что враги были слишком глупы и малодушны, но благодаря собственному мужеству и искусству полководца».

Плутарх молчит о том, сколько золота осталось в кошельке Лукулла, но, видимо, не меньше, чем было пронесено в триумфе и поступило в доход государства.

Жены Лукулла

С женами Лукуллу повезло еще меньше, чем с общественным мнением.

Его первая избранница — Клодия — оказалась средоточием всех пороков, которыми природа только может наградить женщину. Древний автор говорит о ней, используя эпитеты «разнузданная», «бесчестная», «крайне развратная женщина». Вдобавок ко всему историки обвиняют вторую половину Лукулла в порочной связи с собственным братом.

Клодию (так звали ее брата) показалось мало того, что он пользуется женой полководца; ему захотелось получить и часть его славы. Наглец отправился в Азию и надеялся с помощью родственника сделать блистательную карьеру.

Так как Клодий продолжал вести разгульный образ жизни, то его стремления не нашли понимания у Лукулла, и «он пользовался там не таким почетом, как ему хотелось, а хотелось ему быть выше всех; между тем из-за своего образа жизни ему приходилось стоять ниже многих».

Родственник принялся мстить Лукуллу. В том, что солдаты отказывались выполнять распоряжения военачальника, немалая заслуга Клодия. Он притворялся другом солдат, который близко к сердцу принимает их судьбу, и «постоянно возмущался, что войнам и мукам не видно конца, что до последнего дыхания их заставляют биться со всеми народами, сколько их ни есть, и гоняют по всей земле, между тем как достойной награды за все эти походы им нет, а вместо этого приходится сопровождать повозки и верблюдов Лукулла, нагруженных золотыми чашами в драгоценных камнях!».

Не в силах дальше терпеть подлость и предательство, Лукулл развелся с Клодией и разорвал все отношения с ее братом.

Второй женой Лукулла стала Сервилия — сестра Катона, пожалуй, самого порядочного, честного, самого достойного из римлян. Но видимо, боги все положительные качества истратили на Катона, а на сестру ничего не осталось. «И этот брак не был удачным, — отмечает Плутарх. — Чтобы сравняться с Клодией, Сервилии недоставало одного — молвы, что она согрешила с родным братом, а в остальном она была такой же гнусной и бесстыдной. Уважение к Катону долго заставляло Лукулла терпеть ее, но в конце концов он с ней разошелся».

Историей семейной жизни Лукулла перекликается с одной древней притчей.

Однажды к мудрецу пришел молодой человек и попросил совета:

— Есть у меня любимая девушка, но боюсь брать в жены, так как сомневаюсь, что буду с ней счастлив. Что мне делать?

— Женись, друг мой, — ответил мудрец. — Если повезет, ты будешь просто счастливым человеком, если нет — станешь философом.

В философии искал утешения и Лукулл. «Когда же он достиг преклонных лет, — рассказывает Плутарх, — то, отдыхая от многочисленных битв, целиком предался философии, пробуждая в себе склонность к умозрению, а честолюбивые стремления, вспыхнувшие вследствие ссоры с Помпеем, весьма вовремя унимая и подавляя».

На покое

Сенаторское сословие возлагало на Луция Лукулла определенные надежды: аристократы рассчитывали, что удачливый военачальник станет неким противовесом Помпею, влияние которого росло, и это пугало Рим. Но Лукулл отошел от дел.

Роскошь еще не вошла в римскую привычку, то есть люди желали иметь много денег, но, даже разбогатев, не стремились выставлять свое состояние напоказ. Марк Красс — человек, богаче которого не знает римская история, — построил для себя один-единственный дом. Лукулл же в насмешку над римскими традициями остаток жизни провел за размышлениями, что бы еще построить, купить — такого, чего бы дороже не было в Риме. Граждане смотрели на его причуды и не находили себе места от зависти — той самой зависти, которая уничтожила Лукулла как военачальника и государственного деятеля. Но теперь они не могли отозвать его из многочисленных вилл и дворцов, как отозвали решением народного собрания из Азии. Его по-прежнему все осуждали, но Лукулл привык к подобному отношению толпы и почти что издевался над ней. Даже Плутарх, неизменно благосклонный к Лукуллу, неодобрительно покачивает головой, описывая его жизнь после походов:

«В жизнеописании Лукулла, словно в древней комедии, поначалу приходится читать о государственных и военных делах, а к концу — о попойках и пирушках, чуть ли не о пья-

ных шествиях с песнями и факелами, и вообще о всяческих забавах. Ведь к забавам следует отнести, по-моему, и рас- точительное строительство, расчистку мест для прогулок, сооружение купален, а особенно — увлечение картинами и статуями, которые Лукулл собирал, не жалея денег. На эти вещи он щедро тратил огромное богатство, накопленное им в походах, так что даже в наше время, когда роскошь безмер- но возросла, Лукулловы сады стоят в одном ряду с самыми великолепными императорскими садами».

Последнее замечание Плутарха более чем справедливо. Спустя столетие Лукулловыми садами владел сенатор Вале- рий Азиатик и довел их «до поразительного великолепия». На его беду, наследие Лукулла заметила императрица Мес- салина и до такой степени возжелала ими обладать, что окле- ветала Валерия и отправила его на смерть. Перед кончи- ной Валерий осмотрел собственный погребальный костер и попросил перенести его в другое место, чтобы огонь не повредил деревьев чудесного сада.

Недолго наслаждалась Мессалина видом своего приобре- тения. Вскоре она погибнет, пронзенная мечом в тех самых Лукулловых садах...

Однако вернемся к причудам Лукулла, которые поражали современников и потомков. «К этому надо добавить построй- ки на побережье и в окрестностях Неаполя, — продолжа- ет Плутарх, — где он насыпал искусственные холмы, окру- жал свои дома проведенными от моря каналами, в которых разводили рыб, а также воздвигал строения посреди самого моря. Когда стоик Туберон увидел все это, он назвал Лукул- ла “Ксерксом в тоге”».

Подле Тускула у него были загородные жилища, с откры- тыми залами и портиками, с башнями, откуда открывал- ся широкий вид на окрестность; когда там побывал Пом- пей, он неодобрительно сказал Лукуллу, что тот наилучшим образом приспособил поместье для летнего времени, но сде- лал его непригодным для жизни зимой. Лукулл со смехом возразил:

— Что же, ты думаешь, что я глупее журавлей и аистов и не знаю, что надо менять жилье с переменной времени года?»

Но более всего Лукулл прославился своими пирами. «Не только застланные пурпурными тканями ложа, украшенные драгоценными камнями чаши, увеселительное пение и пляска, но также разнообразные яства и не в меру хитро приготовленные печенья вызывали зависть у людей с низменными вкусами».

Плутарх рассказал несколько интересных историй, связанных с этой прихотью отставного военачальника.

Однажды во время болезни Помпея врач предписал ему съесть дрозда. Слуги его сказали, что летом дрозда не найдешь нигде, кроме как у Лукулла, который их разводил. Видимо, у Помпея с Лукуллом в это время были напряженные отношения — тот отказался от прописанного лекарства и произнес:

— Неужели жизнь Помпея может зависеть от Лукулла?

Широко известен случай в сенате, когда «один юнец завел длинную речь, в которой назойливо распространялся о бережливости и воздержанности». Умудренный жизнью сенатор не выдержал и прервал его:

— Да перестань! Ты богат, как Красс, живешь как Лукулл, а говоришь, как Катон!

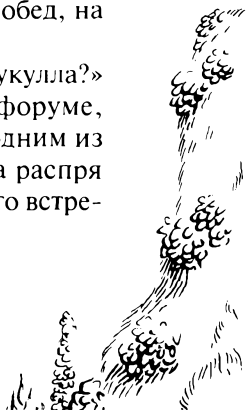
Однажды гостеприимством Лукулла воспользовались приехавшие в Рим греки. Через некоторое время эти люди засовестились, что каждый день на них производятся такие расходы, и стали отказываться от приглашения. Но Лукулл с улыбкой их успокоил:

— Кое-что из этих расходов делается и ради вас, достойные греки, но большая часть — ради Лукулла.

«Когда однажды он обедал в одиночестве и ему приготовили один стол и скромную трапезу, он рассердился и позвал приставленного к этому делу раба; тот ответил, что раз гостей не звали, он не думал, что нужно готовить дорогой обед, на что его господин сказал:

— Как, ты не знал, что сегодня Лукулл угощает Лукулла?»

«...Однажды, когда Лукулл прогуливался на форуме, к нему подошли Цицерон и Помпей. Первый был одним из его лучших друзей, а с Помпеем, хотя у них и была распря из-за командования в Митридатовой войне, они часто встречались и беседовали, как добрые знакомые.

После приветствия Цицерон спросил, нельзя ли к нему зайти; Лукулл ответил, что был бы очень рад, и стал их приглашать, и тогда Цицерон сказал:

— Мы хотели бы отобедать у тебя сегодня, но только так, как уже приготовлено для тебя самого.

Лукулл замылся и стал просить отсрочить посещение, но они не соглашались и даже не позволили ему поговорить со слугами, чтобы он не мог распорядиться о каких-либо приготовлениях сверх тех, какие делались для него самого. Он выговорил только одну уступку — чтобы они разрешили ему сказать в их присутствии одному из слуг, что сегодня он обедает в «Аполлоне» (так назывался один из роскошных покоев в его доме).

Это было уловкой, при помощи которой он все же провел своих друзей; по-видимому, для каждой столовой у Лукулла была установлена стоимость обеда и каждая имела свое убранство и утварь, так что рабам достаточно было услышать, где он хочет обедать, и они уже знали, каковы должны быть издержки, как все устроить и в какой последовательности подавать кушанья. По заведенному порядку обед в «Аполлоне» стоил пятьдесят тысяч драхм; и на этот раз было потрачено столько же, причем Лукуллу удалось поразить Помпея не только величиной расходов, но и быстротой, с которой все было приготовлено».

Лукулл, пожалуй, единственный из множества влиятельных современников, кто окончил свои дни естественной смертью. Красс погиб при попытке повторить его подвиги, Катона, Цицерона, Помпея и прочих перемолола жерновами гражданская война. Плутарх высказывает мнение насчет своевременности ухода этого римского титана:

«Самым завидным в жизни Лукулла можно, пожалуй, считать ее завершение: он успел умереть раньше, чем в жизни римского государства настали те перемены, которые уже тогда уготовлялись ему роком в междоусобных войнах, и окончил дни свои в отечестве, пораженном недугом, но еще свободном».

Однако, тратя свой изощренный талантливый ум на поиски новых и новых увлечений, он в конце концов его

лишился. Видимо, боги обиделись, что их дар тратится на занятие недостойное. Незадолго до смерти «его рассудок помрачился и стал мало-помалу угасать».

Впрочем, Плутарх, ссылаясь на Корнелия Непота, говорит, что «Лукулл повредился в уме не от старости и не из-за болезни, но потому, что его извел своими снадобьями Каллисфен, один из его вольноотпущенников. Каллисфен думал, что действие снадобий внушит его господину большую привязанность к нему, но вместо этого оно расстроило и сгубило рассудок Лукулла, так что еще при его жизни управление имуществом взял на себя его брат».

Над Луцием Лукуллом при жизни посмеивались все, кто только мог и желал, но в день смерти римляне поняли, что потеряли одного из самых достойных граждан. «Народ сбегался в печали, тело было вынесено на форум знатнейшими юношами, а затем толпа хотела силой добиться, чтобы его схоронили на Марсовом поле, где был погребен Сулла». Но брат Лукулла уже подготовил усыпальницу в любимом поместье покойного близ Тускула и с трудом убедил народ не воздавать ему ненужной чести. Его родной брат, Марк, единственный преданный Лукуллу человек в жизни, оказался верным ему и в смерти. После похорон Луция Лициния Лукулла прожил он недолго.

В плену страха

Когда познакомишься с жизнью этого человека в первые три десятка лет, то не можешь вообразить даже в самых смелых фантазиях, кем он станет в последующие годы. Более того, воспитание и римские традиции строго заботились о том, чтобы из него не получилось то, что получилось, — первый римский олигарх.

Марк Лициний Красс (115—53 гг. до н.э.) родился в семье, которая, одна из немногих, соблюдала древние римские традиции. Римская «бедность», привычка довольствоваться только необходимым для жизни — эти благородные моральные принципы успешно забывались после Пунических войн, но не в семье Крассов.

Отец Марка — Публий — был консулом в 97 г. до н.э., затем в качестве проконсула управлял Дальней Испанией и получил триумф за победу над лузитанами. В 89 г. до н.э. старшего Красса избрали цензором. Этой должности удостаивались граждане с безупречной репутацией. Им принадлежало право надзора за поведением и нравами граждан, причем руководствовались цензоры исключительно собственным представлением о долге и не несли никакой ответственности за свои действия. Цензоры наказывали граждан за неподобающее

поведение по отношению к жене и детям: не приветствовалась как жестокость, так и излишняя мягкость в отношении детей; последние держали ответ за неповиновение родителям. И еще цензоры следили, чтобы римляне не слишком увлекались материальными благами: можно было серьезно пострадать за несколько серебряных блюд, которые покажутся римским чиновникам недопустимо роскошными.

«Марк Красс... воспитывался в небольшом доме вместе с двумя братьями, — сообщает Плутарх. — Те женились еще при жизни родителей, и все сходилось за общим обеденным столом. Такая обстановка, по-видимому, весьма содействовала тому, что Красс в течение всей жизни оставался воздержным и умеренным. После смерти одного из братьев он женился на его вдове, имел от нее детей и с этой стороны не уступал в добронравии никому из римлян».

Излишняя суровость воспитания наложила негативный отпечаток на характер Красса. Власть отца, стремившегося быть самым строгим из римлян, настолько давила на домоладцев, что Марк никак не проявил себя в пору юности. Пожалуй, его биография начинается с 26-летнего возраста, когда Красс потерял всех и все.

В 88 г. до н.э. Рим разделился на два лагеря; началась первая в истории Вечного города гражданская война.

Блестящий военачальник и консул, защитник интересов сената и старой римской аристократии — Луций Сулла — отправился воевать в Грецию; этим воспользовалась партия популяров, которую возглавлял другой удачливый полководец и любимец плебеев — Гай Марий. Цели у мятежников были стандартными, то есть, как и у всех революционеров на протяжении многих тысячелетий, — отобрать и поделить. Естественно, желающих поживиться оказалось много; Италия в короткий срок попала под власть демагогов-популяров. А дальше, как прописано в сценарии любой революции, начался террор. Не обошел он и семью Крассов: в числе первых были убиты отец и брат Марка.

Опасаясь за свою жизнь, молодой Красс «взял с собой троих друзей и десять слуг и с величайшей поспешностью бежал в Испанию, где прежде, в бытность отца его наместником,

он жил и приобрел друзей, — рассказывает Плутарх. — Там он застал всех в великом страхе и трепете перед жестокостью Мария, как будто тот находился среди них. Не решившись кому-либо открыться, Красс кинулся в приморское поместье Вибия Пациана, где была большая пещера, спрятавшись в ней, а к Вибию послал одного из своих рабов на разведку, так как и припасы его были уже на исходе. Вибий же, услышав о Крассе, обрадовался его спасению, спросив о числе его спутников и где они находятся. От личного свидания он воздержался, но, тотчас проведя к тому месту управляющего именем, приказал ежедневно носить Крассу готовый обед, ставить его на камень и молча удаляться, не любопытствуя и ничего не высматривая. За излишнее любопытство Вибий пригрозил ему смертью, а за верную службу обещал свободу».

Борьба враждующих группировок велась на территории Италии и Греции. Испания среди моря римской вакханалии оставалась относительно спокойным островом, но Красс соблюдал все мыслимые и немыслимые меры предосторожности. Ежедневно у входа в пещеру появлялся человек и оставлял продукты. Он не видел, для кого предназначалась еда, которая забиралась только после его ухода. Вибий, не скупясь, снабжал всем необходимым Красса и его товарищей. «Пришла ему также в голову мысль о возрасте Красса, — повествует Плутарх, — о том, что он еще молод и что следует подумать о приличествующих его годам удовольствиях, ибо, как полагал Вибий, удовлетворять только насущные нужды — значит служить скорее по необходимости, чем из расположения. Итак, взяв с собою двух красивых прислужниц, он пошел к морю, а придя на место, указал им вход в пещеру и велел войти туда, откинув страх».

Впрочем, страх испытывали не девушки, идущие навстречу неизвестности, а римляне, которым полагалось быть мужественными. Послушаем опять Плутарха:

«При виде вошедших Красс испугался, полагая, что убежище его выслежено и обнаружено, и спросил девушек, кто они и что им нужно. Когда же те, наученные Вибием, ответили, что ищут скрывающегося здесь своего господина, Красс,

поняв любезную шутку Вибия, принял девушек, и они жили с ним все остальное время, осведомляя о его нуждах Вибия».

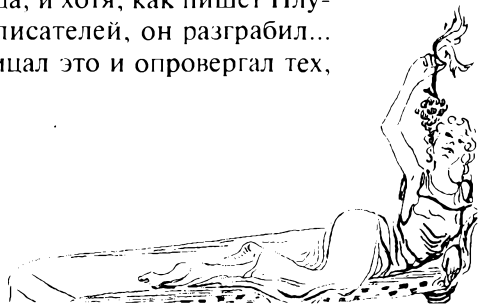
С девушками у Марка все получалось отлично. Источник, которым пользовался Плутарх, утверждает, «что видел одну из них уже старухой и не раз слышал, как она охотно вспоминала и рассказывала об этом случае».

В пещере Красс скрывался восемь месяцев. Какая должна быть сила страха, чтобы добровольно заточить себя на такой срок! Тем более что в характере Красса никогда не наблюдалась склонность к отшельничеству. Лишь узнав о смерти Цинны — одного из вождей популяров, — потомок консула и цензора пересилил страх и покинул убежище.

Первые доходы

Род Крассов получил в Испании известность благодаря отцу Марка, который, как мы помним, был ее наместником. Едва прошел слух, что в этих краях объявился Марк Красс, к нему поспешило множество недовольных и обиженных. В короткое время он стал предводителем небольшого войска, и волей-неволей ему пришлось действовать, чтобы окончательно не прослыть трусом.

Он отобрал 2500 человек и направился в рейд по Испании. Серьезных противников на избранном пути не оказалось, и Красс без особого труда захватил приморский город Малаку. Именно здесь он получил свой первый доход, причем неблагоприятным (в нашем понимании) способом — Малака была дочиста разграблена. Что поделаешь, Красс в тот момент был беднее нищего и восемь месяцев жил за счет милосердного Вибия — когда-нибудь такое положение вещей должно надоест. Тем более что взять добычу на войне никогда не считалось зазорным. Однако Крассу был неприятен такой способ получения дохода, и хотя, как пишет Плутарх, «по свидетельству многих писателей, он разграбил... Малаку, но сам он, говорят, отрицал это и опровергал тех, кто заводил об этом речь».

После этого Красс совершил длительное путешествие по необъятным римским владениям. Он не решился продолжать воевать в Испании и на захваченных грузовых судах переправился в Африку. Здесь ставленник Суллы — Метелл Пий — собрал немалое войско, и, конечно, под его защитой находиться было безопаснее. Однако в Африке Марк не задержался: по какой-то причине он рассорился с Метеллом и отправился к Сулле в Грецию. Здесь он «оставался среди его приверженцев, пользуясь величайшим почетом». Но, как только дошло до настоящего дела, Красс вновь оказался в плену страха и едва не погубил свою карьеру. Но к счастью Луций Корнелий Сулла был не только хорошим полководцем, но и неплохим воспитателем. Вот что об этом случае рассказывает Плутарх:

«После переправы в Италию Сулла, желая использовать всю бывшую с ним молодежь как усердных соратников, каждого из них приставил к какому-нибудь делу. Красс, которому поручено было отправиться в землю марсов для набора войска, просил дать ему охрану, так как дорога проходила вблизи неприятеля. Сулла же, разгневавшись на него, резко ответил:

— Я даю тебе в провожатые твоего отца, брата, друзей, родных — за них, незаконно и без вины казненных, я мщу убийцам!

Получив такую отповедь, Красс, задетый за живое, тотчас же отправился и, отважно пробившись сквозь неприятельское расположение, собрал многочисленное войско, а затем ревностно помогал Сулле в его борьбе».

Красс довольно скоро освоился в кровавой круговерти, он не только выжил, но и вновь улучшил свое благосостояние. Будучи легатом Суллы, он взял небольшой городок Тудертию и, как сообщает Плутарх, присвоил «большую часть ценностей, и об этом донесли Сулле».

Поступок чрезвычайно смелый, так как Сулла приказал шадить римлян и за мародерство грозила суровая кара. Более того, все легионеры Суллы принесли клятву «самовольно не чинить в Италии никаких насилий».

Грабёж Тудертии — это верный признак того, что Красс избавился от позорного чувства. Однако встреча с Суллой ничего хорошего не сулила. Спасти его могло только чудо, и сребролюбец его совершил.

Трус становится героем

Счастье сопутствовало Крассу: он прибыл в лагерь Суллы, когда тот готовился к самой трудной, решающей битве гражданской войны. Под Римом, у самых Коллинских ворот, сошлись враждебные армии — тут уж было не до ограбленного провинциального городка. Марк Красс был поставлен командовать правым крылом войска.

Битва началась неудачно для Суллы. Воинственные италийские народы, привлеченные мятежниками, дрались, как раненые львы. Самниты и луканцы опрокинули левый фланг Суллы и теснили центр. Военачальник пытался остановить бегущих легионеров, но едва не погиб и оставил эту затею.

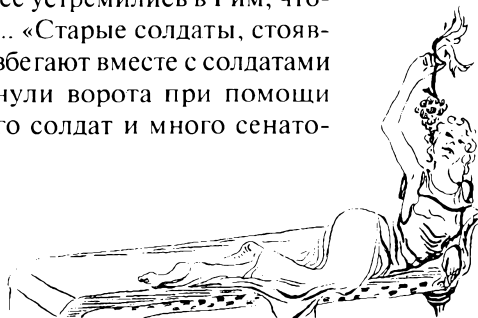
С богами у Суллы были напряженные отношения: в Греции он дочиста обобрал священные Дельфы, но теперь не осталось иного спасения, как просить помощи у ограбленных богов.

«Рассказывают, — читаем у Плутарха, — что у Суллы было золотое изваяньище Аполлона, вывезенное из Дельф, которое он в сражениях всегда носил спрятанным на груди, а в этот раз, целуя его, обратился к нему со словами:

— О, Аполлон Пифийский, ты, кто в стольких сражениях прославил и возвеличил счастливого Суллу Корнелия, кто довел его до ворот родного города, неужели ты бросишь его теперь вместе с согражданами на позорную гибель?

Воззвав в таких словах к богу, Сулла принял одних умолять, другим угрожать, третьих стыдить. Наконец, когда левое крыло все же было разбито, он, смешавшись с бегущими, укрылся в лагере, потеряв много товарищей и близких. Немало римлян, которые вышли поглядеть на сражение, тоже нашли свою гибель под копытами лошадей, так что с городом, казалось, было уже покончено...»

Аполлон то ли не захотел помочь, то ли оказался бессильным перед повальным бегством. Все устремились в Рим, чтобы спрятаться за его стенами. Но... «Старые солдаты, стоявшие на стенах, завидев, что враги вбегают вместе с солдатами левого фланга в ворота, захлопнули ворота при помощи машины; при этом погибло много солдат и много сенато-

ров, и все остальные от страха и в силу необходимости обратились против неприятеля» (Аппиан).

В то время, когда полный отчаянья Сулла готовился к худшему, правый фланг Красса опрокинул противника и пришел на помощь военачальнику.

После победы Красс не получил никаких почестей, но не был и наказан...

Во время войны возвысился никому до сих пор не известный, незнатный всадник Гней Помпей. Двадцатитрехлетний юноша набрал по собственному почину три легиона и обратился в бегство посланные против него войска популяров. «Помпей рассчитывал на великие почести со стороны Суллы, но получил даже больше, чем ожидал, — рассказывает Плутарх. — Завидев приближение Помпея с войском, состоявшим из сильных и здоровых людей, гордых своими победами, Сулла соскочил с коня. Как только Помпей приветствовал его по обычаю, назвав императором, Сулла, в свою очередь, назвал его этим же именем, причем никто не ожидал, что Сулла присвоит человеку молодому, еще даже не сенатору, тот титул, за который сам он сражался со Сципионами и Мариями». К своему имени Помпей получил почетное дополнение — Магн (Великий).

После этих событий, по словам Плутарха, в Крассе «и зародились впервые честолюбивые замыслы и стремление соперничать в славе с Помпеем. Помпей, хотя и годами был моложе Красса, и родился от отца, пользовавшегося в Риме дурную репутацией, навлекшего на себя глубокую ненависть сограждан, уже покрыл себя блеском побед в тогдашних войнах и выказал себя поистине великим... Это раззадоривало и раздражало Красса, которого не без основания ставили ниже Помпея. Ему недоставало опытности, а красоту его подвигов губили владевшие им от природы злые силы — корыстолюбие и скарденность».

Однажды, когда слуга доложил: пришел Помпей Великий, Красс со смехом спросил: «И какой же он величины?»

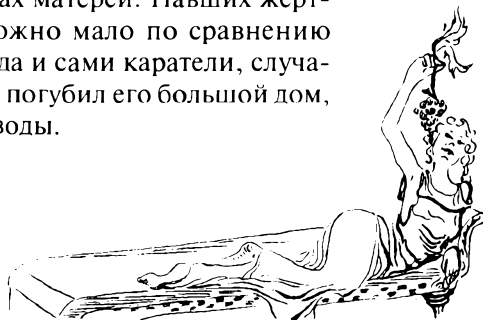
Соперничество носило характер спортивного состязания; Красс не испытывал к Помпею вражды, коварство ему было

не присуще. То было истинно римское стремление быть первым, стремление догнать и обойти лидера в забеге, именующем жизнью.

Кровавые капиталы

Кровь продолжала литься и после гражданской войны. Сулла бывал великодушным, но никто из виновников гражданской войны не получил прощения. Он безжалостно уничтожил всех, кто занимал командные должности в войске противника и сражался до последних битв: преторы, квесторы, военные трибуны были обречены на гибель. «Сразу же после этого Сулла, присудил к смертной казни до сорока сенаторов и около тысячи шестисот так называемых всадников, — приводит цифры Аппиан. — Сулла, кажется, первый составил списки приговоренных к смерти и назначил при этом подарки тем, кто их убьет, деньги — кто донесет, наказание — кто приговоренных укроет. Немного спустя он к проскрибированным сенаторам прибавил еще других. Все они, будучи захвачены, неожиданно погибали там, где их настигли, — в домах, в закоулках, в храмах, некоторые в страхе бросались к Сулле, и их избивали до смерти у ног его, других оттаскивали от него и топтали. Страх был так велик, что никто из видевших все эти ужасы даже пикнуть не смел».

Вначале римляне с ужасом взирали на то, как убивают их товарищей. Но мало-помалу не только привыкли к виду братской крови, но увлеклись кампанией и под шумок принялись решать личные проблемы. Убийственные списки составлялись в каждом городе Италии. «И не остались не запятанными убийствами ни храм бога, ни очаг гостеприимца, ни отчий дом, — возмущается Плутарх. — Мужей резали на глазах жен, детей — на глазах матерей. Павших жертвою гнева и вражды было ничтожно мало по сравнению с теми, кто был убит из-за денег, да и сами каратели, случалось, признавались, что такого-то погубил его большой дом, другого — сад, а иного — теплые воды.

Квинт Аврелий, человек, чуждавшийся государственных дел, полагал, что беда касается его лишь постольку, поскольку он сострадает несчастным. Придя на форум, он стал читать список и, найдя там свое имя, промолвил:

— Горе мне! За мною гонится мое альбанское имя.

Он не ушел далеко, кто-то бросился следом и прирезал его».

Имущество казненных поступало на торги; дальновидный Сулла этой процедурой стремился повязать всех влиятельных римлян. Большинство сенаторов посещало аукционы исключительно для того, чтобы угодить диктатору.

Менее шепетильные люди составляли огромные состояния на конфискациях, так как имущество продавалось по ничтожно малой цене. Многие из вольноотпущенников Суллы стали обладателями сенаторских вилл, домов в Риме, которые явно не соответствовали их положению. Простой центурион диктатора нажил на перепродаже десять миллионов сестерциев. Один из сенаторов в частной беседе заметил: неужели знать вела долгую и кровопролитную войну только для того, чтобы сделать своих вольноотпущенников и слуг богатыми людьми?

На аукционах обретался и Марк Красс и, видимо, был одним из самых активных посетителей распродаж. Подобный способ обогащения осуждает Плутарх:

«Если говорить правду, далеко не делающую ему чести, то большую часть этих богатств он извлек из пламени пожаров и бедствий войны, использовав общественные несчастья как средство для получения огромнейших барышей, — далее греческий автор нехотя оправдывает несимпатичного ему героя; Красс, оказывается, был поставлен перед необходимостью совершать покупки: — Ибо, когда Сулла, овладев Римом, стал распродавать имущество казненных, считая и называя его своей добычей, и стремился сделать соучастниками своего преступления возможно большее число лиц, и притом самых влиятельных, Красс не отказывался ни брать от него, ни покупать».

Через несколько глав биографии Красса Плутарх снова возвращается к позорной теме. На уровне слухов, не называя конкретных имен, греческий историк возводит на него более суровое обвинение. Здесь сработала личная антипа-

тия Плутарха: Красс не входил в число его любимцев, и это видно невооруженным глазом. Олигархов не любили во все времена, все народы, миллионеров ругали даже те, кто ел с их стола. И Плутарх дал волю своим чувствам, не считаясь с исторической справедливостью:

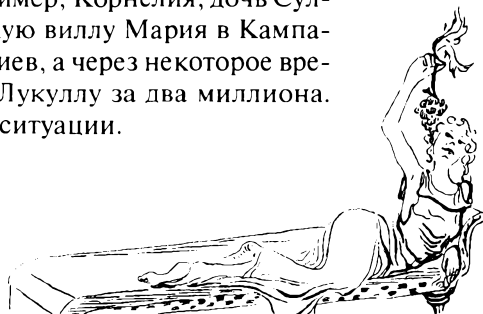
«Во время казней и конфискаций о нем опять пошла дурная слава — он скупает за бесценок богатейшие имущества или выпрашивает их себе в дар. Говорят также, что в Бруттии он кого-то внес в списки не по приказу Суллы, а из корыстных побуждений и что возмущенный этим Сулла больше не пользовался его услугами ни для каких общественных дел. Красс был очень силен в умении уловлять людей лестью, но и свою очередь легко уловлялся льстивыми речами. Отмечают в нем еще одну особенность: будучи сам до последней степени алчен, он терпеть не мог себе подобных и всячески поносил их».

Свой начальный капитал Красс не прокутил, но вложил в дело. Республиканский Рим был не очень подходящим местом для того, чтобы зарабатывать деньги, — для сенаторского сословия это считалось позорным занятием. Но Красс не привык зависеть от общественного мнения...

Прибыль из пламени пожаров

В древности Рим горел постоянно. Особенно часто это происходило зимой из-за пользования жаровнями для обогрева комнат и свечами и факелами для освещения. Многочисленные праздники с факельными шествиями и обильными возлияниями вина часто заканчивались пожарами. А так как дома стояли очень близко друг от друга, выгорали целые кварталы.

С другой стороны, после гражданской войны выросли цены на недвижимость. Так, например, Корнелия, дочь Суллы, купила роскошную приморскую виллу Мария в Кампании всего за триста тысяч сестерциев, а через некоторое время продала ее Луцию Лицинию Лукуллу за два миллиона. Красс быстро сориентировался в ситуации.

«Имея перед глазами постоянный бич Рима — пожары и осадку зданий, вызываемую их громоздкостью и скученностью, — рассказывает Плутарх, — он стал приобретать рабов — архитекторов и строителей, а затем, когда их набралось у него более пятисот, начал скупать горевшие и смежные с ними постройки, которые задешево продавались хозяевами, побуждаемыми к тому страхом и неуверенностью. Таким-то образом большая часть Рима стала его собственностью».

Будучи богатейшим человеком, Красс оставался верным отцовским принципам умеренности. Для себя лично он построил дом, но ничего, кроме него, «а о любителях строить» говорил, что они помимо всяких врагов сами себя разоряют».

Деловые интересы Красса поистине не знали предела.

«Он владел также великим множеством серебряных рудников, богатых земель, обеспеченных работниками, но все это можно было считать ничтожным по сравнению со стоимостью его рабов — столько их у него было, да притом таких, как чтецы, писцы, пробирщики серебра, домоправители, подавальщики. За обучением их он надзирал сам, внимательно наблюдая и давая указания, и вообще держался того мнения, что господину надлежит заботиться о своих рабах как об одушевленных хозяйственных орудиях. Красс был, конечно, прав, полагая, что всем прочим в хозяйстве следует, как он говорил, распоряжаться через рабов, а рабами должно управлять самому».

Похвалив Красса, Плутарх по своей традиции тут же не преминул поддеть его: «Но неумно было с его стороны не признавать и не называть богатым того, кто не в состоянии содержать на свои средства целое войско». Что ж, сам Красс имел такую возможность и, когда понадобилось, воспользовался ею. Он копил не для тяжелых сундуков.

На других поприщах

Преватив свое огромное хозяйство в отлаженный механизм, Красс развязал себе руки для общественной деятельности. Он не стал изобретать колесо, но пошел ста-

рым проверенным способом, чтобы добиться популярности у граждан. Риторике осваивали все, кто желал занять любую выборную должность. Марк был честолюбив и не собирался заживо схоронить себя на многочисленных стройках, рудниках, виноградных плантациях.

Красс стал широко известным человеком, хотя, как ни странно, не занимал никакой государственной должности. Механизм его популярности раскрывает Плутарх:

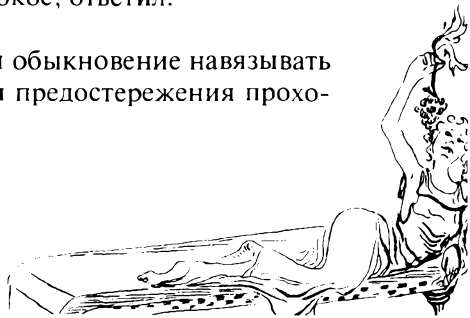
«Отчаявшись сравняться с Помпеем на военном поприще, он погрузился в гражданские дела и ценою больших усилий, ведя судебные защиты, ссужая деньгами и поддерживая тех, кто домогался чего-либо у народа, приобрел влияние и славу, равную той, какую снискал себе Помпей многими великими походами. В результате же с ними происходило нечто неожиданное: пока Помпея не было в Риме, влияние и известность его были преобладающими благодаря славе его походов. Когда же Помпей сам был в Риме, в борьбе за влияние его часто побеждал Красс, причиною чего было высокомерие Помпея и его недоступность в общении... Красс же постоянно оказывал всем содействие, не был ни нелюдимым, ни недоступным и, живя среди непрерывных хлопот, обходительностью своей и доброжелательством брал верх над чванным Помпеем».

Красс не угождал всем и каждому, с нуждой и без нужды, как может показаться на первый взгляд, — он, как и Помпей, мог позволить себе не считаться с общественным мнением. Но это был человек широкой души, он относился хорошо к людям не только по необходимости. При этом он не прощал причиненного ему зла. Следующая история Плутарха довольно точно характеризует Красса:

«Сила его заключалась и в умении угождать, но прежде всего — во внушаемом им страхе. Недаром Сициний, человек, доставлявший немало хлопот тогдашним должностным лицам и вожакам народа, на вопрос, почему он одного лишь Красса не трогает и оставляет в покое, ответил:

— У него сено на рогах.

Дело в том, что римляне имели обыкновение навязывать бодливому быку на рога сено для предостережения прохожих».

Талантливый человек талантлив во всем. Это признает и Плутарх:

«Что касается умственных занятий, то он упражнялся главным образом в ораторском искусстве, стремясь завоевать известность у народа. Будучи от природы одним из первых среди римлян ораторов, Красс старанием и трудом достиг того, что превзошел даровитейших мастеров красноречия».

И вот Риму явился адвокат, перед железной логикой которого отступали самые строгие судьи. Уже первые несколько дел принесли ему шумный успех.

Красс защищал с одинаковым усердием и знатного сенатора, и нищего плебея, хотя с последнего, даже в случае успеха, вряд ли можно взять и несколько ассов.

Профессия адвоката считалась высокодоходной в Риме, но едва ли Красс что-нибудь заработал, хотя и выиграл дела всех своих подзащитных. Адвокатская практика принесла ему кое-что дороже золота. Успех, слава, известность и чувство удовлетворения от побед — вот они, самые большие дивиденды в новом деле. Человеку, обремененному огромным богатством, получить признание среди бедных чрезвычайно трудно, ибо богатство вызывает скорее зависть и ненависть, но никак не уважение. Красс вопреки всему добился популярности среди римского плебса.

«Не было, говорят, такого мелкого и ничтожного дела, за которое он бы взялся, не подготовившись, — продолжает Плутарх. — И не раз, когда Цезарь, Помпей или Цицерон не решались взять на себя защиту, Красс проводил ее успешно. Этим-то он всего больше и нравился народу, прослыв человеком, заботящимся о других и готовым помочь. Нравилась также его обходительность и доступность, проявлявшиеся в том, как он здоровался с приветствовавшими его. Не было в Риме такого безвестного и незначительного человека, которого он при встрече, отвечая на приветствие, ни назвал бы по имени.

Говорят еще, что Красс был сведуш в истории и не чужд философии. Следовал он учению Аристотеля, наставником же его был Александр, который совместно жизнью с Крассом доказал свою непритязательность и кротость, ибо труд-

но сказать, был ли он беднее до того, как пришел к Крассу, или, напротив, стал еще беднее после этого».

Дело, видимо, не в фантастической жадности Красса, а в том, что Александр принадлежал к философской школе, равнодушной к мирским благам.

Над философскими пристрастиями Красса не преминул посмеяться и острый на язык Цицерон. Однажды Красс заметил, что ему нравятся стоики, утверждающие, что богат тот, кто добродетелен.

— А не тем ли, скорее, они тебе нравятся, — заметил Цицерон, — что согласно их учению все принадлежит мудрому?

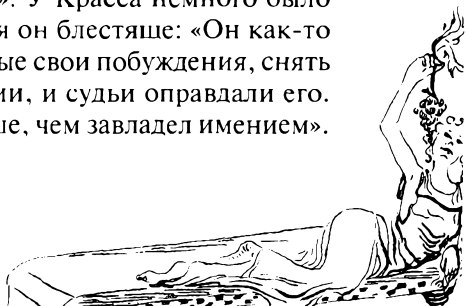
К тому времени Красс владел половиной домов в Риме.

Красс и женщины

Скандал — самое верное средство добиться популярности, но и ему есть предел. Красс делал все с необыкновенным размахом и в неприятную историю попал весьма нешуточную. Такой популярности он явно не желал! «В более зрелом возрасте он был обвинен в сожительстве с одной из дев-весталок — Лицинией, — рассказывает Плутарх. — Лициния также подверглась судебному преследованию со стороны некоего Плотина».

Потеря невинности весталкой была для Рима чем-то вроде общенациональной катастрофы. Виновницу живой закапывали в землю, а ее соавратора засекали насмерть розгами.

Связь с весталкой весьма сомнительна. Плутарх оправдывает своего антигероя, не упуская возможности лишний раз упрекнуть его в жадности: «У Лицинии было прекрасное имение в окрестностях Рима, и Красс, желая дешево его купить, усердно ухаживал за Лицинией, оказывая ей услуги, и тем навлек на себя подозрения». У Красса немного было вариантов защиты, но выкрутился он блестяще: «Он как-то сумел, ссылаясь на корыстолюбивые свои побуждения, снять с себя обвинение в прелюбодеянии, и судьи оправдали его. От Лицинии же он отстал не раньше, чем завладел имением».

По большому счету слабый пол, похоже, не интересовал Красса, он прекрасно управлялся со своими природными инстинктами и не желал тратить время на подобные мелочи. Несмотря на огромное богатство, Марк вел почти спартанский образ жизни и довольствовался малым в повседневной жизни.

У Марка Красса была одна-единственная жена — Тертулла. Она являлась вдовой старшего брата, погибшего в начале гражданской войны. Жениться таким образом было древней римской традицией; Красс ее исполнил, но со своей избранницей был довольно холоден, по крайней мере, недостаточно уделял ей внимания. Тертулла откровенно скучала, и скучать предпочитала не одна. Светоний называет ее в числе любовниц Гая Юлия Цезаря.

Один из сыновей Красса был похож на некоего Аксия, и «этим сходством навлекал бесчестие на свою мать». Однако красноречием он походил на отца. И когда он выступил в сенате с речью, даже язвительный Цицерон произнес:

— Достоин Красса.

Поговорим о жадности Красса

Плутарх стремился выделить нехорошие черты характера Красса и к месту, и не к месту. В результате о Крассе утвердилось мнение как о человеке сверхжадном.

«Римляне утверждают, что блеск его многочисленных добродетелей омрачается лишь одним пороком — жадной наживы, — говорит Плутарх. — А я думаю, что этот порок взял верх над остальными его пороками, сделал их лишь менее заметными. Лучшим доказательством его корыстолюбия служат и те способы, какими он добывал деньги, и огромные размеры состояния».

Это не мешает Плутарху удивляться размерам благотворительности Красса, которые никак не увязываются с образом законченного скряги: «Первоначально Красс имел не более трехсот талантов, а когда он стал во главе государства, то, посвятив Геркулесу десятую часть своего имущества, устроив угощение для народа, выдав каждому римлянину из своих

средств на три месяца продовольствия, — при подсчете своих богатств перед парфянским походом все же нашел, что стоимость их равна семи тысячам ста талантам».

Рассказывая о Крассе, Плутарх невольно опровергает самого себя: «Красс любил показывать свою щедрость гостям. Дом его был открыт для всех, а своим друзьям он даже давал деньги взаймы без процентов, но вместе с тем по истечении срока требовал их от должников без снисхождения, так что бескорыстие его становилось тяжелее высоких процентов. На обедах его приглашенными были преимущественно люди из народа, и простота стола соединялась с опрятностью и радушием, более приятным, чем роскошь».

Древний автор упрекает Красса в том, что тот требовал возвращения долгов, но Марк Лициний был деловой человек — он любил точность и ответственность.

Именно щедрости Красса был обязан началом своей карьеры Гай Юлий Цезарь, который имел поразительную способность делать долги. Когда он собирался отправиться в Испанию в качестве пропретора, кредиторы задержали его отъезд, и выручил Красс, поручившийся за Цезаря на огромную сумму — восемьсот тридцать талантов. Заметим, что Цезарь отправлялся далеко не в спокойную провинцию и Красс имел все шансы потерять эти деньги.

Напоследок Плутарх сравнивает Красса с Никием — афинским политическим деятелем, которого также считали богатым человеком:

«Однако по сравнению с тем, что тратил Красс на угощение многих десятков тысяч людей или даже на полный их прокорм, все имущество Никия вместе с его расходами представляется каплей в море».

Позорная война

В 74 г. до н.э. некий Лентул Батиат из Капуи потерпел значительные убытки. Из его гладиаторской школы бежало семьдесят восемь гладиаторов во главе с фракийцем Спартаксом.

Римляне были готовы и к таким событиям — существовала целая каста бесстрашных охотников за беглыми рабами. Их труд щедро оплачивался — за каждого пойманного или убитого раба полагалось большое вознаграждение. Беглецов настигали обычно через несколько дней. Самым удачливым удавалось скрываться в горах и лесах по нескольку месяцев. Конец для всех искателей свободы был один: мучительная смерть на кресте или на арене цирка, где непокорных скармливали диким животным на потеху толпе.

На этот раз отлаженная за столетия римская технология дала сбой. Любители острых ощущений, поспешившие из Капуи вдогонку за Спартаком, были разбиты и уничтожены. Гладиаторы укрылись на вулкане Везувий. «Отсюда, — пишет Аппиан Александрийский, — приняв в состав шайки многих беглых рабов и кое-кого из сельских свободных работников, Спартак начал делать набег на ближайшие окрестности».

Нельзя сказать, что римляне несерьезно отнеслись к появлению разбойничьей банды. Из Рима был послан претор Клавдий с трехтысячным отрядом, но никто не ожидал, что предводитель гладиаторов окажется талантливейшим стратегом, превосходно знавшим римскую боевую тактику. Клавдий был обманут и разбит вдребезги презираемыми рабами. Победа раздула бунтарский очаг. «Тогда к ним присоединились многие из местных волопасов и овчаров — народ все крепкий и проворный», — повествует Плутарх.

Следующими пытались изничтожить Спартака претор Публий Вариний вместе с легатом Коссинием. Это мероприятие закончилось еще позорнее: Коссиний погиб в битве, а претор едва избежал плена — в руки восставших попали ликторы Публия Вариния и его конь. Число рабской армии достигло 70 тысяч, и она безнаказанно бродила по Италии. Рабы разграбили богатую Кампанию; затем, оставив за собой дотла разоренную Луканию, устремились к Альпам.

«Раздражение, вызванное в сенате низким и недостойным характером восстания, уступило место страху и сознанию опасности, и сенат отправил против восставших, как на одну из труднейших и величайших войн, обоих консулов

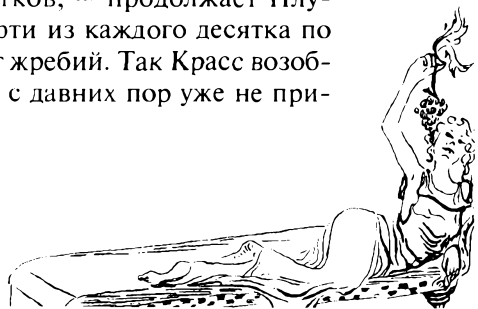
разом», — пишет Плутарх. И оба консула по очереди были разбиты Спартаксом.

Возмущенный сенат приказал побитым консулам не трогаться с места, пока их не сменят, а римлян тем временем охватил уже не страх, но панический ужас. Третий год длилась война; армия рабов, согласно Аппиану, достигла 120 тысяч, а у римлян были на исходе и полководцы и легионы. Римляне не могли позволить себе ошибку в выборе очередного военачальника, и они поручили ведение войны со Спартаксом человеку, способному решить любую проблему, то есть Марку Крассу, который уже отметил сорокалетний юбилей и за порогом этого события получил первую выборную должность — претора. Граждан несколько не смутило то обстоятельство, что избранный более десяти лет не держал в руках меча — со времени памятной битвы у Коллинских ворот.

Осенью 72 г. до н.э. Красс получил шесть торопливо набранных легионов, еще два легиона (остатки консульских армий) присоединились в пути. Своему легату Муммию он велел с частью войска следовать за Спартаксом, но не вступать в сражение и даже избегать мелких стычек. Но как тут удержаться, когда противник кажется таким беззащитным... «Муммий, — по словам Плутарха, — при первом же случае, позволявшем рассчитывать на успех, начал бой и потерпел поражение, причем многие из его людей были убиты, другие спаслись бегством, побросав оружие. Оказав Муммию суровый прием, Красс вновь вооружил разбитые части, но потребовал от них поручителей в том, что оружие свое они впредь будут беречь».

Крассу очень не понравилось, что римляне опять дали себя разбить, — ведь это были его легионеры, это было его поражение. Что ж, предприниматель навсегда отучит своих солдат бросать оружие и бежать от рабской армии.

«Отобрав затем пятьсот человек — зачинщиков бегства и разделив их на пятьдесят десятков, — продолжает Плутарх, — он приказал предать смерти из каждого десятка по одному человеку — на кого укажет жребий. Так Красс возобновил бывшее в ходу у древних и с давних пор уже не при-

менявшееся наказание воинов; этот вид казни сопряжен с позором и сопровождается жуткими и мрачными обрядами, совершающимися у всех на глазах».

Отныне легионеры боялись своего военачальника больше, чем всей армии гладиаторов. Лишь будучи уверенным в войске, Красс повел его на врага.

Следуя друг за другом, римляне и гладиаторы оказались на узком Регийском полуострове — в самом носке италийского «сапога». Казалось, столкновения не избежать. На столь малом пространстве просто невозможно разойтись двум враждебным армиям, но Красс не собирался испытывать судьбу в одном решающем сражении. Сама природа подсказала ему другой путь к победе, более долгий, но и более надежный. Претор приказал в самом узком месте полуострова выкопать огромный ров и насыпать вал. Легионеры Красса, ставшие теперь на редкость послушными, отложили мечи и с отменным рвением взялись за лопаты и кирки.

Великая и трудная работа сверх всяких ожиданий была выполнена очень быстро. Словно ножом, римляне разрезали перешеек рвом длиной в триста стадий (53,5 км), шириной и глубиной в пятнадцать футов (4,5 м). Вдоль рва возвели стену, поражающую своей высотой и прочностью.

Красс отгородил рабов от Италии, кроме того, уберег своих легионеров от вредного безделья. Богач знал: ничто так не развращает человека, как лень и невозможность заниматься трудом — физическим или умственным. Сражение с гладиаторами теперь казалось легионерам легкой прогулкой.

Спартак тем временем надеялся ускользнуть от Красса морем. Он договорился с киликийскими пиратами о переброске на Сицилию двух тысяч гладиаторов и даже уплатил им аванс. Однако пираты обманули Спартака и покинули пролив — даже морские разбойники побоялись встать на пути человека с «сеном на рогах». В отчаянии рабы, по свидетельству Флора, пытались «совершить переправу на плотках из бревен и на бочках, связанных виноградными лозами», но буря разбила вдребезги все плавучие средства.

Планы Спартака рухнули. Богатая Сицилия в ясную погоду прекрасно была видна рабам, но оставалась недоступной. Стена Красса заперла рабов на полуострове, где ничего не имелось для поддержания жизни.

«Когда Спартак был принужден попытаться пробить себе дорогу в Самний, — рассказывает Аппиан, — Красс на заре уничтожил около шести тысяч человек неприятелей, а вечером еще приблизительно столько же, в то время как из римского войска было только трое убитых и семь раненых. Такова была перемена, происшедшая в армии Красса благодаря введенной им дисциплине».

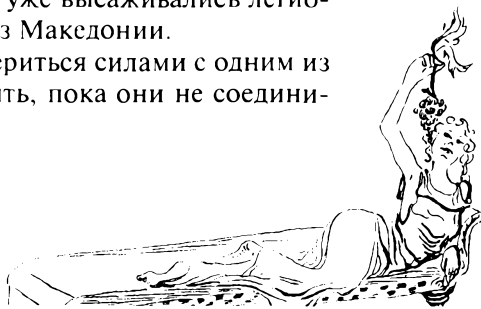
Обе стороны готовились к решающей битве, — без нее было не обойтись. Гордые римляне не вели никаких переговоров с рабами; чтобы и у рабов не осталось иллюзий по поводу мирного соглашения, Спартак приказал повесить на нейтральной полосе пленного римлянина.

Победой пришлось делиться

Спартак долго прощупывал линию Красса. По словам Аппиана, он «больше не шел в бой со всем своим войском, но часто беспокоил... мелкими стычками». За каждодневными укусами врагов римляне опять утратили бдительность. Спартак, «дождавшись снежной и бурной зимней ночи, засыпал небольшую часть рва землей, хворостом и ветками» и вырвался на италийские просторы.

Красс был в бешенстве. Римляне, которым надоела бесконечная война с собственными рабами, выбрали еще одного главнокомандующего (именно так — подчиняться оба военачальника не умели) — Гнея Помпея Великого. Последний спешно вернулся из Испании и готовился выступить против Спартака. Войско гладиаторов направилось к Брундизию, но в крупнейшем римском порту уже высаживались легионы Марка Лукулла, прибывшие из Македонии.

Спартаку осталось только помериться силами с одним из противников; и следовало спешить, пока они не соедини-

лись вместе. Фракиец двинулся навстречу старому знакомому — Марку Лицинию Крассу. Брошенная перчатка была поднята Крассом. Благоразумнее было дожидаться Помпея, который спешил на выручку, но Красс понимал, что за помощь придется отдать часть славы.

Сражение состоялось на просторах Лукании. Спартак поступил так же, как римские полководцы часто делали накануне судьбоносных сражений.

«Перед началом боя ему подвели коня, — рассказывает Плутарх, — но он выхватил меч и убил его, говоря, что в случае победы получит много хороших коней от врагов, а в случае поражения не будет нуждаться и в своем. С этими словами он устремился на самого Красса; ни вражеское оружие, ни раны не могли его остановить, и все же к Крассу он не пробился и лишь убил двух столкнувшихся с ним центурионов. Наконец, покинутый своими соратниками, бежавшими с поля битвы, окруженный врагами, он пал под их ударами, не отступая ни на шаг и сражаясь до конца».

Шесть тысяч гладиаторов попало в плен. Нескольким тысячам рабов под покровом ночи удалось бежать и укрыться в горах, и с ними разбирался другой главнокомандующий. Пять тысяч беглецов оказались в плену у Помпея и были немедленно казнены. Таким образом, не Крассу удалось поставить последнюю точку в войне с рабами. Помпей Великий написал в сенат, что в открытом бою беглых рабов победил Красс, а он, перебив остатки мятежников, уничтожил самый корень войны.

Красс выместил злобу на пленных рабах. Шесть тысяч несчастных были распяты на крестах вдоль Аппиевой дороги от Капуи до Рима.

Римляне постарались как можно скорее забыть недостойную войну, и соответственно настоящий победитель Спартака был обделен почестями. «Красс и не пытался требовать большого триумфа за победу в войне с рабами, — сообщает Плутарх, — но даже и пеший триумф, называемый овацией, который ему предоставили, был сочтен неуместным и унижающим достоинство этого почетного отличия».

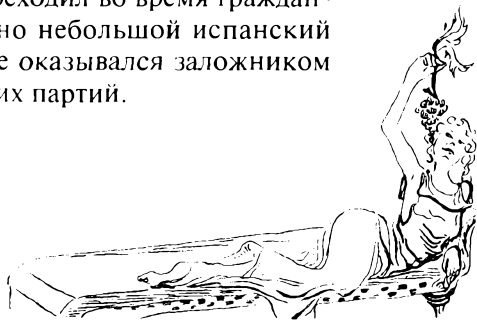
Консул

В 70 г. до н.э. Красс получил консульство совместно с Помпеем.

Накануне выборов Красс, не рассчитывая на свои силы, прибег к помощи Помпея, который в те времена был народным кумиром. Гордый Помпей чрезвычайно обрадовался, что с просьбой к нему обратился замечательный оратор, самый богатый из граждан и один из самых влиятельных тогдашних государственных деятелей. Помпей с таким усердием принялся хлопотать за Красса, что немало удивил римлян. Накануне выборов он заявил в Народном собрании, что будет так же благодарен за товарища по должности, как и за само консульство. С такой протекцией Крассу было просто невозможно не победить на выборах.

Помпей не подумал лишь о главном — что должность ему придется занимать вместе с Крассом; а следовало бы в первую очередь оценить последствия. Их единодушию пришел конец после того, как они облачились в консульские тоги. И для римлян консульство Помпея и Красса стало сплошным кошмаром.

Вначале консулы не торопились распускать войска. У каждого был свой предлог: Помпей ждал испанского триумфа, а Красс — когда войско распустит Помпей. Римляне с ужасом обнаружили, что у ворот города стоят две огромные армии — Красса и Помпея. Это были легионы, укомплектованные их согражданами и призванные защищать Вечный город от врагов, но после кровопролитной гражданской войны у римлян было не меньше оснований опасаться победоносных войск Красса и Помпея, чем разноплеменных варварских орд и рабов Спартака. Еще двадцать лет назад граждане и подумать не могли, что будут когда-то бояться собственных легионов и военачальников. Но Рим, который не смог взять даже Ганнибал, переходил во время гражданской войны из рук в руки, словно небольшой испанский городок. Великий город все чаще оказывался заложником борющихся за власть политических партий.

Народ «с плачем и унижением просил их примириться» и избавить Рим от страха. Войска консулы распустили, но враждовать не прекратили в течение всего года. «Расходясь почти во всем, ожесточаясь друг против друга и соперничая между собой, — рассказывает Плутарх, — они сделали свое консульство бесполезным для государства и ничем его не ознаменовали, если не считать того, что Красс, совершив грандиозное жертвоприношение Гераклу, угостил народ на десяти тысячах столов и дал каждому хлеба на три месяца».

Римляне приходили в ужас от того, что два самых влиятельных римлянина должны сложить консульские полномочия, будучи врагами. Однажды в Народном собрании появился незнатный всадник — Гай Аврелий. Он поднялся на ораторское возвышение и рассказал о бывшем ему во сне видении.

— Сам Юпитер, — сказал он, — явился мне и велел объявить всенародно его волю, чтобы вы не ранее дозволили консулам сложить с себя власть, чем они станут друзьями.

Многотысячная толпа безмолвно устремила взгляды на консулов. Она ждала каких-нибудь действий, ибо речь всадника не могла остаться без ответа.

Марк Красс поднялся с курульного кресла и обратился к народу:

— Полагаю, граждане, что я не совершу ничего недостойного или низкого, если первым пойду навстречу Помпею, которого вы еще безбородым юношей удостоили почетного звания «Великий» и, когда он еще не был сенатором, почтили двумя триумфами.

Закончив короткую речь, Красс сделал шаг в направлении товарища по консульству. Помпей тотчас же покинул кресло и пошел навстречу Крассу. Оба консула обменялись рукопожатиями под восторженное ликование толпы.

В 65 г. до н.э. Красс занял еще одну высокую должность — цензора. Однако исполнял свои обязанности, по мнению Плутарха, не очень добросовестно: «...Цензорство же его оказалось совершенно бесцельным и безрезультатным, ибо он не произвел ни пересмотра списков сената, ни обследования всадников, ни оценки имущества граждан». Единствен-

ное, что он попытался сделать, — это присоединить к Риму ослабевший Египет, но тут воспротивился его товарищ по должности Лутаций Катул, едва ли не самый миролюбивый и кроткий из всех римлян. Он не допустил новой войны, да еще и за морем, и затея Красса провалилась.

Марк Красс прошел всю должностную лестницу, он достиг всего, о чем мог мечтать римлянин. Теперь он искал войны, чтобы получить славу военачальника. Новые успехи Помпея поселили в душе Красса зависть; он начал суетиться и, следовательно, допускать ошибки.

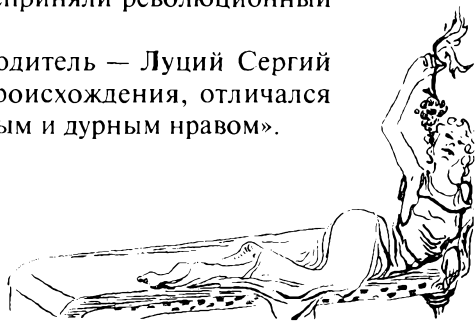
Заговор Катилины

В это время Рим погрузился в очередную смуту. По иронии судьбы революции захотелось тем, кто под знаменами Суллы громил предыдущую революцию.

Всесильный диктатор, стремясь восстановить в Риме закон и порядок, развратил собственных солдат и заложил прочную основу для новых потрясений. По словам Саллюстия, «Луций Сулла, дабы сохранить верность войска, во главе которого он стоял в Азии, вопреки обычаю предков содержал его в роскоши и чересчур вольно. В приятной местности, доставлявшей наслаждения, суровые воины, жившие в праздности, быстро развратились. Там впервые войско римского народа привыкло предаваться любви, пьянствовать, восторгаться статуями, картинами, чеканными сосудами, похищать их в частных домах и общественных местах, грабить святилища, осквернять все посвященное и не посвященное богам».

Легкие деньги закончились, тело щедрого Суллы поглотил погребальный костер, желание и умение работать не появилось, но осталась привычка к праздной красивой жизни. Потому бедолаги всей душой восприняли революционный призыв: отнять и поделить!

Нашелся и достойный предводитель — Луций Сергий Катилина, «человек знатного происхождения, отличался большой силой духа и тела, но злым и дурным нравом».

Нехорошая слава о его проделках ходила со времен Суллы. Еще до введения проскрипционных списков он убил своего брата, чтобы завладеть его имуществом. Затем Катилина попросил внести родственника в список, словно живого, что и было сделано. Так он избежал суда как братоубийца. В благодарность за это Катилина выследил и убил некоего Марка Мария, внесенного в проскрипционные списки. Его голову он принес сидевшему на форуме Сулле, а сам подошел к храму Аполлона и вымыл окровавленные руки в священной кропильнице. Помимо прочих преступлений, его обвиняли в сожительстве с дочерью и убийстве шурина.

Всю жизнь Катилина провел в роскоши и наслаждениях. Расточительный образ жизни помог ему в короткий срок промотать отцовское наследство и имущество убитых родственников. Затем Катилине удалось занять должность пропретора в Африке. Несчастливая провинция целый год едва выдерживала огромные поборы. Все деньги шли на удовлетворение порочных страстей пропретора и его товарищей, в сравнении с которыми разбойники казались невинными младенцами. В Риме он содержал отряд гладиаторов, следовавший за ним по пятам и готовый ради патрона совершить любое преступление.

Какое отношение имел Марк Красс к этому сброду? Никого. Однако, как рассказывает Саллюстий, «в те времена кое-кто был склонен верить, что замысел этот был небезызвестен Марку Лицинию Крассу. Так как Гней Помпей, которому он завидовал, стоял во главе большого войска, Красс будто бы и хотел, чтобы могуществу Помпея противостояла какая-то сила, в то же время уверенный в том, что в случае победы заговора он без труда станет его главарем».

Красс с энтузиазмом включился в новое дело; он был увлечен идеей насолить Помпею. Могущественный финансист постарался отдать власть в провинциях своим людям. Один из главных заговорщиков Писон, который был известен «как злой недруг Гнея Помпея», именно по настоянию Красса получил наместничество в Ближней Испании.

Светоний утверждает, что Красс и Цезарь зашли весьма далеко в своих намерениях заполучить власть в Риме: «Пред-

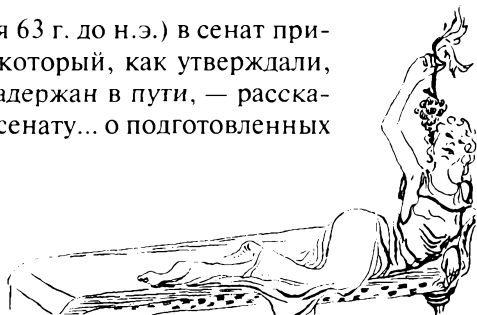

полагалось, что в начале нового года они нападут на сенат, перебьют намеченных лиц, Красс станет диктатором, Цезарь будет назначен начальником конницы... Танузий добавляет, что из раскаяния или из страха Красс не явился в назначенный для избиения день, а потому и Цезарь не подал условленного знака, — по словам Куриона, было условлено, что Цезарь спустит тогу с одного плеча».

Красс был способен вовремя остановиться. Впрочем, он продолжал оказывать помощь заговорщикам, пока у них не возник план сжечь Рим. (А мы знаем, кому принадлежала половина домов в Вечном городе.) И могущественный домовладелец поспешил к Цицерону, который исполнял в тот год должность консула. Рассказывает Плутарх: «Немного спустя, когда приверженцы Катилины в Этрурии уже собирались в отряды и день, назначенный для выступления, близился, к дому Цицерона среди ночи пришли трое первых и самых влиятельных в Риме людей — Марк Красс, Марк Марцелл и Метелл Сципион. Постучавшись у дверей, они велели привратнику разбудить хозяина и доложить ему о них. Дело было вот в чем. После обеда привратник Красса подал ему письма, доставленные каким-то неизвестным. Все они предназначались разным лицам, и лишь одно, никем не подписанное, самому Крассу. Его только одно Красс и прочел и, так как письмо извещало, что Катилина готовит страшную резню, и советовало тайно покинуть город, не стал вскрывать остальных, но тут же бросился к Цицерону — в ужасе перед грядущим бедствием и вместе с тем желая очистить себя от обвинений, которые падали на него из-за дружбы с Катилиной».

Таким образом, не без помощи Красса заговор был раскрыт. Все мятежники были уничтожены; несколько знатных римлян казнили по приказу Цицерона без суда — за это знаменитого оратора впоследствии вместо благодарности сограждане отправили в изгнание. А что же Красс? Над ним тоже нависала угроза...

«На следующий день (4 декабря 63 г. до н.э.) в сенат привели некоего Луция Тарквиния, который, как утверждали, направлялся к Катилине и был задержан в пути, — рассказывает Саллюстий. — ...Он сказал сенату... о подготовленных

поджогах, об избииении лучших граждан, передвижении врагов; далее — что его послал Марк Красс сообщить Катилине: пусть арест Лентула, Цетега и других заговорщиков не страшит его и пусть он тем более поторопится с наступлением на город, дабы поднять дух остальных заговорщиков и избавить задержанных от опасности. Но как только Тарквиний назвал имя Красса, человека знатного, необычайно богатого и весьма могущественного, одни сенаторы сочли это невероятным, другие же хоть и поверили, но все-таки полагали, что в такое время столь всесильного человека следует скорее умиротворить, чем восстанавливать против себя, к тому же большинство из них были обязаны Крассу как частные лица, стали кричать, что показания эти ложны, и потребовали, чтобы об этом было доложено сенату. И вот по запросу Цицерона сенат в полном составе объявляет, что показания Тарквиния, очевидно, ложны и что его самого надлежит держать в оковах и не позволять ему давать показания, если он не сообщит, по чьему наущению он так солгал в столь важном деле».

Триумвират

Красс благополучно выпутался из опаснейшей авантюры, но оставалась еще многолетняя вражда с Помпеем. И эту дилемму он разрешил просто и красиво, с присущей ему мудростью: если врага не удастся победить, нужно сделать его другом.

В это время Гней Помпей Великий оказался в весьма затруднительном положении. Он стал заложником своих блестящих побед на Востоке. О его успехах ходили легенды: Помпей свергал и назначал царей, менял границы государств и даровал свободу городам. Не зная поражений, он провел римские легионы по неведомым ранее землям и благополучно возвратился в Италию. Но сенаторы, вместо того чтобы радоваться успехам римского оружия, с тревогой смотрели, как высаживаются победоносные легионы в Брундизии. Ходили слухи, что Помпей уже примеряет царский

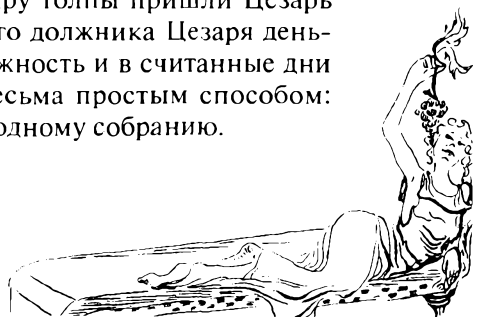
венец и собирается разогнать сенат, а также отнять власть у консулов.

Покоритель Востока, конечно, мог без особого труда сделать это, но у него и в мыслях подобного не было. Помпей поблагодарил своих легионеров за верную службу и велел им расходиться по домам, но помнить о том, что нужно будет собраться для триумфа, назначенного сенатом.

Триумф Помпея был столь велик, что двух дней не хватило, чтобы показать Риму деяния удачливого военачальника. Впереди длинной колонны трофеев несли таблицы с изображениями стран и народов, где римляне одержали победы: Понт, Армения, Каппадокия, Пафлагония, Мидия, Колхида, Сирия, Киликия, Месопотамия, Иудея, Аравия, племена Финикии и Палестины, иберы и альбаны и, наконец, Средиземное море, очищенное от пиратов. Среди знатных пленников вели жену Тиграна — царя Армении, его сына с женой и дочерью, царя иудеев Аристобула, сестру Митридата — царя Понта, пятерых его детей и многочисленных жен. Прочая добыча растянулась в триумфальном шествии на многие мили. Помпей внес в государственную казну чеканной монеты, серебряных и золотых сосудов на двадцать тысяч талантов.

Римские плебеи искренне радовались успехам своего любимца, и Помпей полагал, что без особого труда получит консульство. И тут против него ополчился весь сенат. Недавнему триумфатору объявили, что в силу одного из законов Суллы он может быть избран консулом не ранее чем через десять лет. Все его распоряжения и назначения на Востоке не были утверждены, более того, сенат принялся их отменять — главным образом, назло Помпею, чем для пользы дела. Самым обидным для Помпея было то, что ему отказали в земельных наделах для ветеранов восточной кампании. Помпей не смог сдержать обещаний, данных легионерам, и страдал из-за этого.

На помощь обиженному кумиру толпы пришли Цезарь и Красс. Красс поддержал вечного должника Цезаря деньгами, тот занял консульскую должность и в считанные дни решил все проблемы Помпея весьма простым способом: миная сенат, он обратился к Народному собранию.

Народ одобрил действия Помпея на Востоке и проголосовал за земельные наделы для его ветеранов и беднейших граждан. Сенаторы пытались помешать этому, в сущности, противозаконному акту. Тогда Цезарь позвал на трибуну Помпея.

— Одобряешь ли ты, Гней Помпей Великий, решения, принятые народом? — спросил Цезарь.

— Да.

— Если кто-нибудь вздумает насильем помешать законопроекту, придешь ли ты на помощь народу?

— Конечно, — живо ответил Помпей, — против тех, кто угрожает мечом, я выступлю с мечом и щитом.

Помпей и сам не заметил, как позволил себе прямую угрозу сенату. Спустя мгновение он был готов пожалеть о словах, сорвавшихся сторяча, но было уже поздно. Кампанское поле, в том числе и Стеллатский участок, с древних времен объявленные неприкосновенными, были разделены между легионерами Помпея и многолетними римскими гражданами. Это были последние общественные земли в Италии, приносящие казне немалый доход от сдачи в аренду. А победоносный Помпей стал обязанным Цезарю и Крассу.

«Между тем Рим разделился на три стана — Помпея, Цезаря и Красса, — подводит итог Плутарх, — причем разумная, положительная часть граждан почитала Помпея, люди пылкие и неуравновешенные воспламенялись надеждами, внушаемыми Цезарем, Красс же, занимая промежуточную позицию, с выгодой пользовался поддержкой и тех и других. Постоянно меняя свои взгляды на дела управления, он не был ни надежным другом, ни непримиримым врагом, а легко отказывался ради личной выгоды как от расположения, так и от вражды, так что в короткое время много раз был то сторонником, то противником одних и тех же людей либо одних и тех же законов».

Граждане радовались примирению самых влиятельных римлян; они даже не заметили, как родилась в лице троих «непреоборимая сила, лишившая власти и сенат и народ». Причем Помпей — в недавнем прошлом всенародный любимец — незаметно для себя пожертвовал часть своего влияния, власти и народной любви в пользу своих новых «друзей».

В апреле 56 г. до н.э. в провинциальном городке Луке собрался весь цвет Рима. Среди прочих были проконсул Ближней Испании Квинт Метелл Непот, пропретор Сардинии Аппий Клавдий, множество преторов, квесторов. Только ликторов, положенных должностным особам, насчитали сто двадцать человек. В Луку прибыло более двухсот сенаторов. Оказалось, все именитые гости были лишь фоном для более важного события, здесь произошедшего; их пригласил Цезарь, якобы посоветоваться насчет устройства завоеванной Галлии, — на самом же деле, чтобы без лишних подозрений встретиться с Крассом и Помпеем.

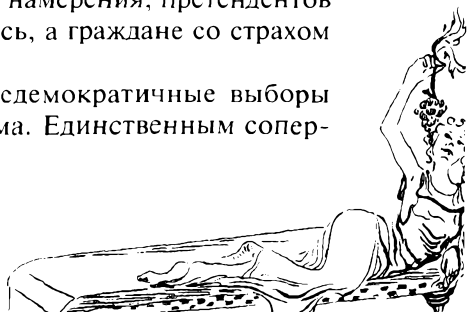
Здесь произошел раздел сфер влияния: за Цезарем осталась Галлия, Помпей пожелал обе испанских провинции, Крассу досталась Сирия. Чтобы закрепить соглашения, Помпею и Крассу необходимо было получить консульство.

Второе консульство Красса

Соглашение в Луке сохранялось в тайне, но что знают три человека — знает весь мир. Когда пришла пора подавать списки претендентов в консулы, сенаторы в первую очередь поинтересовались у Помпея и Красса: будут ли они выставлять свои кандидатуры? Разъяснения их были уклончивы: Помпей, по словам Плутарха, произнес, «что, быть может, он ее и выставит, а может быть, и нет. На вторичный вопрос о том же он сказал, что сделает это для добрых граждан, но не сделает для дурных. Помпей в ответах своих показался всем надменным и чванным. Красс же ответил скромнее, заявив, что если это может принести пользу государству, то он будет домогаться власти, в противном случае — воздержится».

После такой пресс-конференции многие осмелели и также решили искать консульства. Однако вскоре Помпей с Крассом явно обнаружили свои намерения; претендентов на консульство тут же поубавилось, а граждане со страхом следили за происходящим.

Это были, пожалуй, самые недемократичные выборы в истории республиканского Рима. Единственным сопер-

ником триумвиров стал Домиций, которого поддерживал Катон — последний страстный защитник гбнушей на глазах республики. Что из этого вышло, описывает Плутарх:

«Домиция же, своего родственника и друга, подбодрял Катон, увещая и побуждая не отказываться от надежды, так как ему предстоит бороться за общую свободу; ибо Помпею и Крассу нужна не консульская должность, а тирания, и то, что ими делается, — не соискание консульства, а захват провинций и войск. Внушая все это и сам думая так, Катон привел Домиция на форум едва ли не против его воли, причем многие к ним примкнули. И немало удивлялись люди:

— Почему Помпей и Красс вторично ищут консульства, почему опять оба вместе, почему не с кем-либо другим? Ведь у нас есть много мужей, несомненно достойных управлять делами вместе с Крассом или вместе с Помпеем.

Устрашившись этих толков, пособники Помпея не остановились ни перед какими бесчинствами и насилиями и в довершение всего устроили засаду Домицию, еще до света спускавшемуся на форум в сопровождении других лиц, убили несшего перед ним факел, многих ранили, в том числе Катона, а прочих обратили в бегство и заперли в доме. После чего Помпей и Красс были избраны консулами. Вскоре они опять окружили курию вооруженными людьми, прогнали с форума Катона и убили нескольких человек, оказавших сопротивление».

Что характерно, Красс «не отрицал, что пришел к консульству путем насилия, наняв людей, которые покушались на Катона и Домиция».

Борьба за мечту

Красс стал консулом и тут же принялся разбираться с провинциями — деловой человек никогда не откладывал назревшие вопросы «на потом».

Как мы помним, по решению триумвиров Крассу досталась Сирия. Казалось бы, зачем ему далекая невзрачная про-

винция? Но она была необходима консулу как плашдарм в далеко идущих планах.

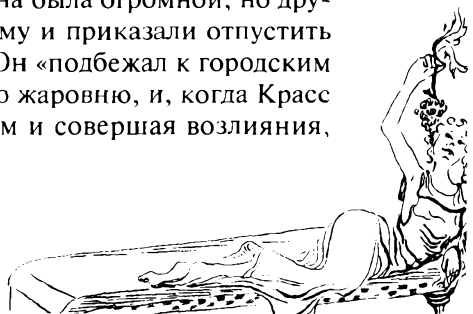
Покой не приветствовался римлянами, а Красс — дитя своего времени. Он имел все, о чем только может мечтать человек: занимал высшие должности в Риме, с ним никто не мог сравниться богатством и могуществом, он считался одним из лучших римских ораторов. Но была сфера, где он не стал первым. Военные победы Цезаря и Помпея затмили подвиги Красса под Коллинскими воротами и на войне со Спартаксом. Сирия понадобилась Крассу, чтобы начать войну с соседней Парфией, — победа в этой войне, несомненно, принесла бы ему славу величайшего полководца.

«Перед народом и посторонними он еще как-то себя сдерживал, — говорит Плутарх, — но среди близких ему людей говорил много пустого и ребяческого, не соответствующего ни его возрасту, ни характеру, ибо вообще-то он вовсе не был хвастуном и гордецом. Но тогда, возгордясь безмерно и утратив рассудок, уже не Сирией и не парфянами ограничивал он поле своих успехов, называя детскими забавами походы Лукулла против Тиграна и Помпея против Митридата, и мечты его простирались до бактрийцев, индийцев и до моря, за ними лежащего».

Крассу пытался воспрепятствовать народный трибун Атей, ему вторили тихие голоса, справедливо считавшие недопустимым поход против народа, ничем не провинившегося перед Римом и связанного с ним договором о дружбе.

Красс попросил Помпея сопровождать его на пути из Рима, и тот с удовольствием согласился. Цезарь одобрял намерения Красса и поощрял его к войне. Троиим гигантам становилось тесно в Риме, и Цезарь и Помпей надеялись избавиться от Красса таким незатейливым способом.

На выезде из города опять возник Атей. Вначале он умолял Красса остановиться и отказаться от похода. Затем приказал ликтору схватить Красса и силой задержать его. В пределах Рима власть народного трибуна была огромной, но другие трибуны воспротивились этому и приказали отпустить Красса. Но Атей не успокоился. Он «подбежал к городским воротам, поставил там пылающую жаровню, и, когда Красс подошел, Атей, воскуря фимиам и совершая возлияния,

начал изрекать страшные, приводящие в трепет заклятия и призывать, произнося их имена, каких-то ужасных, неизвестных богов. По словам римлян, эти таинственные древние заклятия имеют такую силу, что никто из подвергшихся им не избежал их действия, да и сам произносящий навлекает на себя несчастье, а потому изрекают их лишь немногие и в исключительных случаях. Поэтому и Атея порицали за то, что он, вознегодовав на Красса ради государства, на это же государство наложил такие заклятия и навел такой страх».

Угрозы Атея, конечно же, не могли остановить Красса, но их невольно пришлось выслушать и его свите, и легионерам, и, естественно, слова эти стали известны всему Риму. Страшные проклятия не добавили храбрости плебеям. Некоторые из них почли за лучшее вернуться к своим очагам и позабыть о манящих богатствах Востока.

Между дельцом и военачальником

В начале 54 г. до н.э. Красс прибыл в Брундизий — город, считавшийся морскими воротами Рима.

Стояла зима, и в это время море считалось закрытым для мореплавания. Отправляться с войском на судах было в высшей степени неразумно. Ветераны и моряки отговаривали консула от опрометчивого шага, но Красс был неумолим.

Поспешная переправа в Азию ни к чему хорошему не привела; по словам Плутарха, Красс «потерял в пути много судов. Собрав уцелевшую часть войска, он спешно двинулся сушей». Римское войско молниеносным маршем достигло Месопотамии и без помех навело мост через Евфрат.

Заселенная в глубокой древности благодатная Месопотамия повидала множество завоевателей: ее земля дрожала под колесами тяжелых ассирийских колесниц; ее поля топтала конница знаменитого вавилонского царя Навуходоносора; непрошеными гостями сюда являлись войска египетских фараонов; разноязыкими криками наполняли Междуречье армии персидских царей; победоносным шествием прошла

фаланга Александра Македонского. После смерти Александра Великого и распада необъятной империи Месопотамию захватил его военачальник Селевк. Он даже заложил здесь столицу и без лишней скромности назвал город своим именем — Селевкия.

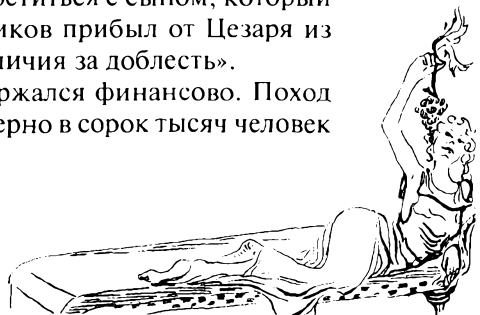
В 141 г. до н. э. парфянский царь отнял Селевкию у ослабевших потомков военачальника. А в 90-х гг. до н. э. вся Месопотамия перешла под власть парфян. И вот теперь римский орел на знаменах Красса расправил свои мощные крылья над землями между Евфратом и Тигром.

Жители Междуречья привыкли, что их постоянно кто-то стремится завоевать. Во избежание больших бед они почти не давали отпора очередному честолюбивому пришельцу. Многие города без борьбы открыли римлянам ворота. Однако Красс развивать успех не стал: в покоренных городах он оставил гарнизоны общим числом в семь тысяч пехотинцев и тысячу всадников, а сам переправился в Сирию. Там войско и встретило очередную зиму.

Историки обвиняют Красса в том, что он не пошел вперед и не взял Вавилон и Селевкию — города, неизменно враждебные парфянам, и дал противнику подготовиться для отпора. Видимо, были веские причины, чтобы неглупый человек поступил так, а не иначе. Его войско было не из лучших, что римляне выставляли для войны. Самые боеспособные легионы оказались в распоряжении Цезаря, во власти Помпея остались войска, что сражались под его началом, а с Крассом отправились стремившиеся обогатиться на Востоке плебеи, но их желание разбогатеть не было равно умению воевать. Красс понес небольшие потери в Месопотамии, но во время переправы, как мы помним, пошло ко дну много кораблей с легионерами.

В общем, Красс не был уверен в своем войске и надеялся пополнить его боеспособными легионерами. Тот же Плутарх, обвинивший Красса в недальновидности, сообщает, что он ушел в Сирию, «чтобы встретиться с сыном, который во главе тысячи отборных всадников прибыл от Цезаря из Галлии, украшенный знаками отличия за доблесть».

И еще. Красс серьезно поиздержался финансово. Поход длился около года, и войско примерно в сорок тысяч человек

нужно было ежедневно обеспечивать всем необходимым. За год войны он получил добычу только в одном случае: городок Зенодотия оказал сопротивление и под его стенами погибло сто римских солдат. Красс, «овладев им, разграбил все ценности, а жителей продал в рабство». Остальные города Месопотамии подчинились добровольно, и, следовательно, с них добычи не брали.

Деньги на этот раз были нужны Крассу, чтобы уберечь армию от голодной смерти, но Плутарх все равно не преминул упрекнуть его в жадности: «Обвиняли Красса и за дела его в Сирии, которые подобали скорее дельцу, чем полководцу. Ибо не проверкою своих вооруженных сил занимался он и не упражнением солдат в военных состязаниях, а исчислял доходы с городов и много дней подряд взвешивал и мерил сокровища богини в Иераполе, предписывал городам и правителям производить набор воинов, а потом за деньги освобождал их от этой повинности. Всем этим Красс обесславил себя и заслужил презрение».

Кроме ограбления храма хеттско-арамейской богини Деркето, Красс совершил еще одно святотатство: ограбил Иерусалимский храм.

Десять лет назад Помпей после длительной осады, перебив двенадцать тысяч иудеев, взял Иерусалим. Вот как описывает дальнейшее Иосиф Флавий: «Ничто, однако, так глубоко не сокрушало народ в тогдaшнем его несчастье, как то, что незримая до тех пор святая святых была открыта чужеземцами. Помпей, в сопровождении своей свиты, вошел в то помещение храма, куда доступ был дозволен одному лишь первосвященнику, и осмотрел все его содержимое: подсвечник с лампадами, стол, жертвенные чаши и кадилную посуду — все из чистого золота, — массу сложенного фимиама и храмовый клад, состоявший из 2000 талантов. Однако он не коснулся ни тех, ни других драгоценных вещей. Более того: на следующий же день после штурма он дозволил очистить храм и возобновить обычное жертвоприношение».

Совсем не так поступает Марк Красс: «Для своего похода против парфян он взял из Иерусалимского храма, кроме других находившихся там золотых вещей, и те 2000 талантов, которые оставлены были не тронутыми Помпеем».

В общем, он забрал все, что было ценного в храме, и вскоре, как пишет Плутарх, получил первое знамение. При выходе из храма Афродиты «первым упал молодой Красс, затем, запнувшись за него, упал и старший».

Примета была очень нехорошей.

За Евфратом

Красс начал собирать войска с зимних стоянок, когда ему явились парфянские послы. Держались они надменно и гордо, словно сами были владыками Парфии. Будь на месте Красса менее терпеливый военачальник, не сносить бы заносчивым послам головы. Впрочем, если бы они вели себя по-иному, их лишил бы жизни собственный царь.

— Если войско послано римским народом, — передали послы слова своего господина, — то война будет жестокой и непримиримой, если же, как слышно, Красс поднял на парфян оружие и захватил их земли не по воле отечества, а ради собственной выгоды, то царь воздерживается от войны и, снисходя к годам Красса, отпускает римских солдат, которые в городах Месопотамии находятся скорее под стражей, чем на сторожевой службе.

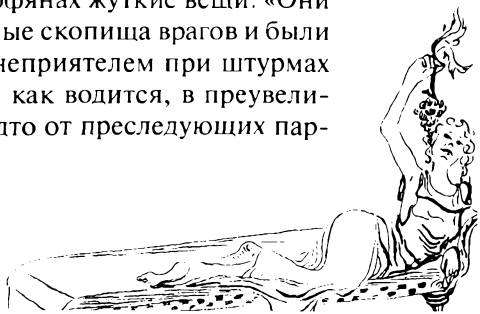
— Ответ я дам в Селевкии, — произнес Красс.

Собеседники стоили друг друга.

Старший из послов засмеялся и протянул обращенную вверх ладонь:

— Скорее тут вырастут волосы, Красс, чем ты увидишь Селевкию.

Итак, Красс направился в сторону парфянской границы. Навстречу ему попало несколько солдат, которые бежали из гарнизонов, оставленных в Месопотамии. Согласно Плутарху, они рассказывали о парфянах жуткие вещи: «Они видели собственными глазами целые скопища врагов и были свидетелями сражений, данных неприятелем при штурмах городов. Все это они передавали, как водится, в преувеличенно страшном виде, уверяя, будто от преследующих пар-

фян убежать невозможно, сами же они в бегстве неуловимы, будто их диковинные стрелы невидимы в полете, и раньше, чем заметишь стрелка, пронзают насквозь все, что ни попадает на пути, а вооружение закованных в броню всадников такой работы, что копья их все пробивают, а панцири выдерживают любой удар. Солдаты слышали это, и мужество их таяло».

Трудно надеяться на успех, когда моральный дух войска подорван задолго до встречи с неприятелем. Лишь военачальник продолжал верить в свою удачу, которая до сих пор не давала повода в ней усомниться.

Красс считал, что бежавшие из-за Евфрата легионеры стремятся оправдать свою трусость или неумение сражаться, и продолжил путь. У Евфрата его настиг армянский царь с шестью тысячами всадников. Высокий гость обещал выставить еще десять тысяч тяжелых всадников и три тысячи пехоты, если Красс примет его план войны с парфянами.

План царя был действительно хорош: он убеждал идти на Парфию через Армению. В этом случае он обещал снабжать римлян продовольствием; холмистая местность армянского нагорья была бы естественной защитой для римской пехоты и сплошным препятствием для парфянской конницы. Однако Красс решил идти через Месопотамию — не из-за твердолобого упрямства, но из благородных побуждений, ибо в гарнизонах Междуречья было им «оставлено много храбрых воинов».

Перед вступлением на вражескую землю проконсулу предстояло принести очистительную жертву. Жрец подал Крассу внутренности животного, но руки военачальника дрогнули, и печень оказалась на земле. Видя опечаленные лица присутствующих, Красс, улыбнувшись, произнес:

— Такова уж старость! Но оружия мои руки не выронят.

Предсказания гадателей были также неблагоприятны, но Красс не стал ожидать лучших. Во главе сорокатысячной армии он перешел Евфрат, который служил границей между сирийскими владениями Рима и Парфией.

Отправленные вперед лазутчики донесли, «что местность совершенно безлюдная, но замечены следы множества

лошадей, как бы совершивших поворот и уходящих от преследования». Тут плебеи, еще недавно дрожавшие от рассказов собратьев, решили, что враг струсил; все они, возжаждав парфянского золота, желали теперь идти дальше.

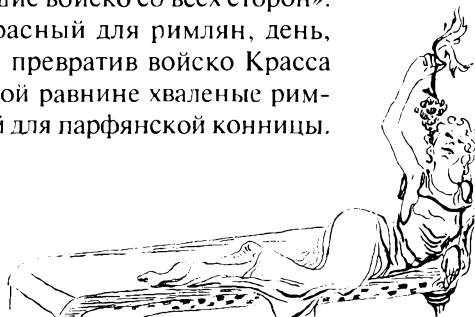
Красс не спешил, он подозревал подвох, и подогретый алчностью энтузиазм легионеров на него не подействовал. Однако все в этой войне было против него.

«Пока Красс все это обдумывал и взвешивал, — повествует Плутарх, — явился вождь арабского племени по имени Абгар, человек лукавый и коварный, ставший для Красса и его войска самым большим и решающим злом из всех, какие судьба соединяла для гибели». Араб сказал именно то, что хотели услышать легионеры Красса: «он выразил восхищение мощью Красса, но вместе с тем порицал его за медлительность, за то, что он чего-то ждет и все готовится, как будто ему нужно оружие, а не проворность рук и ног для борьбы против людей, которые давно только о том и помышляют, как бы, забрав наиболее ценные вещи и тех, кто им дорог, умчаться к скифам и гирканам».

Абгар внушал доверие к своей особе тем, что в предыдущую восточную кампанию он воевал на стороне Помпея, и многие легионеры узнали «преданного» араба. Поверил ему и Красс.

Римляне оставили район Евфрата — место, где они могли получить продовольствие и находить защиту от любой опасности, — и отправились вслед за парфянами. Абгар, любезно согласившийся стать проводником, «вел римлян по равнине — дорогой, сначала удобной и легкой, а затем крайне тяжелой: на пути лежали глубокие пески, и трудно было идти по безлесным и безводным равнинам, уходившим из глаз в беспредельную даль. Воины не только изнемогали от жажды и трудностей пути, но и впадали в уныние от безотрадных картин: они не видели ни куста, ни ручья, ни горного склона, ни зеленеющих трав — их взорам представлялись моря подобные волны песков, окружавшие войско со всех сторон».

Абгар в один, далеко не прекрасный для римлян, день, исчез. Он выполнил свою задачу, превратив войско Красса в измученную толпу. На необъятной равнине хваленые римские легионы стали легкой добычей для парфянской конницы.

Парфяне

Враг не заставил себя ждать. Из посланной разведки вернулось всего несколько человек; остальные были перебиты неприятелем.

Красс оценил свое положение: отступить было некуда, оставаться на незащищенной местности — тоже безумие, и он принял решение идти на врага. Римлянам повезло: после нескольких дней пути по безводной равнине они дошли до небольшой речки и утолили жажду. За рекой стоял враг, «который, против ожидания, не показался римлянам ни многочисленным, ни грозным». Парфян действительно было немного — примерно десять тысяч против сорокатысячного войска Красса.

Первой в атаку пошла тяжелая конница — катафрактари. Живой клин, подобный пламени, летел на римлян — всадники в шлемах и латах из ослепительно сверкавшей маргианской стали, их кони были в начищенных медных и железных чешуйчатых латах.

Следуя своей тактике, парфяне надеялись разорвать римский строй. Но, оценив в коротком бою глубину строя, стойкость и дисциплинированность воинов, сверкающая металлом змея разделась надвое и поползла вдоль римских флангов.

«Красс приказал легковооруженным броситься на неприятеля, — описывает дальнейший ход битвы Плутарх, — но не успели они пробежать и нескольких шагов, как были встречены тучей стрел; они отступили назад, в ряды тяжелой пехоты, и положили начало беспорядку и смятению в войске, видевшем, с какой скоростью и силой летят парфянские стрелы, ломая оружие и пронзая все защитные покровы — и жесткие и мягкие — одинаково. А парфяне, разомкнувшись, начали издали со всех сторон пускать стрелы, почти не целясь (римляне стояли так скученно и тесно, что и умышленно трудно было промахнуться), круто сгибая свои тугие большие луки и тем придавая стреле огромную силу удара. Уже тогда положение римлян становилось бедственным: оставаясь в строю, они получали рану за раной, а пытаясь перейти в наступление, были бессильны уравнять условия

боя, так как парфяне убегали, не прекращая пускать стрелы. В этом они после скифов искуснее всех».

Античные историки Юстин и Страбон утверждают, что парфяне произошли от скифских изгнанников; судя по блестящему владению луком, эта теория имеет право на жизнь.

Воинственные потомки Ромула презирали лучников, пращников и копьеносцев, привыкших разить издалека. В эти подразделения шли служить самые бедные римляне, представители союзных народов или наемники. Так, например, пращников на протяжении нескольких веков набирали на Балеарских островах, стрелков — на острове Крит. Их обязанностью было разозлить нерешительного противника и начать битву.

Не пользовалась уважением и конница, основная задача которой состояла в преследовании обращенного в бегство противника. В последнее время ее набирали среди народов покоренной Галлии, а также среди бедных римлян, получавших коня и оружие за государственный счет.

Исход боя полностью зависел от непоколебимого строя легионов.

Легионеры привыкли биться с противником лицом к лицу, ощущая его дыхание, чувствуя запах пота. От народа, презиравшего смерть, бежали войска, во много раз превосходившие его численностью. Несметные войска талантливого полководца, царя Понта — Митридата, пали под римскими мечами. Сотысячные армии обращались в бегство, едва столкнувшись с первыми рядами римских легионов. Они бежали, как им казалось, от римского безумия, от римской постоянной готовности отдать жизнь без лишних раздумий. И получалось наоборот — погибали дорожившие жизнью враги, а презиравшие смерть римляне побеждали малой кровью.

Но увы! В Месопотамии воины Красса впервые увидели и оценили настоящих виртуозов-лучников. Большинству это знакомство будет стоить жизни.

У безнаказанно избиваемых римлян теплилась надежда, что у врагов иссякнет запас стрел, но тут они с ужасом замети-

ли, что рядом с полем битвы стоит множество верблюдов, навьюченных стрелами. Не бой, а уничтожение римлян грозило тянуться бесконечно.

Тогда Красс приказал сыну Публию идти в атаку с наиболее боеспособными частями. Парфяне не выдержали напора и обратились в бегство. Публий со своими силами оторвался от легионов и принялся преследовать врага. Несчастный не знал, что бегство для парфян было одним из способов победы.

Когда римский отряд прилично удалился от основных сил, парфяне выстроили на его пути броненосных всадников, а легкая конница принялась обходить со всех сторон остановившихся римлян. Трагизм ситуации блестяще изображен Плутархом:

«Взрывая копытами равнину, парфянские кони подняли такое огромное облако песчаной пыли, что римляне не могли ни ясно видеть, ни свободно говорить. Стиснутые на небольшом пространстве, они сталкивались друг с другом и, поражаемые врагами, умирали не легкой и не скорою смертью, но корчились от нестерпимой боли и, катаясь с вонзившимися в тело стрелами по земле, обламывали их в самих ранах, пытаясь же вытащить зубчатые острия, проникшие сквозь жилы и вены, рвали и терзали самих себя. Так умирали многие, но и остальные не были в состоянии защититься. И когда Публий призывал их ударить на броненосных конников, они показывали ему свои руки, приколотые к щитам, и ноги, насквозь пробитые и пригвожденные к земле, так что они не были способны ни к бегству, ни к защите».

С Публием было двое местных греков; когда стал ясен исход битвы, они предложили Крассу-младшему бежать в находившийся поблизости город. «Но он ответил, что нет такой страшной смерти, испугавшись которой Публий покинул бы людей, погибающих по его вине, а грекам приказал спастись и, попрощавшись, расстался с ними».

Сын Красса, как истинный римлянин, предпочел расстаться с жизнью, но не с честью. Он не смог сам уйти в мир иной, так как стрела пронзила руку; с последней просьбой Публий обратился к оруженосцу и подставил ему бок. Его примеру последовали прочие знатные римляне.

Некоторое время Красс оставался в неизвестности насчет судьбы сына и ушедших с ним легионеров. Но вот враги возвратились к основному римскому войску. На одном из поднятых копий была надета голова Публия. Издеваясь, парфяне кричали:

— Кто его родители и какого он рода? Трудно поверить, чтобы от такого отца, как Красс — малодушнейшего и худшего из людей, — мог родиться столь благородный и блистающий доблестью сын.

«Зрелище это сильнее всех прочих бед сокрушило и ослабило души римлян, и не жажда отмщения, как следовало бы ожидать, охватила их всех, а трепет и ужас». Но Красс проявил мужество.

— Римляне! Меня одного касается это горе, — обратился он к легионерам. — А великая судьба и слава Рима, еще не сокрушенные и не поколебленные, жидутся на вашем спасении. И если у вас есть сколько-нибудь жалости ко мне, потерявшему сына, лучшего на свете, докажите это своим гневом, обратите его на врагов. Отнимите у них радость, покарайте их за свирепость, не смущайтесь тем, что случилось: стремящимся к великому должно при случае и терпеть.

Но лишь немногие услышали его из-за грохота парфянских литавр и топота лошадей. Немногие сдвинулись с места, повинувшись слову проконсула и чувству долга.

Вновь полетели смертоносные стрелы. Некоторые враги, осмелев, подъезжали вплотную и поражали римлян копьями.

Красс бессильно метался от легиона к легиону. Он скакал на виду у тысяч врагов в плаще военачальника и надеялся, что парфянская стрела или копье избавят его наконец от мучений и позора. Все напрасно. Его телохранители давно лежали бездыханными в пыли, Красса же, словно заговоренного, не коснулась ни одна стрела.

Избиение продолжалось до самой ночи. Затем враги ускакали прочь, крича напоследок, что даруют Крассу одну ночь для оплакивания сына.

Парфяне лукавили. Они панически боялись темноты, поскольку в это время суток конница не имела никаких преимуществ.

Отступление

Жертва Публия была не напрасной. Парфянам не хватило времени расправиться с основными силами римлян — того самого времени, что они потратили на уничтожение шеститысячного отряда Публия Красса. Даже после многих потерь римляне числом превосходили врага. Впрочем, у парфян появился сильный союзник в лагере Красса. Имя ему — страх. Он парализовал волю римлян, отнял желание бороться и защищаться.

Для римлян наступила страшная ночь. Никто не думал о погребении павших товарищей, об уходе за ранеными, об утешении умирающих — каждый оплакивал только себя. Именно оплакивал, ибо эту ночь римляне расценивали как короткую отсрочку от смерти.

Хуже всего было то, что Красс, мужественно принявший известие о гибели сына и весь день пытавшийся противостоять убийственной тактике парфян, теперь окончательно утратил душевные и физические силы и даже самую способность здраво мыслить.

«И хотя Красса считали виновником всех бед, воины все же хотели видеть его и слышать его голос, — рассказывает Плутарх. — Но он, закутавшись, лежал в темноте, служа для толпы примером непостоянства судьбы, для людей же здоровомыслящих — примером безрассудного честолюбия; ибо Красс не удовольствовался тем, что был первым и влиятельнейшим человеком среди тысяч и тысяч людей, но считал себя совсем обездоленным только потому, что его ставили ниже тех двоих (Помпея и Цезаря). Легат Октавий и Кассий пытались поднять и ободрить его, но он наотрез отказался, после чего те по собственному почину созвали на совещание центурионов и остальных начальников и, когда выяснилось, что никто не хочет оставаться на месте, подняли войско, не подавая трубных сигналов, в полной тишине».

Позади войска, в оставленном лагере, начало твориться что-то невообразимое. Слышались шум, душераздирающие вопли и крики. Легионеры решили, что на них напали парфяне, и свернули с дороги: кто влево, кто вправо.

Причиной переполоха явились тяжелораненые, не способные двигаться легионеры. Эти несчастные подняли шум, когда стало ясно, что их оставили.

Позор ситуации понимал каждый; уходя, римляне старались не оборачиваться. Никогда прежде римляне не покидали места сражения, не отдав последних почестей мертвым и не позаботившись о раненых. Но в эту ночь никто уже не думал ни о традициях, ни о венке за спасение товарища, который считался в Риме одной из самых высоких наград.

Парфяне, появившиеся утром в брошенном лагере, перебили около четырех тысяч раненых легионеров.

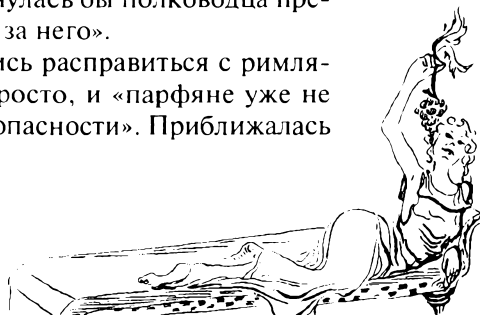
Как всю жизнь удача неизменно сопровождала Красса, так в конце она полностью отвернулась от своего недавнего фаворита. Он пытался вывести остатки войска под защиту Армянских гор, но проводник-грек, оказавшийся предателем, завел римлян в «непроходимые местности, среди болот».

Кассий с пятьюстами всадниками ускакал в Сирию. Еще пять тысяч римлян под предводительством Октавия достигли гористой местности и закрепились там.

С Крассом осталось всего четыре когорты легионеров, совсем немного всадников и пять ликторов. К утру он выбрался на дорогу. Оставалось пройти сухую малость — двенадцать стадий (2,2 километра), чтобы добраться до спасительных холмов, которые занял Октавий. Однако парфяне уже настигли арьергард, и Красс был вынужден остановиться и занять небольшой холм — «не слишком недоступный для конницы и малонадежный».

Читаем у Плутарха: «Октавий видел всю опасность его положения и первый устремился к нему на выручку с горстью людей, а затем, укоряя самих себя, помчались вслед за ним и остальные. Они отбросили врагов от холма, окружили Красса и оградили его щитами, похваляясь, что нет такой парфянской стрелы, которая коснулась бы полководца прежде, чем все они умрут, сражаясь за него».

Некоторое время враги пытались расправиться с римлянами, но это оказалось не так просто, и «парфяне уже не с прежним пылом шли навстречу опасности». Приближалась

ночь, которая обещала принести спасение Крассу и остаткам его воинства. И тогда парфяне решились на хитрость. Подле холма появился парламентар и предложил:

— Военачальник парфян от имени могущественного царя Орола предлагает встретиться с Марком Лицинием Крассом и прочими его легатами, чтобы обсудить условия перемирия. Мужество и мощь царя Парфии испытаны римлянами против его воли. Ныне, когда вы отступаете, царь по собственному желанию выказывает свою кротость и доброжелательность, заключая мир и не препятствуя спасению римлян.

Красс, с одной стороны, видел путь спасения и без милости парфян; с другой стороны, он столько терпел от предательства, что перестал верить даже друзьям. В общем, он не собирался попадаться на дешевую удочку.

Но римляне восторгом и ликованием встретили предложение врагов. Легионеры побросали свои позиции и столпились вокруг Красса. Они ожидали от него ответного слова и, конечно же, согласия.

«Красс сделал было попытку их убедить, говорил, что, проведя остаток дня в гористой, пересеченной местности, они ночью смогут двинуться в путь, указывал им дорогу и уговаривал не терять надежды, когда спасение уже близко, — пишет Плутарх. — Но так как те пришли в неистовство и, гремя оружием, стали угрожать ему, Красс, испугавшись, уступил и, обратясь к своим, сказал только:

— Октавий и Петроний и вы все, сколько вас здесь есть, римские военачальники! Вы видите, что я вынужден идти, и сами хорошо понимаете, какой позор и насилие мне приходится терпеть. Но если вы спасетесь, скажите всем, что Красс погиб, обманутый врагами, а не преданный своими согражданами».

Реквием

Красс желал идти навстречу своей судьбе один; ликторов, которые было двинулись следом, он отослал обратно. Октавий и Петроний все же не оставили своего командира.

Первыми из врагов посольство Красса встретили двое полуэллинов. Они соскочили с коней, поклонились Крассу и предложили послать несколько человек, которые убедятся, что парфянский военачальник и его свита едут безоружными. На это Красс ответил, что если бы он хоть сколько-нибудь заботился о сохранении своей жизни, то не отдался бы им в руки.

Парфянский полководец Сурена предложил доехать до реки, чтобы написать условия мирных соглашений. Далее, согласно описанию Плутарха, события разворачивались молниеносно:

«Когда же Красс приказал привести свою лошадь, Сурена сказал:

— Не надо, царь дарит тебе вот эту, — и в ту же минуту рядом с Крассом очутился конь, украшенный золотой уздой.

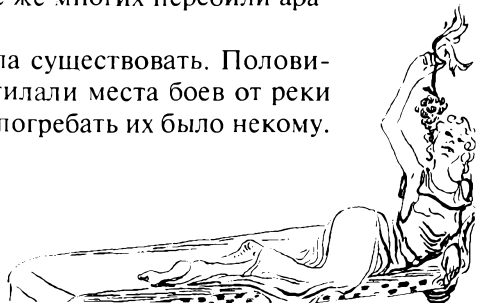
Конюшие, посадив Красса и окружив его, начали подгонять лошадь ударами. Первым схватился за поводья Октавий, за ним военный трибун Петроний, а затем и прочие стали вокруг, силясь удержать лошадь и оттолкнуть парфян, теснивших Красса с обеих сторон. Началась сумятица, затем посыпались и удары; Октавий, выхватив меч, убивает у варваров одного из конюхов, другой конюх — самого Октавия, поразив его сзади. Петроний был безоружен, он получил удар в панцирь, но соскочил с лошади невредимый. Красса же убил парфянин по имени Эксатр».

Позже возникнет легенда, что парфяне в наказание за жадность влили Крассу в рот расплавленное золото.

Парфяне подъехали к холму и объявили, что Красс наказан по заслугам. Легионерам же предложили спуститься вниз и отдаться на милость парфянского царя.

Многие так и поступили. Некоторые римляне отказались сложить оружие, но, лишённые вождей и покинутые большинством товарищей, они были обречены. Часть войска разбежалась: те, которым удалось добраться до гор, не теряли надежды на спасение, на равнине же многих перебили арабы или парфяне.

Армия Марка Красса перестала существовать. Половина ее погибла: трупы римлян устлали места боев от реки Балисс до предгорий Армении — погребать их было некому.

Десять тысяч воинов парфяне взяли в плен и позже поселили на северо-восточной окраине Парфии в Мервском оазисе. Еще около десяти тысяч разбежалось по огромному пространству между Евфратом, Тигром и Армянскими горами. Одиравшие, голодные, абсолютно деморализованные, они пытались добраться до римских владений в Азии.

Голову и руку Красса Сурина послал Ороду в Армению, сам же пошел с войском в Селевкию.

Враги не преминули поиздеваться над предательски убитым Марком Лицинием Крассом, — это уже была подлость вдвойне, и организаторы подобных мероприятий получают свой расчет от судьбы.

По дороге парфяне устроили что-то вроде шутовского шествия, издевательски называя его триумфом. Среди пленных они нашли одного римлянина, очень похожего на Красса. Гая Пакциана — так звали того несчастного — одели в женское платье и велели откликаться на имя Красса и титул императора. «Красса» посадили на коня, позали него на верблюдах ехали ликторы. К их розгам были привязаны кошельки, а на секиры насажены отрубленные головы римлян. За ликторами следовали селевкийские гетеры и в наспех сложенных песнях издевались над жадностью и малодушием Красса.

Парфянский царь Ород к этому времени заключил мир с армянским царем. Как это часто бывает на Востоке, война закончилась свадьбой: Артавазд отдал свою сестру за сына недавнего врага — Пакора. Пирь следовали за пирами. Вечерашние враги состязались в стрельбе из лука, в беге, борьбе, а восседавшие на тронах цари щедро награждали победителей.

Во время празднества часто приглашались актеры, как придворные, так и бродячие греческие труппы, ибо Ород был знаком с греческим языком и литературой. Артавазд же даже сочинял трагедии, писал речи и исторические сочинения.

Когда в столицу Армении доставили голову Красса, оба царя смотрели трагедию «Вакханки» греческого поэта-драматурга Еврипида. Театр был заполнен парфянской и армянской знатью. Многие из них не знали греческого языка

и почли бы за лучшее провести время на охоте, но в угоду своим правителям с восторгом на лицах смотрели трагедию.

Зазвучал женственный голос Ясона, актера из Тралл. Он играл роль вакханки Агавы, которая разрывает на части собственного сына и возвращается с берегов Киферона, неся на жезле его голову. В этот момент Ясон вместо бутафорской головы подхватил голову Красса и начал декламировать стихи своей роли:

Только что срезанный плющ —
Нашей охоты добычу счастливую —
С гор несем мы в чертог.

Восторг вновь охватил присутствующих, даже самых далеких от поэзии и не понимающих ни слова по-гречески.

Затем вступил хор:

— Кем же убит он?
— Мой это подвиг! —

прозвучал ответ Агавы.

Эксатр, бывший здесь, вскочил на сцену и выхватил голову у Ясона.

— Мой это подвиг! — грозным и сильным басом, но чрезвычайно фальшиво продекламировал парфянин.

Зал разразился бешеными воплями одобрения.

Такая импровизация пришлась по вкусу и царю парфян. Он щедро наградил Эксатра, а Ясону дал талант серебра.

Слава блестящей победы по праву должна была достаться Сурене. Если учесть, что накануне он отвоевал Ороду царство и возложил на него корону, то парфянский царь был его большим должником.

Владыка Парфии вызвал своего лучшего военачальника во дворец, чтобы наградить его по заслугам. Когда Сурена в одной из комнат дожидался царя, вместо Орода вошли палачи и задушили прославленного героя.

Несколько позже в битве с римлянами погиб принц Пакор. Ород тяжело переживал смерть любимого сына. Он начал чахнуть, часто болел, и, наконец, водянка уложила его

в постель. Младшему сыну царя, Фраату, не терпелось заполучить парфянский трон. Однажды он, по сговору с врачом, решил отравить его аконитом. Но яд, вопреки ожиданиям наследника, подействовал как лекарство и вышел вместе с водой — больному стало легче. Видимо, по восточной традиции царь заранее готовил свой организм к действию различных ядов. Взбешенный Фраат приказал задушить отца. Такова была судьба победителей Марка Лициния Красса.

Источники

Аппиан Александрийский. Римская история. М., 2002.

Бехистунская надпись <http://lib.rus.ec/b/99239/read>

Библия. М., 2005.

Вавилонская хроника <http://hworld.by.ru/text/bab/bab.chr.html>

Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. (Текст из книги: Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. М., 1999.)

Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.

Геродот. История. М., 2007.

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Кн. I. (Текст из книги: Архитектура античного мира. Сост. В. П. Зубов и Ф. А. Петровский. М., 1940.)

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Кн. IX. (Текст из книги: Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов-на-Дону, 1990.)

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Книга XVII. (Текст из книги: Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога. // Диодор. Историческая библиотека. Книга XVII. Рязань, 2005.)

Иосиф Флавий. Иудейские древности. Иудейская война. М., 2007.

Ксенофонт. Сократические сочинения. Киропедия. М., 2003.

Луций Анней Флор — историк Древнего Рима. /Немировский А. И., Дашкова М. Ф. Воронеж, 1977.

Марк Туллий Цицерон. Речь о предоставлении империя Гнею Помпею (О Манилиевом законе). (Текст из книги: Марк Туллий Цицерон. Речи в двух томах. Том первый (81–63 гг. до н.э.). М., 1962.)

Плутарх. Избранные жизнеописания. В двух томах. М., 1987.

Публий Корнелий Тацит. Анналы. (Текст из книги: Публий Корнелий Тацит. Анналы. Малые произведения. История. М., 2003.)

Руф К. К. История Александра Македонского. М., 1993.

Страбон. География. Пер. с греч., вступ. статья и комм. Г. А. Стратановского. М., 2004.

Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога. // Диодор. Историческая библиотека. Книга XVII. Рязань, 2005.

Содержание

Предисловие	5
Тутанхамон	8
Соломон	27
Навуходоносор	53
Крез и Кир	76
Лукулл	118
Красс	152
Источники	201

- Л37 Левицкий Г.
Самые богатые люди Древнего мира / Геннадий Левицкий. — М. : Ломоносовъ, — 2011. — 208 с. — (История. География. Этнография). ISBN 978-5-91678-110-6

Вавилонский царь Навуходоносор II, любитель изысканных пиров Лукулл, персидский царь Кир II Великий, лидийский царь Крез, полководец Красс, египетский фараон Тутанхамон, легендарный правитель Израиля Соломон... Их кладовые ломились от золота, но известность они обрели не богатством, а делами. Что же до золота, то всегда повторялась одна и та же история: в какой-то момент количество придавало золоту такую силу, что оно переставало служить своему владельцу, само начинало им управлять и счастья не приносило. Навуходоносор умер раньше естественной смерти, ибо лишился разума, Кир и Красс погибли в бессмысленных битвах, Крез канул в безвестности, Лукулл незаслуженно был осмеян современниками, свершения Соломона вскоре после его смерти обратились в прах, и лишь Тутанхамона посмертно прославило золото, найденное в его гробнице...

О том, как создавались гигантские состояния древности, как жили и что оставили после себя их владельцы, рассказывает книга Геннадия Левицкого.

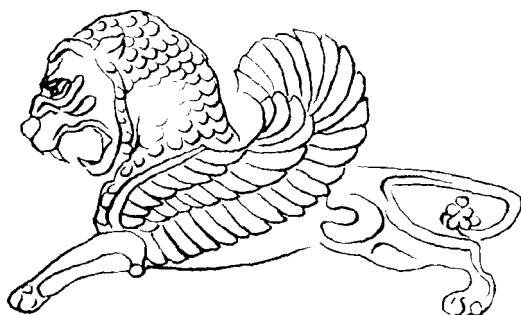
УДК 930.85
ББК 63.3(0)3

История. География. Этнография

Геннадий Левицкий

Самые богатые люди

Древнего мира

Редактор М. Кузьмин

Художественный редактор Е. Трушина

Верстка М. Васильевой

Подписано в печать 05.05.2011.

Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 13,00. Тираж 1500 экз. Заказ № 5613.

ООО «Издательство «Ломоносовь»

119034 Москва, Мансуровский пер., д. 13

Тел. (495) 637-45-49

info@lomonosov-books.ru

www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»

143200 г. Можайск, ул. Мира, д. 93

www.oaompk.ru, www.oaompk.prf

тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Геннадий
Левицкий

Самые богатые
люди Древнего
мира

Вавилонский царь Навуходоносор II, любитель изысканных пиров Лукулл, персидский царь Кир II Великий, лидийский царь Крез, полководец Красс, египетский фараон Тутанхамон, легендарный правитель Израиля Соломон... Они были самыми богатыми людьми древности — такими богатыми, что никто толком не мог сосчитать их сокровища.

Их кладовые ломались от золота, и в какой-то момент количество придавало золоту такую силу, что оно переставало служить своему владельцу и само начинало им управлять.

А в результате кто-то, как Навуходоносор, умер раньше естественной смерти, ибо лишился разума, кто-то, как Кир или Красс, погиб в бессмысленных битвах, кто-то, как Крез, канул в безвестности, а великие дела тех, кто, подобно Соломону, умер в своей постели, вскоре после их смерти превратились в пыль.

О том, как создавались гигантские состояния древности, как жили и что оставили после себя их владельцы, рассказывает книга Геннадия Левицкого.

ISBN 978-5-91678-110-6

9 785916 781106